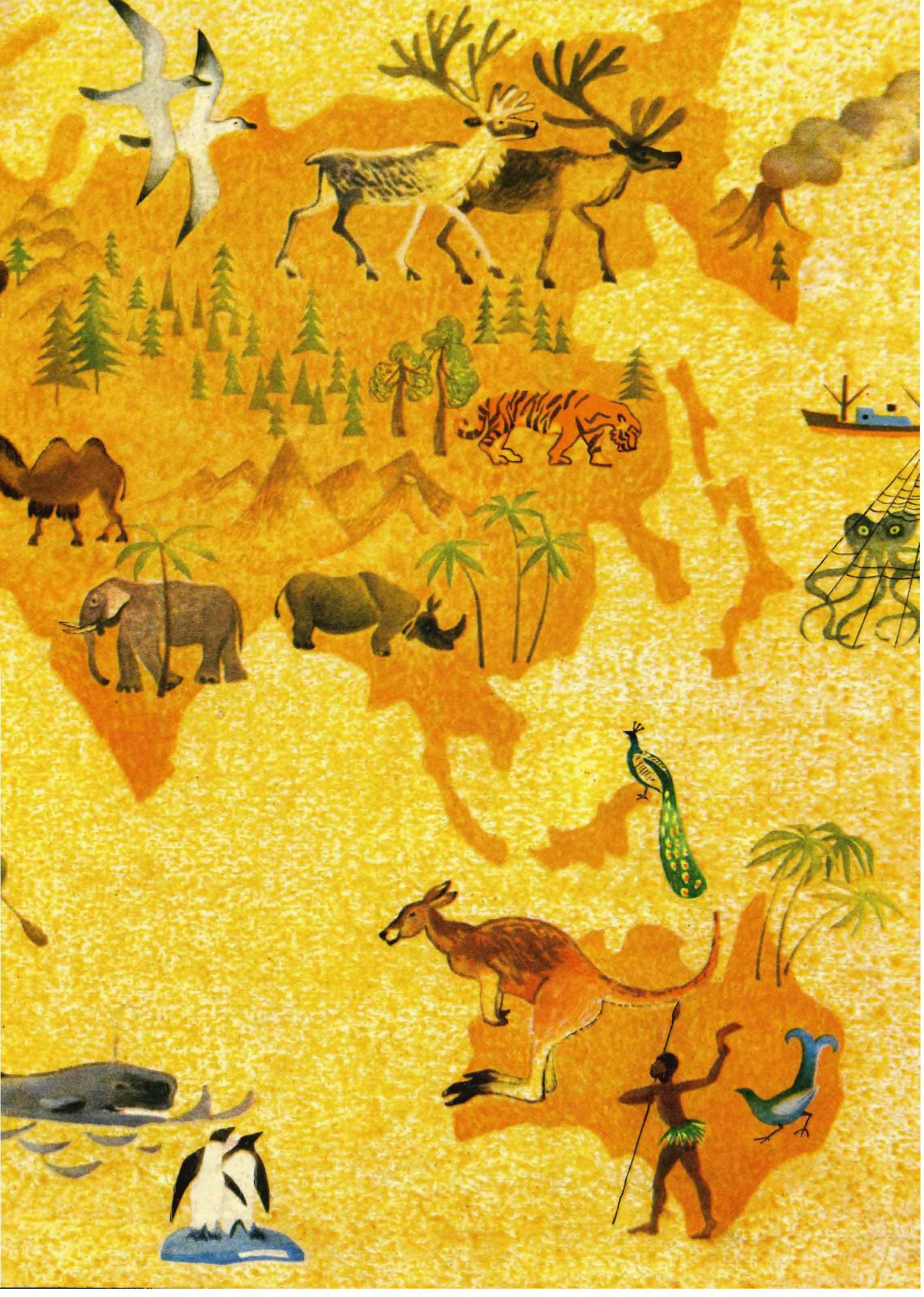

А. СВИРИН

БОЛЬШАЯ ОХОТА

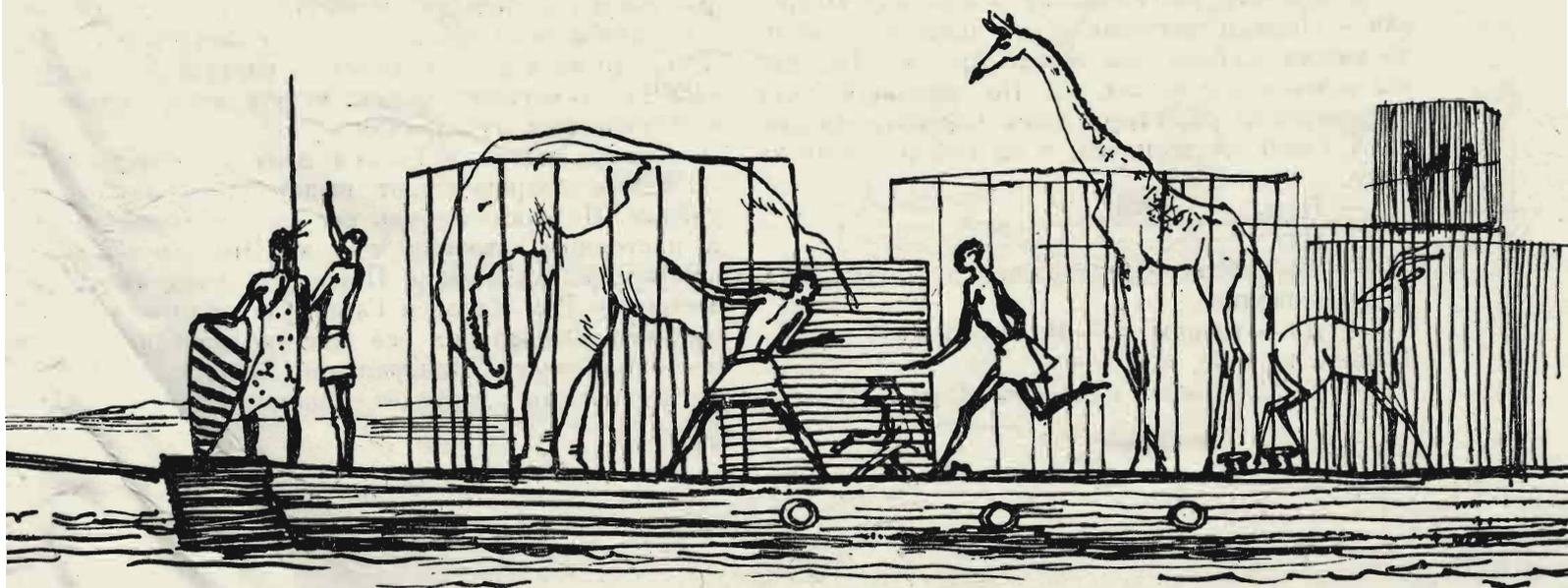

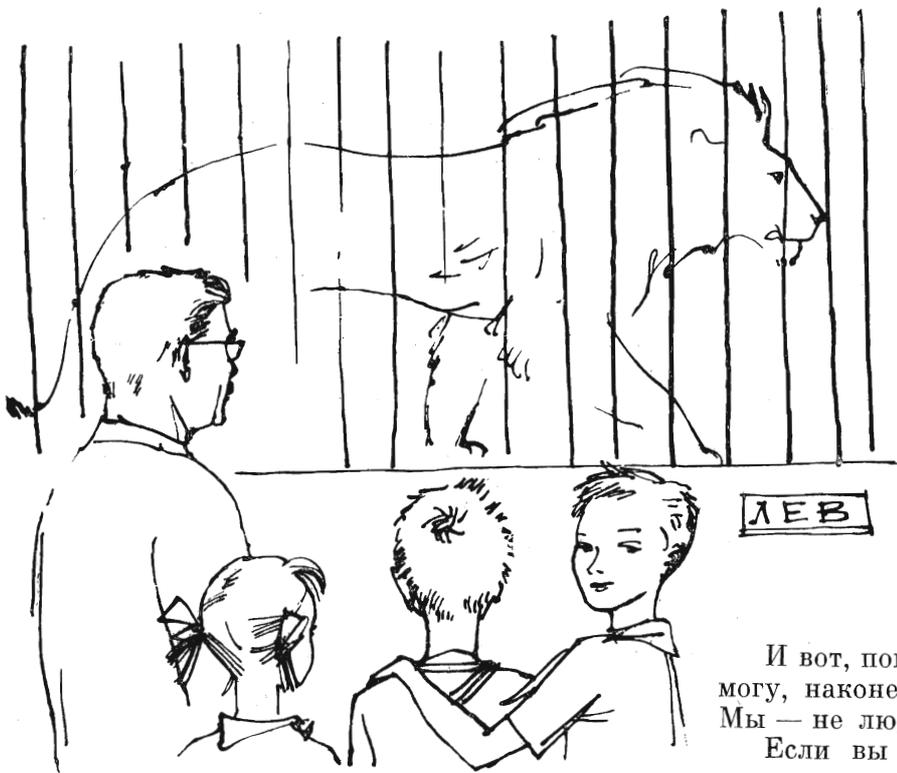
А. Свирин

БОЛЬШАЯ ОХОТА

КНИГА ЗНАНИЙ ЧЕТВЁРТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО *"Малыш"*
МОСКВА • 1966

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается о том, что есть, и о том, что было, и которая приближает читателя к тому, что ещё предстоит

Это клетка со львом.

Перед нею — мы: Ленка, Генка, Александр Петрович и я.

Мы стоим к вам спиной, извините... Но если бы мы повернулись, то не могли бы смотреть на льва. А у нас научная экспедиция.

О чём нам рассказывает Александр Петрович — Ленкин дедушка — вам пока не особенно важно. Сейчас вам важно другое. То, что мы — это вовсе не мы, а... Но, пожалуй, для откровенного разговора здесь чересчурлюдно.

А Генке не терпится, и он трогает меня за руку:

— Вить!..

— Ну?

— Не забудь — лев должен достаться мне. Как условились.

— Да,— говорю я.— И носорог. И слон... Только не тебе, а Кагену.

— Тсс!..— Ленка поднесла палец к губам.—

Никто не должен знать, что мы — это не мы, а... — она осеклась.

— Ты, кажется, хотела что-то сказать? — невинно поинтересовался я.— Так кто же мы? Продолжай...

— Научные исследователи, вот кто!

— Если вы собираетесь говорить об этом, — сказал Александр Петрович, — подыщем другое место. Сядем за столик в кафе и закажем мороженое... Или возьмём лодку и отплывём подальше от берега.

— Конечно, лодку! — обрадовались мы с Генкой.

— А потом — за столик. Да, дед? — Это, конечно, Ленка.

И вот, пока мы идём к пристани на пруду, я могу, наконец, рассказать вам самое главное... Мы — не люди!

Если вы повнимательнее присмотритесь к нам, то заметите, что мы слегка, ну совсем немного, сутулимся. Это потому, что мы чувствуем за спиной крылья. Они спрятаны у нас под одеждой. И хвосты... И ещё — мы никогда не спим. И можем видеть в темноте и тумане... Но, разумеется, тем, кто не посвящён в нашу тайну, это не должно бросаться в глаза. Пусть думают, что мы люди!

А на самом деле, мы — разумные существа с другой планеты, которые высадились на Землю. Так мы договорились между собой, когда затеяли нашу игру. И теперь мы — только не Ленка, Генка и я, а Нкале, Каген и Тькави — заняты изучением фауны и флоры земной суши.

В космическом пространстве, на расстоянии десяти тысяч километров от Земли, остался наш звездолёт «ЛУЧ». На нём несёт вахту прославленный космический капитан Лендед. Он — дедушка Нкале. Там у него есть телевизор, радиостанция и большой телескоп БТ — всё для того, чтобы поддерживать связь с Землёй и видеть, что на ней происходит. А ракетный катер «ЛУЧа» совершает рейсы между звездолётом и Внуковским аэродромом...

Нкале, Кагена и Тькави в их путешествии по Земле сопровождают выдающиеся земные учёные. Не какие-нибудь там свечки-лампочки, а настоящие светила науки. Это — русский профессор Александр Петрович Академиков, индиец — Рам Чаран и Гарри Сеггридж — американец. Сейчас они все шестеро находятся в восточной части Центральной Африки. В их распоряжении вертолёт, маленький, очень

удобный автобус «РЕКС» и международный пропуск через все границы...

Понятно ли вам теперь, почему Ленкин дедушка возглавил сегодня нашу научную экспедицию в зоопарк? Если понятно, тогда всё в порядке! Ну, а если нет, прочтите три книги: «До Земли ещё далеко», «На этой планете можно жить» и «Операция «Океан». В них описаны все приключения Нкале, Кагена и Тькави до этого дня...

Ну вот мы и подошли к пруду.

— Катайтесь,— сказал лодочник, подтаскивая за цепь двухпарку.

Мы с Генкой сели на вёсла, Ленка устроилась спереди, а её дед занял место на корме, лицом к нам.

— Вперёд! — скомандовал он, и лодка отошла от пристани.— Теперь можно говорить о главном... Путешествие продолжается!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которую вливается лодка с исследователями и из которой исчезает Нкале. Тропический лес. Приключение со змей

Лодка плыла вниз по извилистой быстрой реке. На берегах реки росли гигантские тропи-

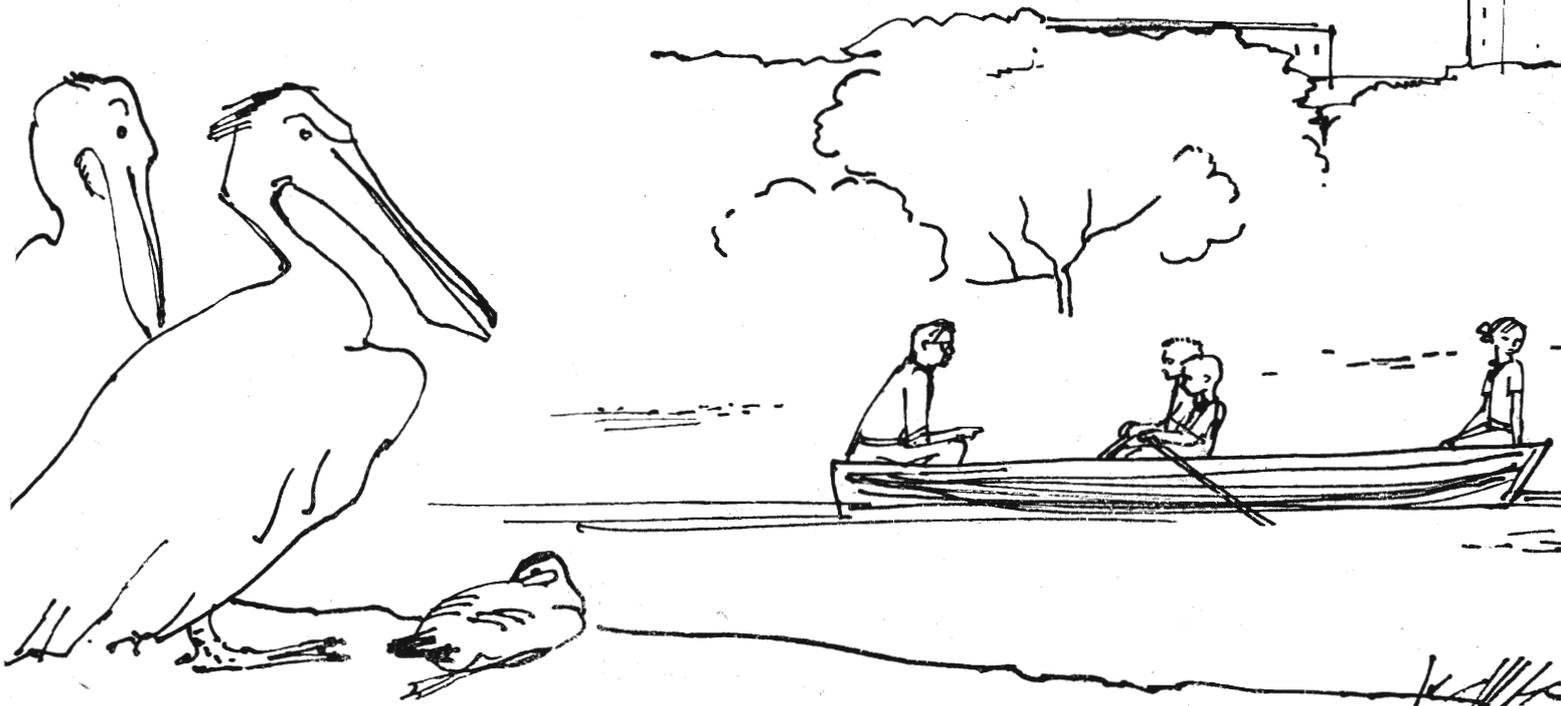
ческие деревья. Их опутанные лианами кроны смыкались вверху, образуя сплошной зелёный навес. Под ним царили влажные сумерки. Тонкие стрелы пробивающихся сквозь листву отвесных солнечных лучей то здесь, то там пронизывали таинственную полутьму. Запах сырой земли и гниющих листьев смешивался с запахами реки. Было душно и жарко. Лианы свисали над нами, как оборванные канаты. Некоторые из них были неподвижны, другие чуть покачивались из стороны в сторону или внезапно вздрагивали, словно живые существа, когда прикасались концами к поверхности воды.

Огромные, ярко-окрашенные бабочки и прозрачнокрылые, как будто сделанные из целлофана стрекозы, пьяно летавшие над рекой, иногда садились на стебли лиан и замирали на них, похожие на фантастические живые цветы...

С подмытых течением берегов в воду сползали обнажённые корни деревьев. Они были толстые, мокрые и кривые. Обтекая их, вода журчала и закручивалась в воронки. А в глубине реки смутно струились вытянутые по течению длинные пряди зеленовато-бурых водорослей...

Вокруг лодки кружились осы, жуки и мухи. Воздух был насыщен их назойливым однообразным гудом. Свиристели не видимые в траве цикады. А сверху, из густоты ветвей, доносился несмолкаемый гортанно-звонкий крик попугаев...

...От этого крика у нас непрерывно звенело в ушах...

Мы возвращались в лагерь.

Профессор Академиков и Каген гребли. Я стоял на носу лодки и отводил палкой концы лиан, когда они оказывались на нашем пути.

Вторая лодка, в которой находились Нкале, Сеггридж и Рам Чаран, отстала от нас минут сорок назад, когда Нкале вдруг захотелось поймать несколько особенно красивых бабочек и стрекоз для своей коллекции.

Место там было подходящее — один из лесных великанов рухнул от старости, и над рекой образовался просвет, сквозь который прорывался сноп солнечных лучей, привлекая множество великолепных насекомых. Академиков разрешил Нкале немного полетать за ними. Она немедленно вооружилась сачком и начала охоту.

Не опасаясь дурных последствий, мы спокойно ушли вперёд. Сеггридж и Рам Чаран были опытные путешественники, не впервые проникавшие в дебри экваториального леса. Их лодка должна была догнать нас, как только Нкале угомонит немного свой охотничий пыл. По нашим расчётам сорока минут было вполне достаточно. Однако лодка не появлялась.

Академиков начал тревожиться.

— Может быть, мы плывём слишком быстро? — предположил он. — Перестань гребсти, Каген. Табать!..

Оба с силой навалились на вёсла, тормозя лодку.

Лодка остановилась. Мы прислушались. Ни голосов наших спутников, ни плеска вёсел не было слышно.

— Странно, — сказал Академиков. — Очень странно...

Лодка медленно поворачивалась на месте. Я протянул палку, чтобы оттолкнуть оказавшуюся прямо перед моим носом лиану. Лиана откачнулась в сторону, на мгновение, словно в раздумье, остановилась, а затем плавно пошла обратно. И вдруг я увидел, как на конце лианы поднялась плоская треугольная голова серо-зелёного цвета, с круглыми немигающими глазами и трепещущим в воздухе тонким раздвоенным языком. С тихим шипением она тянулась прямо к моему лицу... «Змея!» — хотел закричать я, но отвратительный страх сдавил мне горло. Всё тело мгновенно покрылось холодным потом...

Может быть, гадина и не была ядовитой. Возможно, она вовсе и не собиралась нападать на меня, а только хотела поближе рассмотреть, кто это потревожил её покой, — говорят, змеи плохо видят... Не знаю...

Во всяком случае, не успев ещё ничего сообразить, я инстинктивно отпрянул назад. Лодка качнулась и зачерпнула воду. Каген крикнул:

— Эй!.. Если ты решил искупаться, сперва разденься!

Лиана с обвившейся вокруг неё змеёй медленно проплыла мимо меня по направлению к Кагену. Я услышал его испуганный крик и громкий всплеск воды, а затем несколько сильных глухих ударов, быстро следовавших один за другим. Лодка качалась и черпала бортами воду.

Я оглянулся.

Каген сидел на дне лодки по пояс в воде, как в ванне. Позади него стоял Академиков с веслом в руках. Кажется, ему удалось здорово попасть по змее — она вертелась, как бешеная... В следующий момент её длинное пестрое тело сорвалось с лианы и исчезло в реке.

— Вот и всё, — с удовлетворением сказал профессор. — Тькави, она не укусила тебя? А тебя, Каген?

Каген помотал головой. Лицо его было совсем белое. Губы дрожали.

— Нет... Только я потерял весло... Надо было предупредить.

Конечно, надо было. Но, по-моему, мы о

Кагеном в этой истории вполне стоили друг друга. Ещё не известно, кто из нас больше струсил.

— Ладно, мальчики, — сказал Академик. — Вы оба вели себя, как герои... Потрудитесь-ка теперь вычерпать воду!

Вот язва!

Я думал, мы сейчас же бросимся в погоню за упущенным веслом. Однако совершенно необъяснимое отсутствие второй лодки всё больше тревожило учёного.

— Бог с ним, с веслом, — сказал он, — хватит и одного.

Выбрав место, где корни деревьев немного расступились, а берег был более отлогим, он причалил.

— Высаживаться не будем, мальчики. Подождём минут пять и, если они не появятся, вернёмся... — Александр Петрович повернулся лицом в ту сторону, откуда должна была появиться лодка, и больше не произнёс ни слова.

В топкой грязи на берегу виднелись следы

животных, приходивших сюда ночью на водопой. Отпечатки раздвоенных копыт принадлежали, по-видимому, диким кабанам или обитательнице тропических зарослей — небольшой полужирафе-полуантилопе окапи, а глубокие царапины на коре корней могли быть оставлены когтями леопарда...

Разговаривать не хотелось. Напряжённо прислушиваясь, мы ждали, что вот-вот раздадутся голоса наших товарищей.

Но ничего, кроме гудения насекомых и крика попугаев, не было слышно.

Я думал о том, почему это почти все живые существа на свете боятся змей. И человек тоже боится. Только он может пересилить свой страх и отвращение... если нужно... Например, как Александр Петрович. Испытывая стыд и презрение к себе оттого, что так растерялся, я задавался вопросом: а как бы я вёл себя, если бы с нами была Нкале? И давал себе слово, что в следующий раз, пусть только появится змея...

Восклицание Кагена прервало ход моих размышлений:

— Смотрите!.. — он указывал рукой на поворот реки, из-за которого течение выносило какой-то предмет, похожий на огромный полуватонувший цветок.

Одним толчком Академик вывел лодку на середину реки. Склонившись над водой и вытянув руки вперёд, мы с Кагеном приготовились схватить плывущий предмет, как только он окажется рядом с нами. Теперь мы уже догадывались, что это было... Прошло ещё несколько секунд, и Каген выпрямился. В его руке была шляпа Нкале...

И тут до нашего слуха донёсся душераздирающий вопль. Он пришёл оттуда, где должны были находиться наши товарищи. Мне показалось, что я узнал голос Нкале. Наверно, и Кагену почудилось то же самое, потому что он с силой схватил меня за руку.

— Спокойно! — сквозь зубы процедил Академик, заметив наше волнение. — Это всего только обезьяны... мартышки...

Однако, жуткое ощущение от всё нарастающих воплей и визга не покидало нас. И внезапно страшная мысль пришла мне в голову:

— Может быть, обезьяны схватили Нкале?

— Глупости!.. — Академик грёб изо всех сил. — Тут что-то другое...

Он не договорил. Из-за поворота реки навстречу нам вынеслась лодка с Рам Чараном и Сеггриджем... Нкале в ней не было.

1. Попугаи, вороны и скворцы могут научиться произносить человеческие слова. И даже целые фразы, хотя, конечно, не понимают их смысла. Самые лучшие на свете птицы-говоруны — это краснохвостые африканские попугаи. Они выучивают по несколько десятков фраз, и у них прекрасное произношение... А если попугай говорит «Попка — дурак» и ругается неприличными словами, можете не сомневаться — эта птица умнее того человека, который её воспитывал.

Родиться мурны
Строго только умирать
Каминь мурной
Лететь / Из Ремад

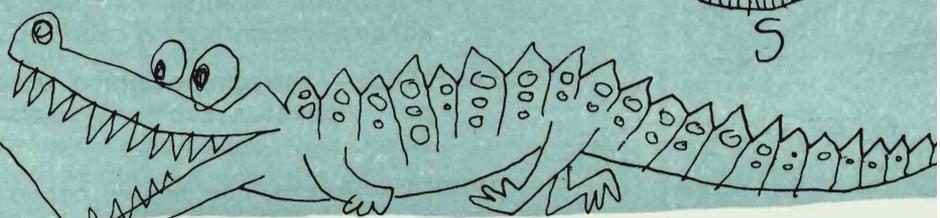
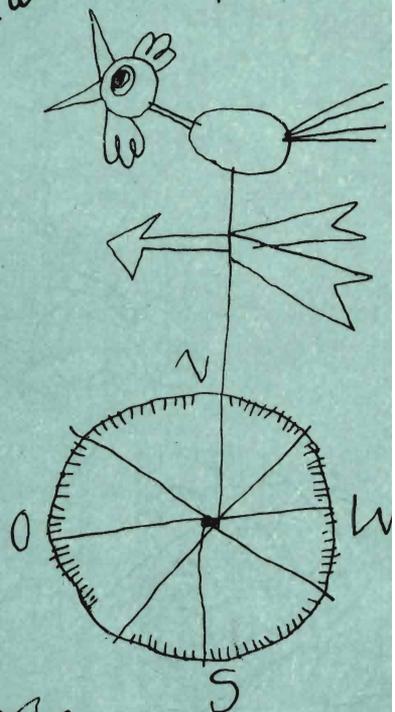
ТЕТРАДЬ

НАУЧНАЯ
животный мир,
фауна и флора

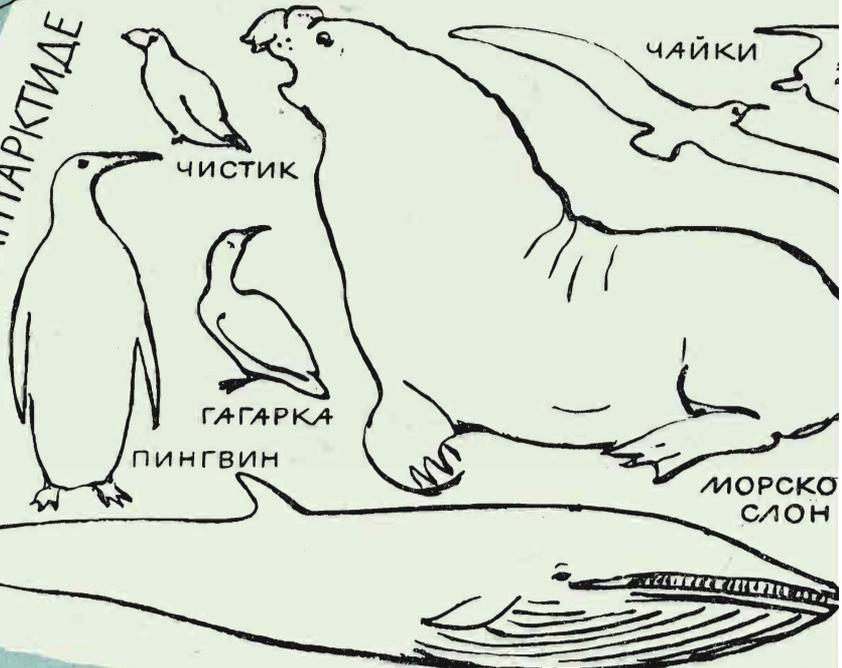
УЧЕНИ

КЛАССА

Вити Гуджкова

КТО ЖИВЁТ В АНТАРКТИДЕ

ЧИСТИК

ГАГАРКА

ПИНГВИН

ЧАЙКИ

МОРСКО СЛОН

КИТ

РЫ

СЛОВАРЬ ОХОТНИКА И РЫБОЛОВА

АККЛИМАТИЗАЦИЯ — приспособление животных и растений к жизни в новых условиях, чаще всего там, куда их переселил человек. Например, водяную крысу ондатру переселили из Канады в Советский Союз — у неё ценный мех. И она отлично размножается на берегах наших озёр и рек.

АРЕАЛ — место обитания какого-нибудь вида животных или растений. Например, лес, в котором много белых грибов, — их ареал. Сибирская тайга — ареал соболя.

АТУ! ПИЛЬ! ШЕРШ! ТУБО! — международные слова, которых слушается хорошо воспитанная охотничья собака, когда охотник велит ей бросаться на зверя, хватать его, искать след или ложиться.

БРАКОНЬЕР — негодяй, который из жадности убивает животных во время их размножения, охотится и ловит рыбу в тех местах, где это запрещено.

ЕГЕРЬ — опытный охотник-следопыт, умеющий не только охотиться на диких животных, но и охраняющий их от истребления.

ЕЙ БОГУ НЕ ВРУ! — клятва, которую должен повторять каждый охотник и рыбак, когда рассказывает о своих приключениях.

ЗАСИДКА — замаскированное место, в котором прячется охотник, подстерегая добычу.

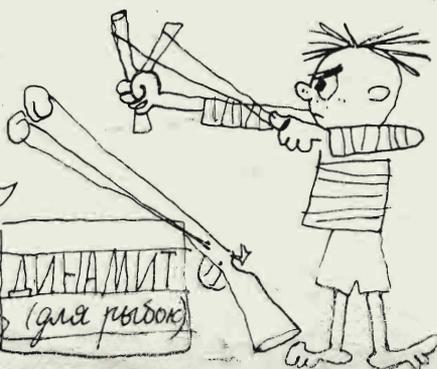
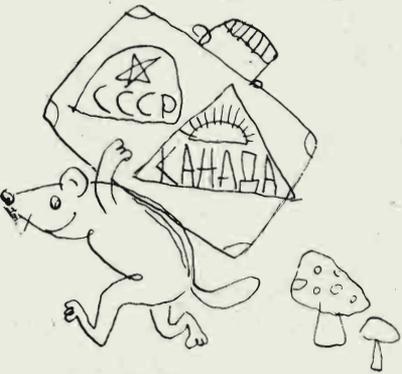
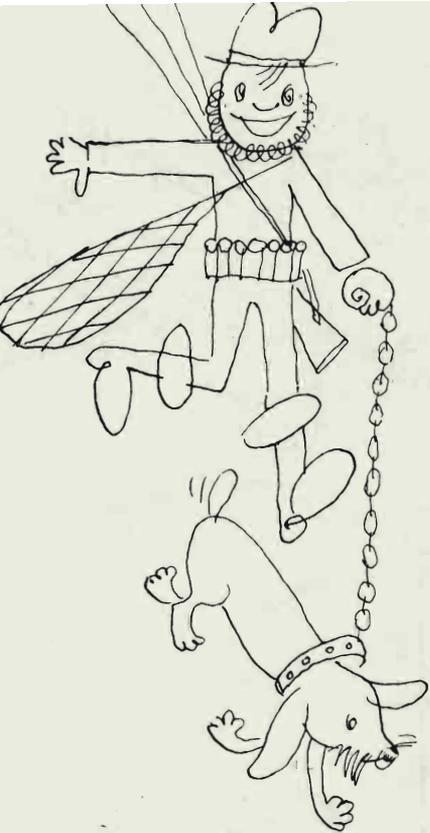
ЛЁЖКА — место, где лежал отдыхающий или скрывающийся от преследователей зверь. Когда зверь уходит, охотник узнаёт лёжку по примятой траве и листьям.

НАЖИВКА — жирный червяк, аппетитное насекомое или ещё что-нибудь такое же вкусное, что нацепляется на крючок, чтобы соблазнить рыбку.

ПОДСЕЧКА — искусство выбрать момент и так ловко дернуть удилице, чтобы рыбка не сорвалась с крючка.

ЧЕЧАКО (СЛАБАК, САЛАКА) — начинающий, неопытный охотник или рыбак.

ЯГДАШ — авоська, в которую охотник складывает свою добычу.

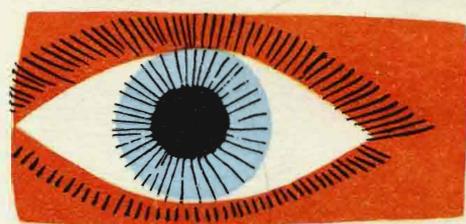

2. ДВА ОПЫТА. А) Дождёмся, пока Генка заснёт, возьмём травинку и пощекочем у него в носу. В ответ Генка начнёт вертеть головой, наморщит нос и чихнёт. Всё это он успеет проделать прежде, чем проснётся. Заметьте, любое другое существо на его месте будет вести себя совершенно так же.

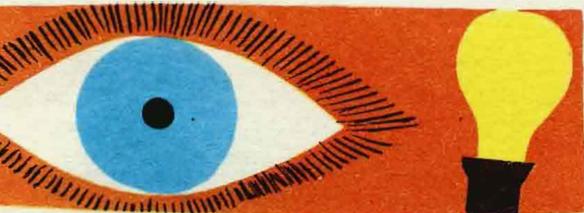
Б) Сажусь перед зеркалом, смотрю себе в глаза и запоминаю величину зрачков. Перевожу глаза с зеркала на свет, скажем, на яркую лампу. А теперь — снова на зеркало. И вижу, что, пока я смотрел на свет, зрачки у меня сузились. Теперь же, когда я отвёл глаза от света, опять начали расширяться.

Так различные органы совершенно без участия нашей воли отвечают на раздражение нервов. Такой ответ академик Павлов назвал **БЕЗУСЛОВНЫМ РЕФЛЕКСОМ**.

Безусловных рефлексов очень много. Каждое живое существо рождается на свет с полным набором всех безусловных рефлексов, необходимых этому виду животных, чтобы избегать неприятных ощущений, сохранять свою жизнь и размножаться. Поэтому безусловные рефлексy называются ещё **ВИДОВЫМИ**.

рефлекс
безусловный
(видовой)

НЕРВНАЯ СИСТЕМА ЖИВОТНЫХ
РАЗВИВАЛАСЬ ТАК:
РЕФЛЕКСЫ-ИНСТИНКТЫ-РАЗУМ!

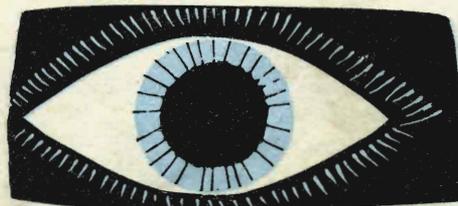
3. Если ваш щенок никогда ещё не пробовал мяса, то даже самый лучший кусок не привлечёт его внимания, не вызовет никакого рефлекса. И только после того, как он попробует мясо на вкус, оно своим видом и запахом нечнёт вызывать у него выделение слюны. Так возникает новый рефлекс, которого у щенка раньше не было. Он сам приобрёл его, попробовав мясо. Академик Павлов назвал такие рефлексy **ПРИБРЕТЁННЫМИ** или **УСЛОВНЫМИ**. Эти рефлексy уже не видовые, а совершенно личные. Чтобы у животного появился условный рефлекс, оно должно познакомиться с каким-нибудь новым, ещё неизвестным ему явлением — должно приобрести опыт.

А теперь поднимем кусочек мяса над головой щенка и прикажем: «Служи!..» Щенок потянется за мясом и встанет на задние лапки. Не потому, что получил приказ, а потому, что хочет достать мясо. Дадим ему это мясо, возьмём новый кусочек и повторим приказ. В конце концов, если только ваш щенок не безнадёжный дурак, он научится выполнять команду и без мяса. Такой у него выработается условный рефлекс на слово «Служи».

Укротители зверей дрессируют таким способом даже львов и тигров... И примерно так же сама жизнь на воле вырабатывает у животных условные рефлексy, чтобы они могли вести борьбу за существование.

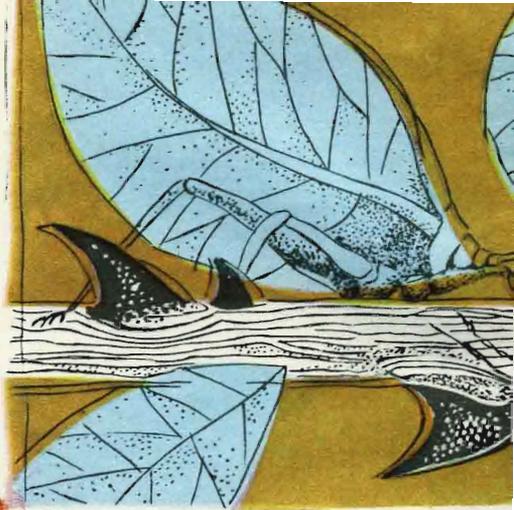
А у нас в классе есть даже коллективный условный рефлекс: как только раздаётся звонок на перемену, все сразу перестают слушать учителя, вскакивают и бегут к двери. Александр Петрович уверяет, что это очень плохой условный рефлекс, который нужно подавлять сознательной дисциплиной.

рефлекс
условный
(приобретённый)

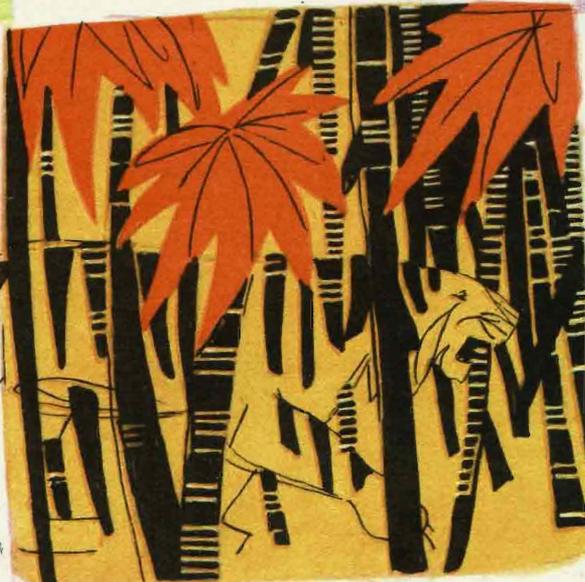

4. Одно из самых удивительных приспособлений, которое появилось у разных живых существ в борьбе за существование, называется — мимикрия. Точный перевод этого слова — подражание. Но если вам больше нравится слово маскировка, то можно перевести и так. И слово «актёрство» тоже годится. Потому что мимикрия — это не только защитная

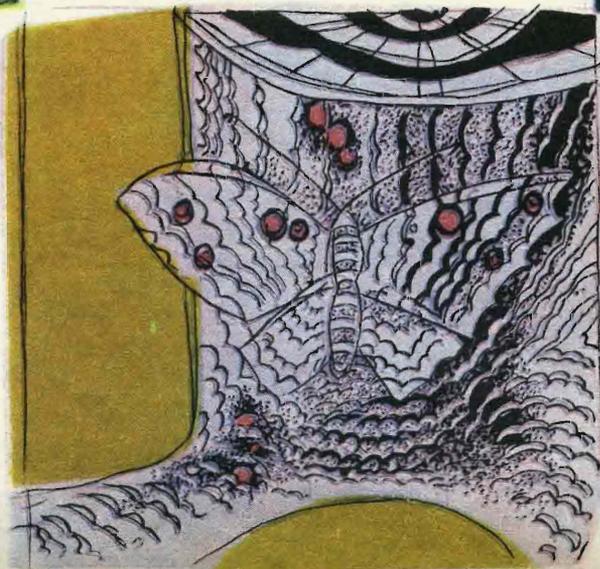
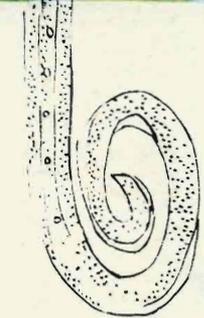
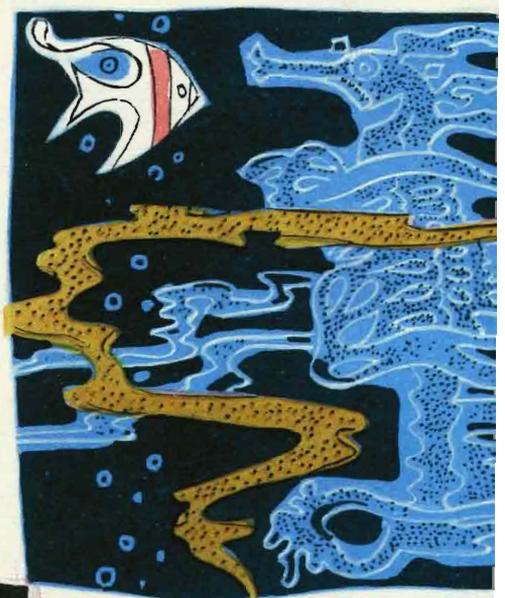
Мимикрия

стебель, а тело вытягивает торчком и так замирает. Тут уже почти невозможно отличить от короткой, торчащей вверх веточки. Получается настоящий театр! А крылышки взрослой берёзовой пяденицы имеют такую окраску, что когда она сидит, прижавшись к стволу берёзы, никакая птица её не заметит — рисунок на крыльях бабочки сливается

окраска под цвет окружающей природы, но и форма тела, и поведение животных. Вот, например, ползёт по тропинке майский жук. Вы перевернули его на спину. И он вдруг превратился мёртвым — сыграл. Вот по стебельку ползёт гусеница бабочки пяденицы. Чуть её что испугало или ей просто захотелось отдохнуть, она хватается задними ножками за

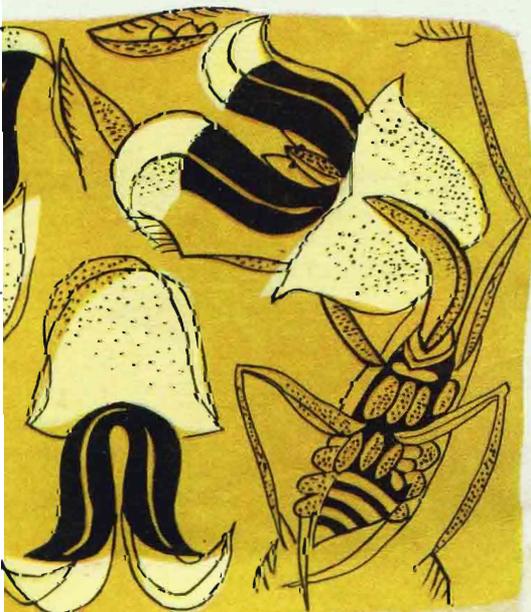
рисунком на коре дерева. Многие насекомые, живущие среди травы и листьев, имеют зелёный цвет.

Тропическая бабочка каллима, когда сложит крылья, похожа на лист. Её землянка — бескрылое насекомое паланик — всем своим видом напоминает сучок. А дьявольский богомол — цветок орхидеи. Хамелеон — живущее

деревьях пресмыкающееся, меняет свой цвет, когда переходит со ствола дерева на покрытую листьями ветку: на стволе он бурый, а среди листьев — зелёный...

Пятнистая шкура леопарда и ягуара делает этих хищных зверей совершенно неприметными, когда, подстерегая добычу, они неподвижно лежат на какой-нибудь толстой ветке.

Со стороны кажется, что это желтеют пятна пробившихся сквозь листву солнечных лучей...

Обитающий в тропических морях лохматый морской конёк-тряпичник похож на водоросли, среди которых живёт. А средиземноморский косматый краб имеет на своём панцире крючки, к которым прицепляются водоросли и губки. Это его маскировка.

Плоская, обычно лежащая на морском дне рыба камбала приобретает цвет того грунта, на котором лежит. А если её переселить в аквариум и положить на дно шахматную доску, то ваша камбала, полежав несколько дней на этой доске, станет клетчатой...

Всё это примеры мимикрии из животного мира. Но, оказывается, что и растения умеют притворяться. Например, внутри цветка белозора сверкает маленький твёрдый шарик — вроде капельки нектара или росинки. Он привлекает к цветку насекомых. А есть и такие растения, у которых цветы имеют вид и запах тухлого мяса. На такие цветы охотно садятся мухи. Цветок их обманывает, чтобы они вымазались в его пыльце и перенесли эту пыльцу на другой цветок. Так у этих растений происходит опыление, которое необходимо им, чтобы размножаться...

5. Если вам попадётся неизвестный скелет с семью шейными позвонками, так и знайте — это было млекопитающее. Самая длинная шея у жирафа. Самая короткая, наверное, у мышки. Но и у жирафа, и у человека, и у летучей мыши — у любого на свете млекопитающего, даже у кита — шея всегда состоит из семи позвонков. Удивительная закономерность!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой выясняется, куда девалась Нкале, ведутся боевые действия против стада мартышек и берутся пленные

Обезьяны верещали так, словно прощались с жизнью. Теперь они пронеслись как раз над нами. Свисавшие над рекой лианы плясали и раскачивались, будто их оживил волшебник.

Сеггридж вскинул голову и указал подбородком вниз по реке. Мы поняли: «Поворачивайте!»

— Где Нкале? — закричал Академик, когда они поравнялись с нами.

— Там, — мотнул головой вверх Рам Чаран. — Они не дают ей спуститься!

Лодка с двумя гребцами проскочила вперёд. Мы повернули и устремились следом. Но у нас было только одно весло. Рам Чаран и Сеггридж быстро уходили вперёд.

Мы с Кагеном вопросительно взглянули на Александра Петровича. Он кивнул.

Скинув куртки, чтобы освободить крылья, мы взвились в воздух — туда, где зелёная крыша скрывала небо. Последнее, что я увидел, прежде чем начал пробираться сквозь чащу ветвей, лиан и листьев, была одинокая лодка с выбивавшимся из сил гребцом. Излучина реки скрыла её.

Пробиться вверх было не так-то просто. Можно сказать, только здесь, на высоте нескольких десятков метров, начинался настоящий дремучий лес. Раздвигая листву, мы карабкались с ветки на ветку, ползли по стволам, взбирались по пружинистым лианам. Повсюду пестрели изумительные, лишённые запаха цве-

ты самой причудливой формы. Они были окрашены в белый, розовый, голубой, фиолетовый, алый, зелёный и жёлтый цвета. Учёные называют их орхидеями. Но теперь нам было не до цветов. С исцарапанными лицами и руками мы выбрались, наконец, из чащи.

Яркое экваториальное солнце ударило нам в глаза. После царившего внизу полумрака оно почти ослепило нас. К счастью, в наших карманах были тёмные противосолнечные очки. Надев их, мы расправили крылья и поднялись над джунглями.

Безбрежный зелёный океан простирался под нами...

Реки не было видно, но вдоль её течения деревья были выше других, а листва их выглядела более зелёной и сочной.

— Вижу! — крикнул Каген, указывая в ту сторону, откуда доносились ослабленные растоянием вопли обезьяннего стада. — Вот она!

Нкале летела над самыми верхушками деревьев. В правой руке у неё был сачок для ловли бабочек. Им она отмахивалась от своих преследователей. Тёмные тела мартышек вскидывались над качающимися ветвями, кувыркались в воздухе, тянули вверх тонкие чёрные лапы...

— Далеко! — с отчаяньем воскликнул я. — Нам не догнать!..

— Летим наперерез!.. Нкале придерживается реки, а река делает поворот и снова приближается к нам, вон там... Видишь?

Мы устремились к намеченному месту, обсуждая на лету план действий. Наши крылатые тени скользили по изумрудной поверхности тропического леса, как тени самолётов или птиц скользят по кустарникам и траве на поверхности земли.

— Не понимаю одного, — сказал Каген, — почему она летит так низко? Почти у самых верхушек.

— Ищет просвет, — догадался я. — Тут будут решать секунды. Если она опоздает хоть на мгновение, обезьяны блокируют отверстие и тогда — всё пропало.

— Обезьян я беру на себя, — решительно объявил Каген.

Теперь Нкале тоже заметила нас. Расстояние между нами быстро сокращалось. Я уже мог рассмотреть её задорный, облупившийся от солнца нос, азартный блеск в разгорячённых погоней глазах, капли пота на лбу. Волосы её перепутались, шарфа, который Нкале обычно носила на шее, не было.

— Давай вверх! — жестом показал я Нкале, не надеясь перекричать обезьян.

Каген отважно бросился вперёд, чуть ли не в объятия передовому отряду преследователей. В следующий момент он уже вёл их за собой, в сторону от реки.

Я поднялся повыше, и Нкале присоединилась ко мне.

— Не думай, что я испугалась, — первым делом заявила она.

— Я и не думаю. Испугались все остальные. Как тебя угораздило?

— Погналась за бабочкой. А она вверх. Я за ней. А потом эти мартышки. И я уже не могла обратно... Они очень смешные, правда?

Всматриваясь в переплетение ветвей, мы летели вдоль изгибов реки, стараясь не пропустить просвет. Нам годился даже самый маленький, лишь бы он где-нибудь был. Вопли гнавшихся за Кагеном обезьян раздавались то сбоку, то впереди, то сзади нас — в зависимости от того, в какую сторону поворачивала река.

— Жаль, у него нет сачка, — сказала Нкале. — Когда их дразнишь, они орут ещё веселее...

Я молча протянул руку за её сачком. Наверно, она подумала, что я хочу передать его Кагену. Но я хотел отметить просвет. Он зиял прямо под нами в чаще ветвей и листьев, словно отверстие чёрного, уходящего в глубину колодца.

— Теперь я сама... — Нкале умоляюще посмотрела на меня. — Ладно?

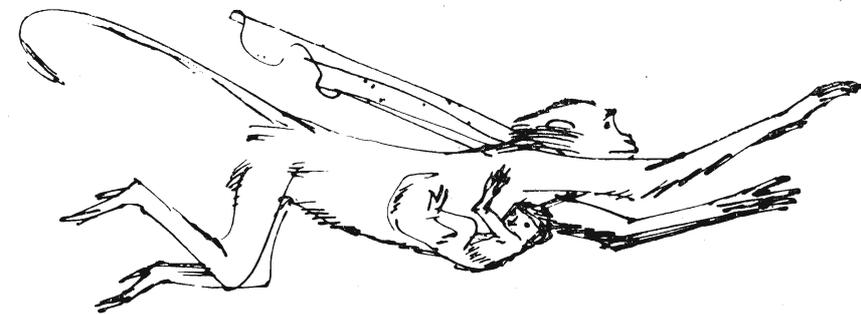

— С условием, — сказал я, — если лодок там нет, не вздумай никуда лететь. Жди нас.

Быстро прикрепив сачок к самой высокой ветке на краю просвета так, чтобы его можно было легко заметить издалека, я полетел к Кагену.

Мартышки бесновались, как одурелые. Их было, наверно, не меньше сотни, и каждая старалась перекричать всех остальных. Маленькие, почти человеческие лица обезьян, были искажены яростью. Чёрные глазки злобно сверкали из-под нависших над ними надбровных дуг, а большие жёлтые зубы скалились так, что мороз подирал по коже. С удивительным проворством мартышки переносились с дерева на дерево, одинаково ловко цепляясь за ветви руками, ногами и хвостом. Земные учёные были совершенно правы, назвав обезьяний хвост «пятой хватательной конечностью». Так это и было на самом деле. И, могу сказать, если бы эти существа имели крылья, а тела их не покрывала замечательно красивая шерсть с зеленоватым отливом на спине и серебристо-серая спереди, они подошли бы на нас даже больше, чем земные люди... Вполне возможно, что мартышки приняли нас за своих ближайших родственников и только поэтому затеяли всю кутерьму. Может быть, они просто боялись, что мы начнём поедать самые вкусные плоды на деревьях, воровать птичьи яйца из гнёзд и совершать опустошительные набеги на кукурузные плантации - в тех местах, которые они считали своими охотничьими угодьями...

Полный рост самых крупных мартышек достигал приблизительно одного метра. Большинство же было и того меньше. К груди некоторых самок прижимались вцепившиеся в их шерсть детёныши. Они несколько не мешали своим мамашам совершать самые головокружительные прыжки. Наоборот, пронзительный визг малышей, казалось, только подбадривал всё стадо.

Белый сачок, которым я отметил просвет над рекой, был хорошо виден сверху. Обезьяны в любой момент могли заметить его. Пока это не произошло, нам следовало как-то отвлечь их внимание и вовремя смыться. Но как это сделать?

Мы попробовали разделиться и лететь в разные стороны. Всё стадо немедленно последовало нашему примеру — оно тоже разделилось, и каждый из нас получил свою порцию преследователей. Мы кружили над лесом, уходили в сторону и вновь возвращались к реке, спускались вниз и взвивались в небо... Всё было напрасно.

— Пойдём на прорыв! — решил наконец Каген. — Сложим крылья и спикуруем через просвет!

На всей доступной нам скорости мы устремились к сачку.

Обезьяны ринулись следом.

До сачка было уже совсем близко, когда Каген, летевший впереди, вдруг снова взмыл вверх. Он сделал это так неожиданно, что я пронёсся мимо него... Там, где должен был находиться оставленный мною сачок, не было ни сачка, ни просвета. Маленькая мартышка с белым Нкалиным шарфом на шее металась среди ветвей, спасая от завидующих сородичей своё сокровище...

Не требовалось особой догадливости, чтобы сообразить, что произошло. Похитительница шарфа отделилась от стада и, спрятавшись в густоте ветвей, без помех примеряла обновку. А мы с Кагеном заметили её сверху, приняли издали белый шарф за знак над просветом и привели за собой стадо.

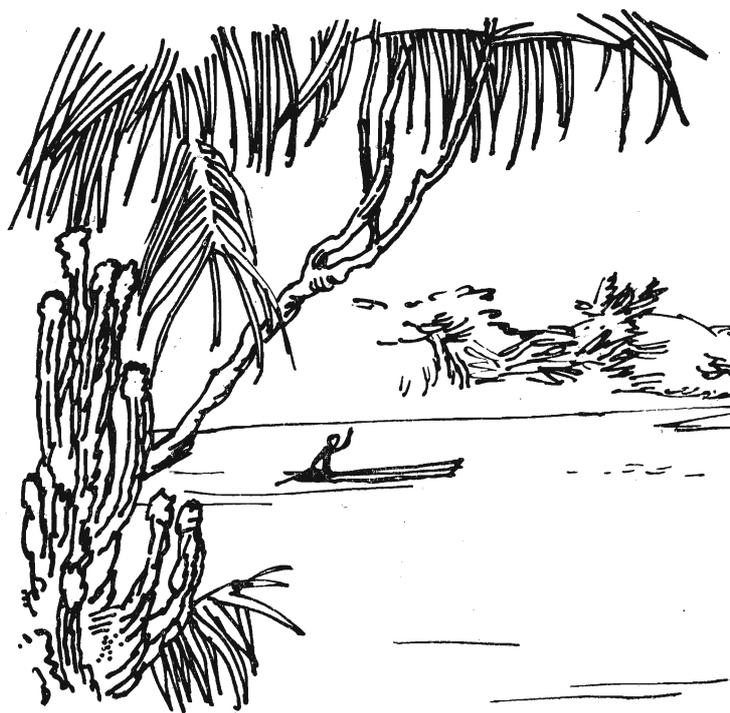
Сачок оказался совсем в противоположной стороне, за полкилометра от нас. Мы понеслись туда, обезьяны за нами. Впереди стада мчалась мартышка, украшенная Нкалиным шарфом. Было похоже, что она гонится за нами в надежде, что мы спасём её от своих. Или дадим ей другой шарф, если у неё отберут этот. Или она также увидела сачок и решила, что это ещё один шарф... Трудно сказать, что именно она думала. Во всяком случае она не отставала от нас...

Наконец мы достигли просвета. Каген пролетел над ним и указал мне вниз: «Пикируй!»... Спорить было некогда. Я сложил крылья, взмахнул руками и ринулся в темневшую под мною дыру... Сильный рывок за правую руку внезапно затормозил моё падение. И в ту же секунду я почувствовал, как какая-то тяжесть, повисшая на руке, увлекает меня вниз... Инстинктивно я расправил крылья. Хорошо, что ветви уже кончились и я не зацепился за них!.. Знаете, что я увидел, когда раскрыл глаза? Вокруг моего правого запястья был обмотан шарф, а на его конце болталась мартышка. На её груди висел крохотный серый детёныш...

Каген со свистом пронёсся мимо меня и врезался в воду... Две лодки уже спешили ему на помощь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, которая приводит нас в охотничий лагерь. В ней же даются сведения о человекообразных обезьянах, разъясняется, что такое „КИС-КИС“ и для чего нужен анабиоз

Кагена благополучно выловили. Мартышку запеленали в специальную сетку, которая не причиняла ей боли и не позволяла метаться. Нкале, разумеется, заявила о своём желании

пересечь в нашу лодку — мартышка-то находилась у нас! Но Академикова решительно воспротивился: перегружать лодку, имея только одно весло, было рискованно. Ни я, ни Каген не хотели пересаживаться в другую. Нкале сказала, что это несправедливо, — только благодаря ней... В конце концов, было решено, что обе лодки поплывут рядом.

На дне нашей лодки сидела упакованная в сетку виновница спора. Голова её торчала снаружи, а шейку украшал белый шарф. То, что он был уже изрядно выпачкан, пожёван и порван, несколько не портило его красоту в глазах обезьянки. На её груди, вцепившись всеми четырьмя лапками в густую шерсть, покоился востроглазый детёныш. Просунув хвостик через ячейку сетки, он весело вертел им в разные стороны, перед самым носом Александра Петровича.

Грёб Каген. Он ни за что не желал уступить мне весло, и я понимал почему.

— Подумаешь, мартышка! — рассуждал он.

— Вот если бы настоящая, большая горилла! А Нкале злилась.

— Расхрабрился! — она презрительно пожала плечами. — Попадись нам гориллы, вы бы удирали от них до самого аэродрома!

— Мы?! — Каген окинул её уничтожающим взглядом. — Я — нет!

Рам Чаран поспешил вмешаться:

— Здесь нет горилл. Они обитают лишь кое-где на побережье Гвинейского залива да в горных лесах на склонах Килиманджаро и в районе озера Киву.

— Гориллы у нас по плану, — напомнил Каген.

— Да, — подтвердил Сегридж. — Но с ними нужно быть начеку! Это самая крупная порода человекообразных обезьян. Они живут семьями, а не стадами, отличаются большой осторожностью, огромной силой и беспредельно свирепы... Другие человекообразные — африканский шимпанзе, индонезийский орангутанг и южноазиатский гиббон — просто кролики по сравнению с ними...

— А разве мартышки не человекообразные? — забеспокоился я.

— Считается, что нет... Их мозг отличается от нашего гораздо сильнее, чем мозг человекообразных. В нём во много раз меньше извилин. Кроме того, у человекообразных обезьян нет хвостов. А мартышки, бабуины, южноамериканские ревуны и другие имеют великолепно развитые хвосты...

Сегридж вдруг смутился и, посмотрев на Нкале, поспешил добавить:

— Но я думаю, что это недостаточно убедительный довод... теперь!

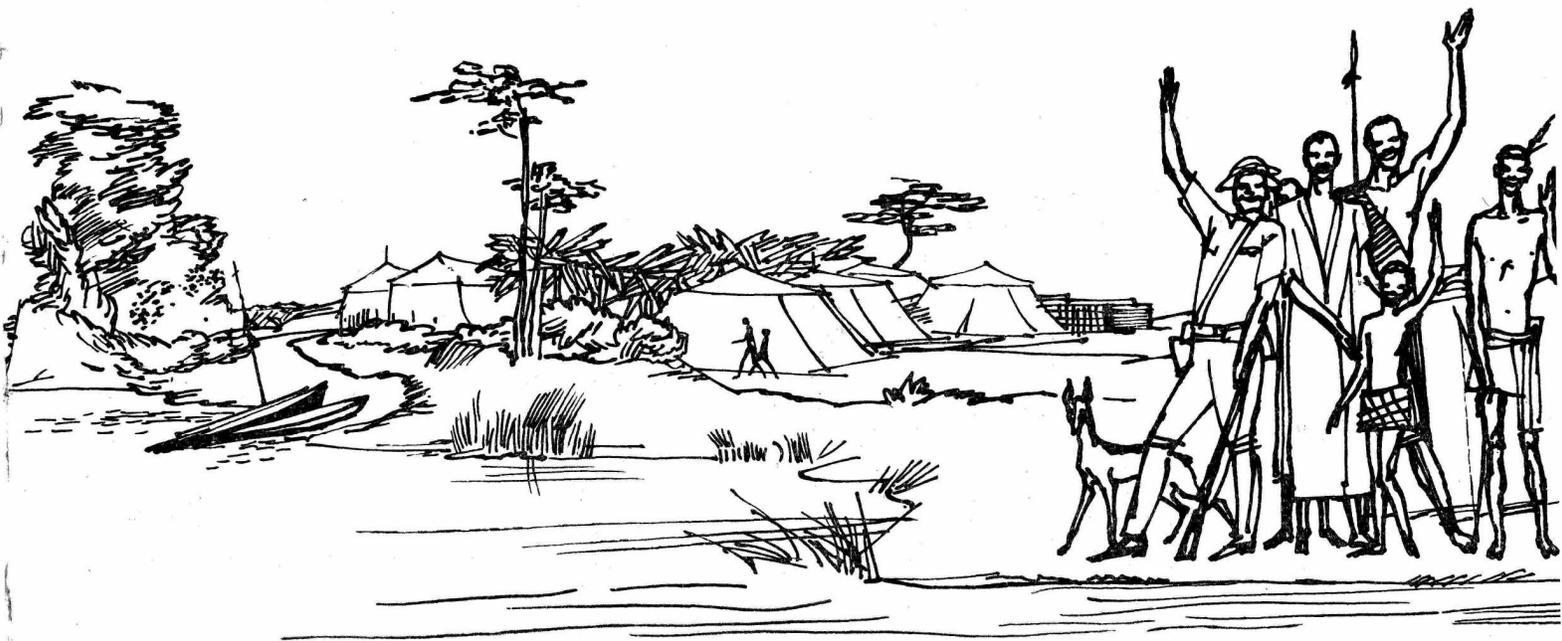
— Конечно, недостаточно! — уверенно заявил Каген и нахально пошевелил хвостом так, чтобы все видели.

Мы все рассмеялись, даже Нкале. Ну, а раз уж она засмеялась, значит, перестала сердиться.

Мартышка, видя, что мы не причиняем ей никакого вреда, совсем успокоилась и начала что-то жевать. Никто ей ничего не давал, и что она там жуёт, было неясно.

— Может быть, она намекает, что хочет есть? — догадалась Нкале.

— Нет, — сказал Рам Чаран, — она действительно проголодалась, но к нам это не имеет отношения. Она просто поедает свои запасы.

Какие запасы? Мы с недоумением посмотрели на обезьяну. Её лапы вместе с хвостом находились в сетке, и никаких продуктов в них не было!

Рам Чаран открыл нам секрет. У мартышек, представьте себе, есть за щеками специальные мешки, вроде карманов, в которые они набивают пищу, если не хотят съесть её сразу. В этих защёчных мешках они могут носить бананы, орехи, гусениц, зёрна кукурузы и даже птичьи яйца. Руки и ноги при этом остаются совершенно свободными. Вот как здорово у них это устроено!

Мы тоже вдруг почувствовали, что проголодались. В рюкзаках у нас был запас шоколада, бананов, плодов манго и хлебного дерева, жареное мясо антилопы и термосы с кофе-гляссе. Так что делать привал не было никакой необходимости. Тем более что нам следовало поторапливаться. По всем признакам приближался тропический ливень, один из тех, которые почти ежедневно бывают в этих местах летом, во второй половине дня.

Мы ели и пили, угощали мартышку и её детёныша шоколадными конфетами, которые им очень понравились, вели научные разговоры и постепенно приближались к нашему лагерю, расположенному близ устья реки, впадавшей в большое озеро. На другой его стороне начиналась уже тропическая лесостепь — саванна.

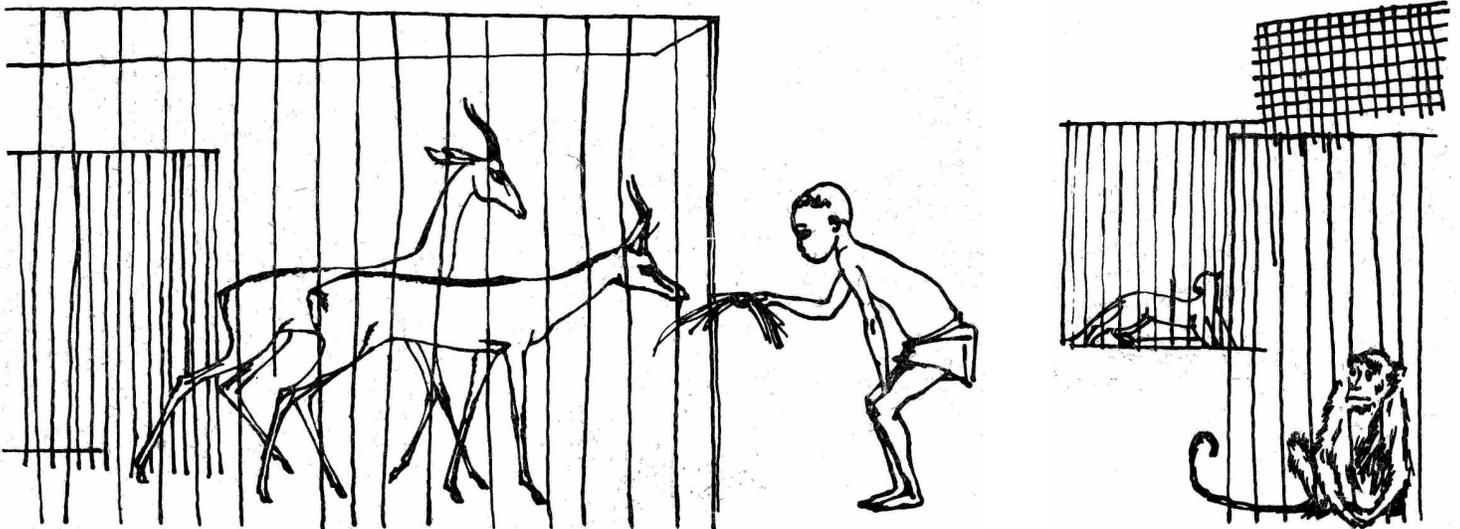
Этот лагерь был разбит одним из охотничьих отрядов «Международной Комиссии По Научным и Культурным Связям Между Разумными Существаами Разных Планет». Однако это название было слишком длинным, и в разговорах между собой мы говорили просто «КИС» — Комиссия Инопланетных Связей, или «КИС-

КИС», чтобы подчеркнуть её двустороннюю деятельность... Охотничьи отряды «КИС-КИС» работали на всех континентах земного шара. Они должны были ловить самых интересных животных Земли, снимать фильмы об их жизни и повадках, записывать на магнитофонах голоса птиц и зверей, собирать коллекции различных растений...

Всё это предназначалось для нашей планеты.

Огромные размеры звездолёта позволяли погрузить в него столько животных и растений, сколько мы захотим взять с собою. Но полет, как вы знаете, должен был продолжаться почти девяносто лет. И тут возникал вопрос — какие животные в состоянии пережить столь долгое путешествие? С растениями дело обстояло просто — достаточно было взять семена. Но как быть с животными? Дать им возможность размножаться и привезти потомство? Шутка сказать! Ведь мы собирались взять не только разную мелкоту, вроде мышей и кроликов. Нет, нам необходимы были и крупные животные, такие, как лошади, коровы, жирафы, носороги, гиппопотамы, слоны, крокодилы, акулы, моржи, киты... Ну не помногу, конечно. Но по два экземпляра каждого вида — самца и самку — мы должны были взять. А теперь вообразите, сколько корма, воды и воздуха потребовалось бы для этого стада и его потомства в течение девяноста лет! И за всеми ними нужно было ухаживать. И смотреть, чтобы они не перегрызли друг друга в пути... Задача!

Природа сама подсказала нам выход — анабиоз. Грубо говоря, анабиоз — это живые консервы. Самый глубокий анабиоз почти неотличим от смерти. Но только почти. Потому что выведенное из состояния анабиоза животное

вновь оживает. В природе Земли сколько угодно примеров этого удивительного явления. Ведь что такое, когда дерево на зиму сбрасывает листву и перестаёт расти? Это один из видов анабиоза. А что такое зимняя спячка сусликов, летучих мышей, сурков, ежей, бурундуков, хомяков? Тоже анабиоз, только менее глубокий. А оцепенение насекомых, рыб, лягушек, ящериц, змей, в которое они впадают с наступлением холодов? И это анабиоз!.. Так некоторые земные растения и животные приспосабливаются к самым неблагоприятным условиям существования. При анабиозе температура их тела значительно понижается, воды и пищи не требуется, воздуха для дыхания нужно совсем мало. Суслик, например, во время зимней спячки делает всего одно дыхание за две с половиной минуты. А сердечко летучей мыши вместо четырёхсот двадцати сокращений в минуту делает только шестнадцать ударов.

Но, скажете вы, нам-то это не могло помочь. Ведь не все земные животные подвержены зимней спячке и оцепенению. А во-вторых, даже те, что подвержены, выходят из этого состояния уже через несколько месяцев — как только кончается зима и наступает потепление... Несколько месяцев и девяносто лет — разница! Не торопитесь. Вспомните, как поступали наши родители, когда застряли на потухшей звезде — Ловушке. Они приняли таблетки, погрузившие их в вековой сон. Только так они могли дожидаться спасательного звездолета...

Капитан Лендед решил попробовать эти таблетки в соединении с понижением температуры до нуля градусов на курице и медведе в Московском зоопарке. Оказалось — действует! Более того — они действовали даже на детёнышей земных животных. Капитан немедленно передал учёным Земли рецепт, по которому они взяли срочное приготовить достаточный запас наших таблеток... Отряды «КИС-КИС» могли начинать большую охоту...

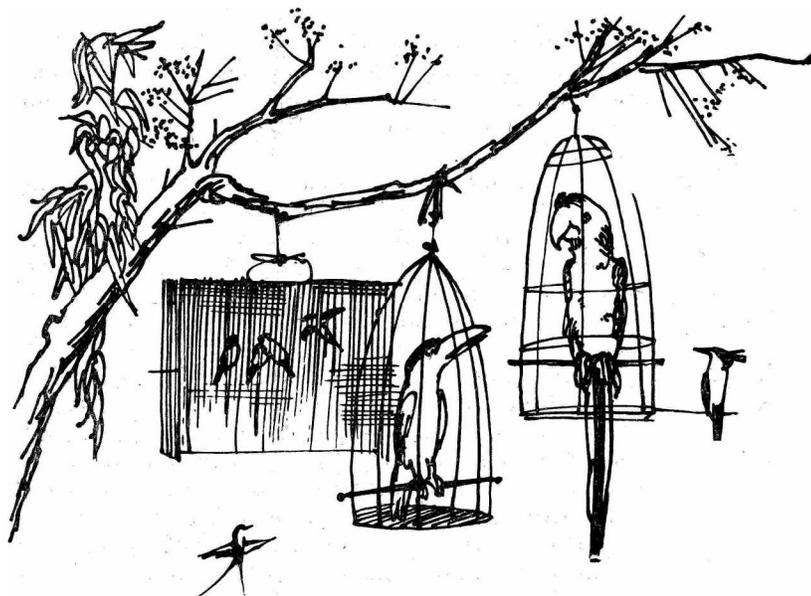
Наши лодки вошли в устье реки. На берегу озера открылся лагерь.

В нём были загон, клетки и вольеры для наших животных. Большинство клеток ещё пустовало, но некоторые уже были заселены.

— Смотри,— говорила Нкале мартышке, — смотри внимательно! Отсюда начинается твоя новая жизнь! Через какую-нибудь сотню лет ты и твой детёныш станете обитателями другой планеты. Гордись!..

В лагере нас встретили наши африканские друзья — охотники и ловцы зверей. Элиас Кимаре — начальник отряда, Эдодо, Чуи, Рукиди, Юма, Шимба и Секулету...

С ними были их охотничьи собаки с

деревянными колокольчиками на шеях, чтобы охотники могли знать, где они находятся, когда в погоне за зверем исчезают в зарослях. Дело в том, что настоящие африканские собаки почти никогда не лают...

Но тут начался тропический ливень, и мы скрылись в своей палатке.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

которая объясняет, чем Африка отличается от других континентов и почему капитан Лендед надеялся, что мы обнаружим какое-нибудь неизвестное науке животное

Посмотрите на карту, найдите Африку. Слово гигантская пистолетная кобура, красуется она на поясе у земного шара. Пояс этот — экватор. Лишь северный и южный края континента немного выступают за пунктирные линии тропиков.

Такое расположение оказалось очень удачным: за последние двести миллионов лет Африка ни разу не подвергалась оледенениям. Другие континенты подвергались, а она нет. На других континентах резко менялся климат, а с ним и условия жизни. Одни животные и растения из-за этого погибали другие приспособ-

ливались к переменам и менялись сами. А в Африке резких перемен не было. Вот почему некоторые африканские животные и растения остаются похожими на своих далёких предков...

В Африке мы сначала должны были познакомиться с фауной и флорой её тропических лесов — джунглей и примыкающих к ним саванн. А затем, посетив одну из простирающихся за саваннами пустынь, мы намечали совершить путешествие по другим континентам планеты...

На нашей маршрутной карте разными красками были обозначены главные климатические зоны Земли с характерными для них животными и растениями. Условные знаки отмечали месторасположение отрядов «КИС-КИС», в работе которых мы собирались принять участие.

Но всё это было ещё впереди. А сейчас мы сидели в нашей палатке и готовились к завтрашней охоте.

Наступали сумерки. Тропический ливень шёл к концу, шум его постепенно ослабевал. В палатке было светло и сухо. Ярко горела электрическая лампочка. На походной газовой плитке пеклись покрытые коричневой кожурой, разрубленные на куски бататы. Этот тропический корнеплод имеет сладковатый вкус и заменяет африканцам картофель. В его желтоватой мякоти много крахмала и сахара.

Каждый из нас был занят своим делом.

Каген настраивал рацию. Сеггридж делил своё внимание между приготовлением ужина и сервировкой стола. Последнее он делал как-то особенно тщательно — постелил чистую скатерть, а посередине водрузил вазу с цветами. Видно было, что он что-то затевает, но что именно, он пока не сообщал. Академик был занят киноаппаратурой. Я записывал в путевой журнал происшествия минувшего дня. А Нкале и Рам Чаран набивали патронташи зарядами для наших дальнобойных бесшумных ружей, стреляющих не пулями, а специальными ампулами с усыпляющей жидкостью. Эти ампулы оканчивались острым жалом — тонкой полый иглой, как у шприца. Через жало снотворное проникало под кожу раненого животного. Никакой боли животное при этом не ощущало, только лёгкий укол, как от укуса комара или москита.

К этим зарядам следовало относиться с большим вниманием — ведь доза снотворного, предназначенная для того, чтобы усыпить взрослого слона, наверняка была бы смертельной для его слонёнка. Или ещё хуже — допустим, что впопыхах вы пальнули кабаньим зарядом по носорогу... Он же и не подумает заснуть! И если заметит вас — не спасётся!..

— Расчёт снотворного, — объяснял Рам Чаран, — производится на один килограмм веса животного. ЕС-Ли вес животного не превышает двадцати кило, оно должно уснуть от единичной дозы. Эти заряды выкрашены в белый цвет. Для животных, весящих от двадцати до пятидесяти килограммов, заряды жёлтого цвета. От пятидесяти до ста — голубые. Полтонны — зеленые. Тонна — чёрные. И, наконец, для самых крупных животных, например, для слонов, вес которых достигает нескольких тонн, предназначаются заряды красного цвета.

— Тут самое важное, — спокойно заметил Сеггридж, — это взвесить животное, прежде чем в него стрелять... Продолжайте, пожалуйста, Рам Чаран.

По палатке прокатился взрыв смеха. Но Рам Чаран не обиделся.

— Настоящий охотник, — сказал он, — должен уметь с одного взгляда определять вес животного. Например...

Настойчивый жалобный визг, внезапно раздавшийся из тёмного угла, в котором стояла клетка с мартышкой и её детёнышем, не дал Рам Чарану закончить. Мартышка протягивала руки сквозь прутья клетки, стараясь дотянуться до стола, на котором Сеггридж выставил вазочку, полную шоколадных конфет.

— Нет, это просто удивительно, как быстро у неё выработался условный рефлекс на шоколадные конфеты, — со смехом сказал Александр

Петрович. — По-моему, она очеловечивается прямо на глазах!..

— Кишь!.. — прикрикнул на неё Сегридж. — Убери руки!

Мартышка сердито закричала и ещё сильнее подалась вперёд. Прижатый к прутьям детёныш прижался верещать. Но любящая мамаша не замечала ничего, кроме конфет. Она не могла дотянуться к ним, сердилась и громко кричала.

— Тише! — взмолился Каген. — Дайте ей конфету, пусть заткнётся... Я не слышу, что говорит капитан Лендел.

Сегридж выдал мартышке горсть конфет, и в палатке наступила тишина. Только тогда мы услышали голос капитана Лендеда. Оказывается, капитан думал, что это кричит Каген, и не понимал, что случилось. Пришлось ему объяснить. Затем мы спросили его, не собирается ли он присоединиться к нам? Он сказал, что пока не может: «ЛУЧ» пополняет запасы электроэнергии для восстановления радиосвязи с нашей родной планетой, на корабле оборудуются холодильники для погружения в анабиоз животных. Производится ремонт и замена приборов... Ответив на все наши вопросы, капитан сказал, что его очень беспокоят сильные ливни, которые вот уже несколько дней идут в горах, примыкающих к району нашей экспедиции. Там начинается дождливый сезон...

— Мне хотелось бы поговорить с начальником отряда, — объявил капитан. — Пригласите его.

Академик попросил меня сбегать.

Дождь кончился. Песчаная почва быстро всасывала остатки луж. На очистившемся от облаков тёмном небе сверкали звёзды. Над влажной травой проносились голубоватые огоньки светящихся насекомых. Со всех сторон раздавалось оглушительное стрекотанье цикад и многоголосое пение лягушек.

Элиас Кимараре стоял около своей палатки, окружённый толпой охотников и ловцов зверей. Отсветы большого костра плясали на их смуглых лицах и ярких одеждах. Общее внимание привлекал какой-то неизвестный мне человек, очевидно совсем недавно явившийся в лагерь. Вся одежда пришельца состояла из леопардовой шкуры и множества украшений... Человек что-то рассказывал. Он вскидывал руки, подпрыгивал, делал страшное лицо и воинственно взмахивал копьем. Видно было, что он чем-то взволнован... Но из всех земных языков я знал пока только русский, а они говорили по-своему. И никто не мог мне перевести. Даже начальник отряда, который, кроме нескольких африканских языков, знал английский, французский и португальский. Но говорить по-русски ещё не мог.

Я протиснулся к нему и со словами «Капитан Лендед» указал пальцем сперва в сторону нашей палатки, а потом вверх.

Кимараре кивнул, прервал разговор с ночным гостем и, похлопав его по плечу, что должно было означать: «Успокойся, приятель, я скоро вернусь», зашагал рядом со мной.

Я спросил его, кто этот человек. Он что-то ответил, а я задал новый вопрос. Так, оживленно беседуя и совершенно не понимая друг друга, мы пришли в палатку.

Разговор капитана с начальником отряда продолжался минут десять. Они вели его по-английски с помощью главной информационной машины «ЛУЧА». Академиком переводил нам на русский.

Оказалось, что Кимараре не менее капитана обеспокоен ливневыми дождями в горах. Правда, он считает, что непосредственной опасности для лагеря пока нет. Угроза наводнения может возникнуть позже — когда дожди усилятся. А до тех пор его люди будут продолжать охоту.

Капитан согласился с ним. Прощаясь, он просил Кимараре обратить особенное внимание

на поиск ещё неизвестных науке животных — по его сведениям в Африке всего можно ждать, а наш отряд находится в одном из наименее исследованных мест древнего континента...

Кимараре секунду поколебался, а затем сказал:

— Сегодня ночью в лагерь пришёл один человек из джунглей. Он рассказывает удивительные вещи, как раз о том, что вас интересует. Но, по правде говоря, я уверен — он что-то напутал...

— Проверьте обязательно! — немедленно потребовал капитан. — Это очень важно, очень необходимо для науки!

— Хорошо, — сказал Кимараре. — У меня есть одно подозрение, но я, конечно, проверю — пошлю несколько человек...

Попросив наших учёных заглянуть попозже к нему в палатку, Кимараре, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, ушёл.

— Ты видел этого человека? — спросил меня Академик.

Я, как мог, описал ночного пришельца.

— Великолепно! — в полном восторге воскликнул Сеггридж. — Если бы ты вдобавок понял хоть одно слово из того, что он говорил, было бы совсем хорошо!

— Не насмехайтесь над мальчиком, Сеггридж, — заступился за меня Рам Чаран. — Даже мы с вами не знаем всех африканских языков. Если лесной охотник действительно выследил новое неизвестное животное — это потрясающее открытие!.. Может быть, это какой-нибудь сухопутный родственник целаканта, как вы думаете? Какой-нибудь уинтотерий или моропус...

Глаза Рама Чарана разгорались всё сильнее. Его прямо лихорадило от научного любопытства, и он сыпал самыми диковинными названиями различных вымерших животных. Сеггридж и Академиком не отставали от него.

Неизвестно, сколько бы это длилось, но тут у нашей мартышки кончились конфеты, и она снова напомнила о себе. Перекричать её не было никакой возможности. Сеггридж схватил клетку и водрузил её на пустое место посреди стола. Теперь и мартышка, и её детёныш могли хватать обеими руками всё, что им вздумается.

— Итак, — объявил учёный, — дальнейшие догадки отложим до встречи с Элиасом Кимараре... А сейчас прошу всех к столу на торжественный ужин в честь нашей мартышки и её детёныша. Внимание! Как мы их назовём?

Ну, это был пир!.. Магнитофон надрывался джазом. Звенели бокалы с кофе-гляссе. Гремели тосты... В конце концов, мартышка была названа Леди, а её детёныш получил имя Димка...

6. Каждый орган, которым обладает живое существо, — удивительное изобретение природы. Ленкин дед говорит: «По сравнению с тем, чего напридумывала природа, самые великие человеческие открытия и самые замечательные приборы — это ещё первый поиск...» Например, изобрели эхолот. И тут же выяснилось, что он только громкая грубая модель того органа, которым пользуется любая летучая мышь при своих полётах. Придумали радар. И вдруг оказалось, что маленькая африканская рыбка мормирус, плавающая в мутной воде, всё время посылает радиоволны, которые отражаются от окружающих предметов и сообщают мормирусу обстановку. Настоящий радиолокатор, только живой!.. Изобрели прибор, делающий видимыми тепловые лучи. А некоторые глубоководные кальмары, как выяснилось, обладают органами, воспринимающими эти лучи ещё лучше, и видят в темноте, как днём!..

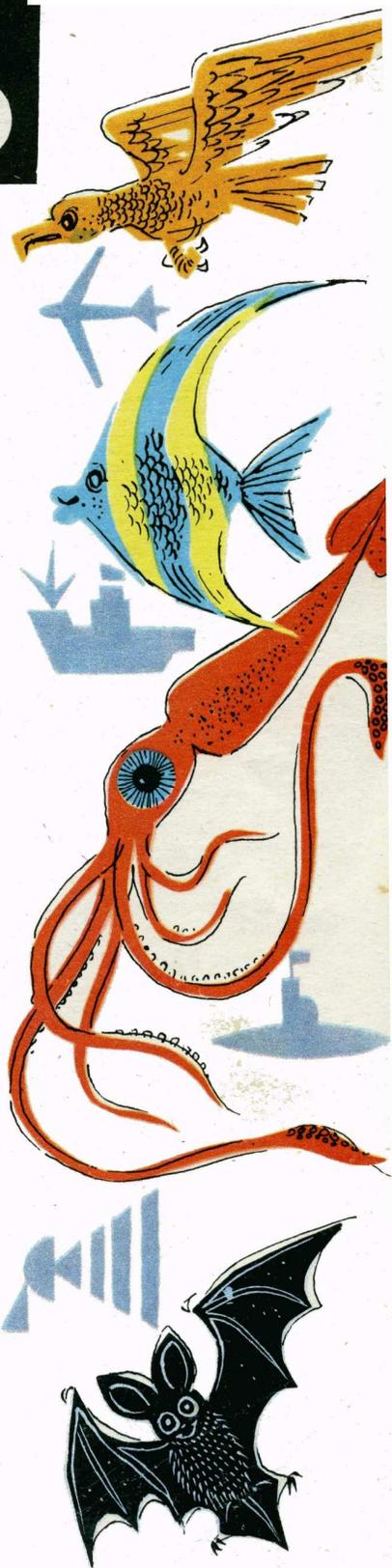
Изучение различных органов животных и создание приборов, действующих по их образцу, называется бионикой. Александр Петрович говорит, что это самая передовая из всех наук.

7. Когда киту приходится плохо, например, когда он тяжело ранен и начинает тонуть, он зовёт на помощь. Человеческое ухо не слышит этого зова. А киты слышат и плывут на выручку. Этим пользуются охотники-китобойи. Они записали на магнитофонную ленту «беззвучный» крик раненого кита и передают через динамик, вмонтированный в дно корабля-китобойца. Как только киты услышат этот ложный призыв о помощи, они немедленно мчатся туда. И тут их бьют... Такой способ охоты на китов придумали бионики. Но мне лично он что-то не очень нравится.

8. Александр Петрович целый час объяснял нам, что такое инстинкт. Ну, как я понял, это сложное, но совершенно необдуманное поведение какого-нибудь животного, полезное для него самого или для его потомков. Чтобы нам было понятнее, Александр Петрович приводил примеры. Вот некоторые из них. Один из самых древних инстинктов, присущий очень многим животным, — это забота о своих детёнышах, которые нуждаются в тепле, корме и защите. Стадный инстинкт заставляет птиц собираться в стаи, рыб в косяки, а зверей в стада. Подчиняясь своему строительному инстинкту, речные бобры валят деревья и строят плотины, птицы выют гнёзда, пчёлы и осы делают восковые соты... Инстинкт к сохранению пищи заставляет собаку прятать кость, которую она не съела, а пчёл делать запасы мёда... Белки в лесах заготавливают на зиму — грибы и орехи, а полевые суслики запасаются зерном.

Когда человек не может толково объяснить своё поведение, он говорит, что действовал бессознательно, инстинктивно. Некоторые люди в таких случаях объясняют всё дело предчувствием или чутьём... Учёные, однако, выяснили, что ничего таинственного и загадочного в самих инстинктах нет. Инстинкты развивались из условных рефлексов в течение миллионов лет. Это те условные рефлексы, которые постепенно сделались безусловными и переходят по наследству от одного поколения к другому.

9. Из всех животных Южной Америки самые интересные, наверное, броненосец и муравьед. Хотя оба они питаются муравьями и термитами, ничего похожего между ними нет. Броненосец — последнее на земле млекопитающее, скелет которого образует подвижной панцирь, покрывающий всё его тело, за исключением живота! Когда броненосцу угрожает опасность, он скручивается в шар, как ёж. Тогда его можно катать, перебрасывать, стучать по нему — он всё равно не раскроется, пока не пройдёт опасность. У него могучие когти, которыми он в не-

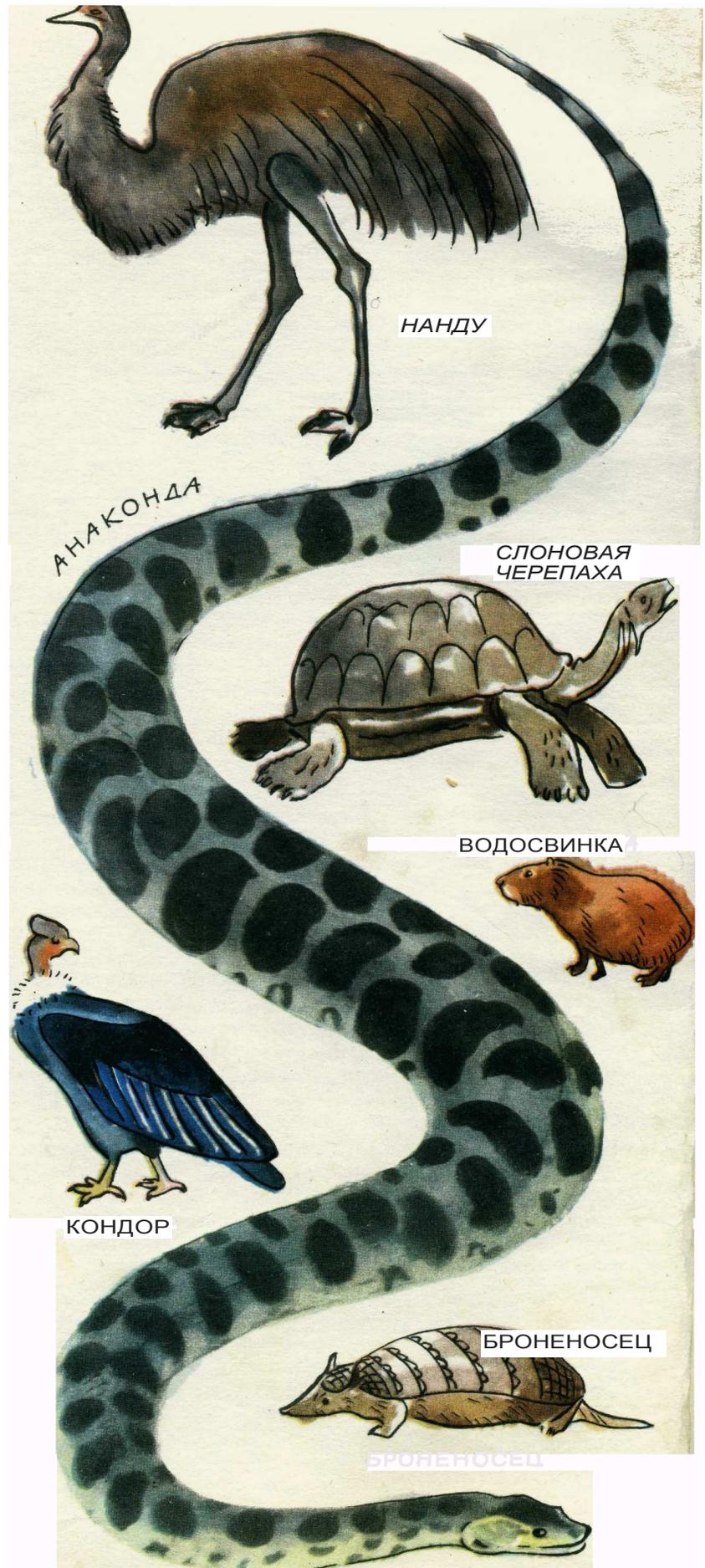
сколько минут может вырыть себе такую нору, что уже не достанешь... А муравьед — родственник африканского трубкозуба. Только морда у него ещё длиннее и тоньше и больше похожа на хвост. Зато косматый хвост вполне напоминает морду. Вот и разберись тут. У муравьедов длинная красивая шерсть — черная с белым.

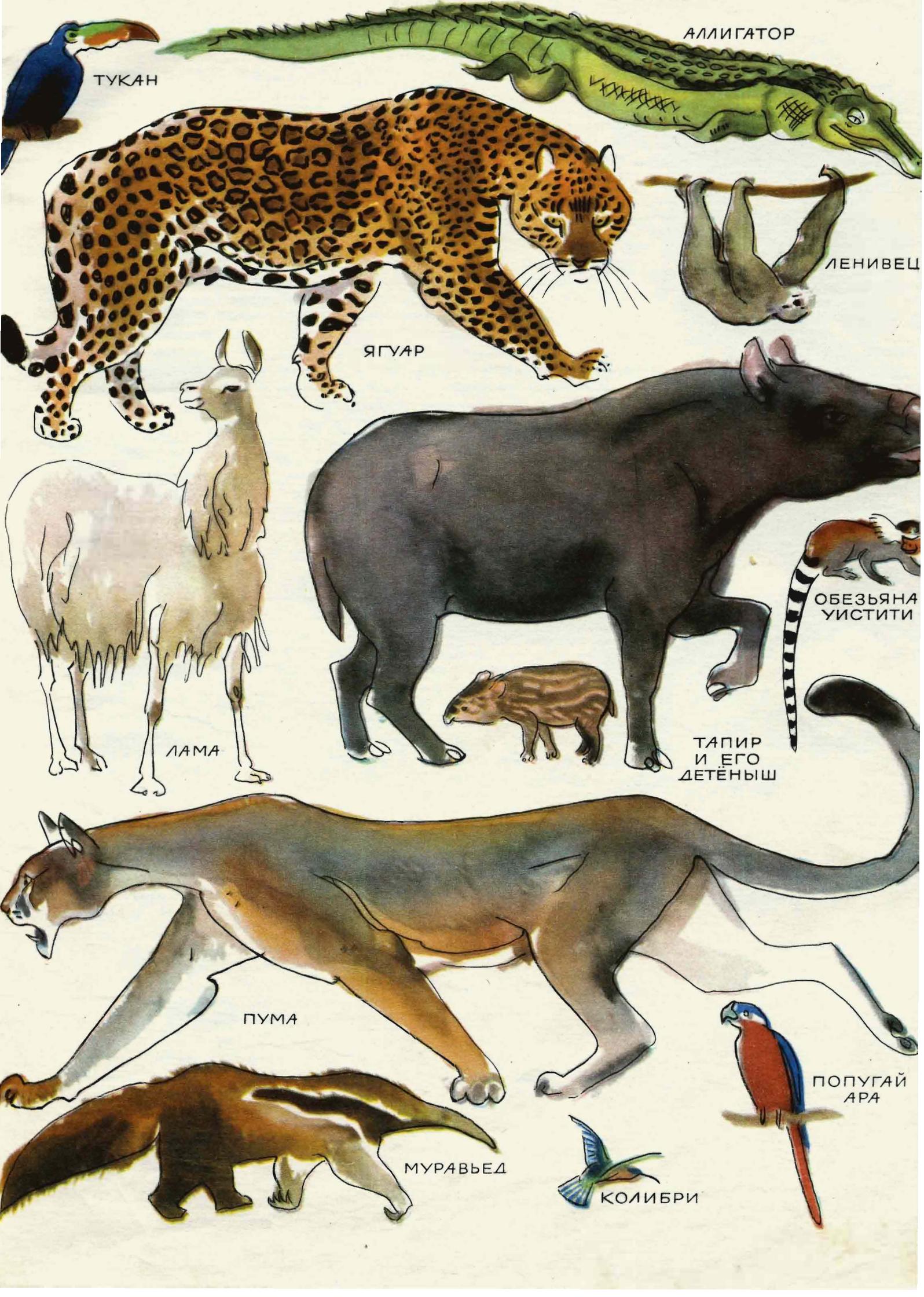
10. Тот питон, с которым боролся охотник в одной картине про африканских зверей, просто дождевой червяк по сравнению с анакондой. Ну, сколько в нём было? Метра три-четыре, самое большее. А вот анаконды, тоже принадлежащие к семейству удавов, но обитающие по берегам рек и в болотах Бразилии, имеют в длину по 10-12 метров! Некоторые охотники утверждают, что видели анаконд в 18 метров длины. Но этому уже мало кто верит.

11. Недалеко от берегов Южно-Американского государства Перу, в Тихом океане, есть несколько маленьких островов, на которых добывается птичий помёт — гуано. Тысячи лет здесь гнездуют миллионы бакланов, пеликанов и глупышей. Гуано накопилось на этих островах слоем почти в 60 метров толщины и слежалось так, что иногда его приходится рвать динамитом. Гуано — великолепное естественное удобрение для полей. Его добывали ещё инки — древние жители Перу, каравшие смертью всякого, кто посмел бы потревожить птиц на их островах.

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

АЛЛИГАТОР

ТУКАН

ЯГУАР

ЛЕНИВЕЦ

ЛАМА

ОБЕЗЬЯНА
УИСТИТИ

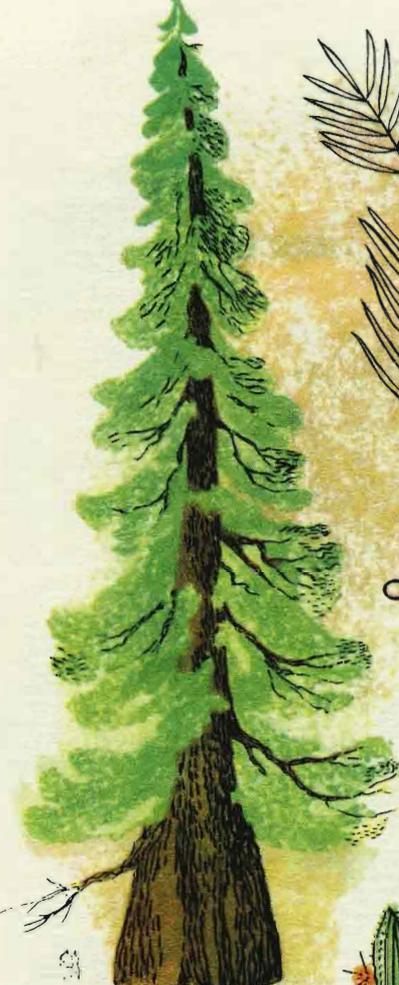
ТАПИР
И ЕГО
ДЕТЁНЫШ

ПУМА

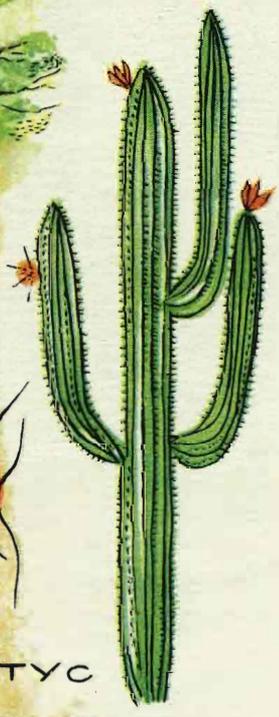
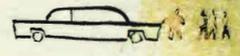
МУРАВЬЕД

КОЛИБРИ

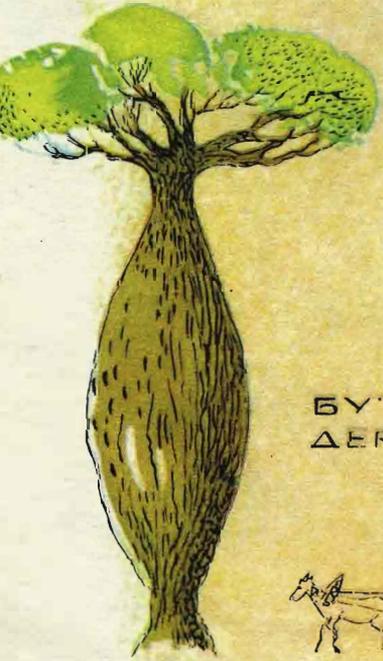
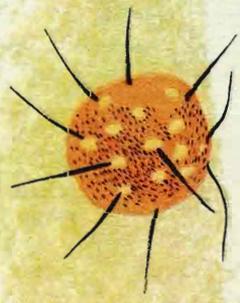
ПОПУГАЙ
АРА

СЕКВОЙЯ

КАКТУС

БУТЫЛОЧНОЕ ДЕРЕВО

12. Когда в Центральной Америке образовывались пустыни, там, может быть, произошёл такой разговор:

— Ну, кто намерен остаться? — задыхаясь от зноя, спросила земля у погибающих от жары и жажды растений.

— А что нас ждёт? — пролепетали растения, с которых горячий ветер обрывал последние почерневшие листья.

— Пустыня... Раскалённые камни, песок и много, ужасно много, солнца... Редко-редко дожди.

— Попробую приспособиться! — решил кактус, который в то время был ещё похожим на другие деревья.

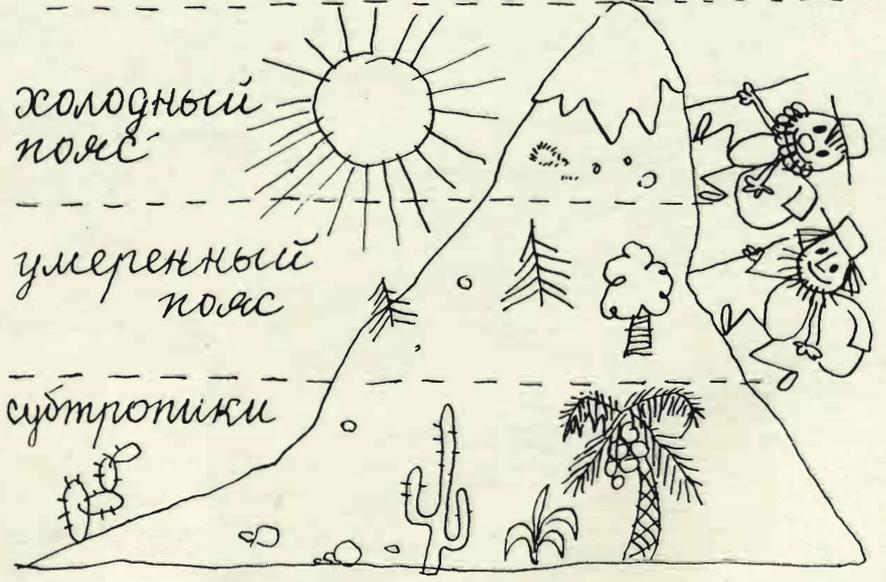
И он попробовал. Вместо листьев у него начали расти колючки, через которые почти не испаряется влага. Ствол изменился так, чтобы накапливать побольше воды. У одних кактусов он принял форму шара, у других сделался похожим на целый букет телеграфных столбов, у третьих сплющился и превратился в огромные сочные лепёшки. Колючие стебли покрылись толстой зелёной кожей, в которую перешёл хлорофилл из листьев. Так кактус сохранил способность к фотосинтезу...

Кактусы — самые выносливые, неприхотливые и причудливые растения на свете. Любая засуха им нипочём. Даже совершенно высушенный отросток кактуса, если его через много месяцев снова посадить в землю, начинает опять расти. Но растёт кактус очень медленно.

Царством кактусов считается мексиканская пустыня Жорнадель Муэрто. Там их целые леса. И даже есть кактусовые плантации, потому что плоды некоторых кактусов очень вкусные...

13. Представьте себе огромную морковь или редиску, высотой с трёхэтажный дом. Так выглядит бутылочное дерево, которое растёт в льяносах. Это название к нему очень подходит не только за его странную форму, но и потому ещё, что в своём стволе оно, как в бутылке, хранит громадные запасы воды на случай засухи.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ЗОНАЛЬНОСТЬ

14. АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

(1769—1859)

Немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт знал столько различных наук, что даже Ленкин дедушка ему завидует. Смолоду он объездил многие страны Европы, поднимался на вершины Альп, спускался в глубочайшие шахты. В одной шахте он так отравился газом, что когда его вытащили наружу, думали — мёртвый. Едва-едва откачали...

В 1799 году со своим приятелем — французским ботаником Эме Бонпланом, Гумбольдт отправился в Южную Америку. Он хотел выяснить, как различные географические условия связаны между собой и как они влияют друг на друга... Одной Европы ему было мало.

В то время Южная Америка была, наверное, самой загадочной страной на свете. Путешественники, которые отваживались углубиться в её заболоченные тропические леса — сельвы, чаще всего исчезали бесследно. Может быть, они тонули в болотах. Или погибали от неизвестных болезней. Ходили слухи, что их убивают отравленными стрелами неуловимые охотники за черепами. И уже не было никакого сомнения, что громадные крокодилы — кайманы, ядовитые змеи и пятнистые, похожие на леопардов, ягуары — хозяева этих диких лесов, тоже не дремлют.

Гумбольдт не был любителем приключений. Он не искал опасностей. Но и остановить его они не могли. Просто он был настоящим учёным!

Вдвоём с Бонпланом он пошёл в сельвы — туда, где в непроходимой чаще росли удивительные каучуковые деревья, из густого сока которых индейцы делали резиновые мячи, галоши и непромокаемые накидки от дождя... Но в Европе этому ещё не придавали значения.

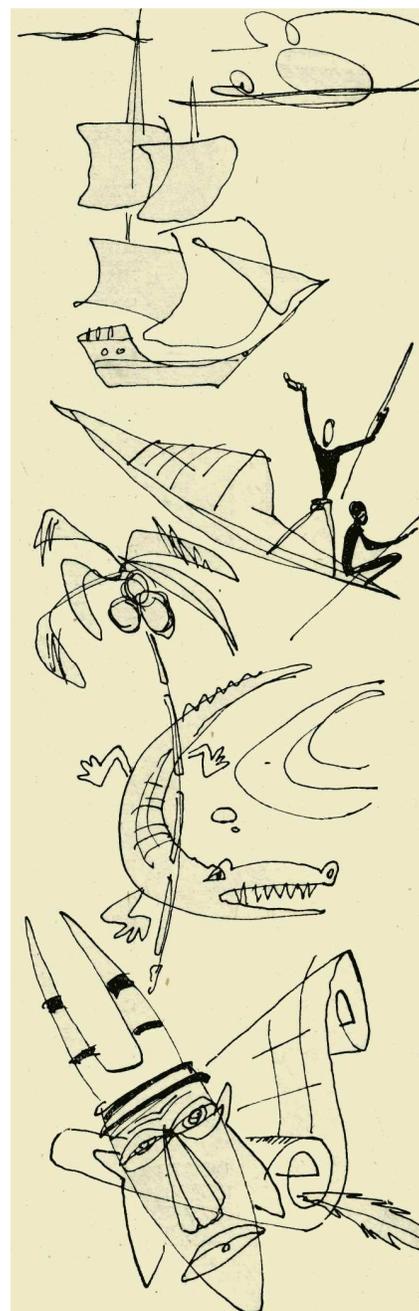
В утлых, выдолбленных из больших древесных стволов индейских лодках — каноэ, учёные проплыли многие сотни километров по многоводным, неисследованным рекам — Ориноко и Амазонке. Когда каноэ переворачивалось, путешественникам грозила немедленная страшная смерть. Нет, не от кайманов, а от небольшой курносой рыбки пирайи. Эти зубастые рыбки несметными стаями набрасывались на всякое, попавшее в воду животное и мгновенно объедали с него, ещё живого, всё мясо. Одна, две минуты — и даже от ягуара оставался скромный скелет!..

Совершив длинное путешествие по льяносам — так в Южной Америке называются огромные травянистые равнины, на которых лишь кое-где растут деревья, кактусы и кустарник, — учёные отправились к снеговым вершинам Анд. Белые ламы, похожие на маленьких безгорбых верблюдов, покрытые длинной волнистой шерстью, несли их поклажу... Поднимаясь по крутым горным склонам, путешественники следили за тем, как постепенно тропическая растительность уступает место растениям, свойственным умеренному климату, а те, в свою очередь, сменяются полярными мхами и лишайниками. Это было очень важное наблюдение, устанавливающее, что климатические зоны изменяются не только по широтам — от экватора к полюсу, но и снизу вверх — от подножий гор к их вершинам.

В Андах Гумбольдт и Бонплан исследовали кратеры действующих и потухших вулканов...

Из своего путешествия в Южную и Центральную Америку, которое продолжалось целых пять лет, Гумбольдт привёз огромные коллекции. Одних только растений он насобирал шесть тысяч штук. И почти половина из них была ещё совершенно неизвестна учёным!

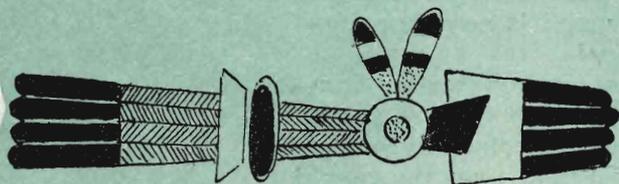
В старости, когда ему было уже 60 лет, Гумбольдт совершил большое путешествие в Россию — на Урал, Алтай и к Каспийскому морю. Но самый главный его научный труд, это всё-таки описание путешествия в Америку: 30 томов и полторы тысячи собственноручных рисунков!

15. Ходили в цирк. Удивлялись, как это дрессировщик научил морских львов так здорово жонглировать мячами... «А их и учить не надо!» — сказал Александр Петрович. Оказывается, у морских львов есть такая игра. Выбравшись из воды на скалы, они перекидываются небольшими камнями и ловят их на нос. Один учёный, который наблюдал морских львов на Галапагосских островах, рассказывает, как бросал им камни и щепки. А они ловили, подкидывали и опять ловили. Это у них инстинкт. Потому что они совершенно так же играют с рыбой, прежде чем её съесть.

А ещё на Галапагосских островах он видел огромных ящериц-игуан. Посмотришь — жуть! Настоящие чудовища. А на самом деле никого не трогает... И гигантские черепахи там тоже ещё сохранились, хотя и немного. А раньше их была масса. Из-за них острова и получили своё название — по-испански «галапаго» и есть черепаха. Но китобои и пираты, которые посещали эти Тихоокеанские острова, выбили гигантских черепах на мясо.

16. Самая маленькая на свете птичка — колибри. Величиной со шмеля. Гнёздышко колибри, как половинка грецкого ореха, а яички — с горошинку. Колибри живут в Южной Америке. Расцветка их перьев яркая, как у бабочек. А клювики длинные, тонкие, и колибри могут пить ими росу из цветов. Иногда, прежде чем сесть, птичка повисает над цветком в воздухе — трепещет крылышками, как шмель... Колибри мы в зоопарке не видели. А вот туканы — их земляки — там есть. Очень странная птица. Толщина и длина клюва, как половина всего остального тела. Будто вороне вместо клюва приставили садовые ножницы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой излагаются необыкновенные события безумной ночи

Академикова, Сеггридж и Рам Чаран ушли к начальнику отряда.

Леди и Димка спали...

Нкале, Каген и я сидели в палатке, стогали от нетерпения и старались представить себе, какое неизвестное науке животное мог выследить в джунглях лесной охотник.

Самые фантастические существа рисовались нашему разгорячённому воображению...

Но вот около половины одиннадцатого снаружи послышались возбуждённые голоса учёных...

Представьте же себе наше разочарование, когда Академикова вместо ответа только пожал плечами, Сеггридж загадочно улыбнулся, а Рам Чаран сказал:

— Сейчас будем спать... Утро вечера мудренее!

— Вот как?! — обиженно проворчала Нкале, но так тихо, что никто, кроме Кагена и меня, её не расслышал.

«Спать» к нам не относилось. Обычно, когда наступала ночь, мы садились за книги. Но на этот раз нам было не до чтения. Обида и неудовлетворённое любопытство выгнали нас из палатки.

— Пойдём к часовым у костра, — предложил я. — Может быть, они скажут?

— Да, если мы спросим на их языке, — усмехнулся Каген.

Нкале схватила нас за руки.

— Мальчики, — зашептала она. — Летим на поиск! До рассвета ещё пять часов. Нас никто не увидит — мы успеем вернуться...

— Вот, — тихо воскликнул Каген, — то, о чём я думал. Ты — молодец, Нкале!..

Мгновение я колебался: а не попросить ли разрешения у Академикова? Но было ясно — он не позволит. Поэтому я сказал:

— Полетим вдоль реки. Какое бы ни было это животное, оно должно выйти ночью на водопой.

— И мы легко узнаем его, — подхватила Нкале, — потому что оно будет совсем не похоже на других...

Мы отошли в темноту, спрятались в кустарник куртки и полетели.

Так началась эта безумная ночь...

Животное не могло приходить на водопой слишком близко от лагеря. Это позволило нам срезать всю излучину реки и лететь напрямик

К тому месту, где она уже исчезала в джунглях.

Минут через двадцать над нами начал смыкаться зелёный навес ветвей. Он ещё не был слишком густым. Призрачный свет луны свободно проникал сквозь листву и ложился се-ребристо-голубыми пятнами на поверхность реки. Голоса ночных птиц, напоминающие то плач ребёнка, то безумный хохот, раздавались в лесу.

Вдруг мы услышали короткий пронзительный визг, мгновенно захлебнувшийся и тут же перекрытый свирепым рычанием. Оставляя кровавый след на траве, пятнистый леопард потащил в кусты безжизненное тело маленькой антилопы.

В другом месте мы наткнулись на несметное количество летучих мышей, стремительно пронесившихся над водой. Если бы мы не знали, что уши этих ночных зверьков устроены наподобие эхолота, нам бы и не понять, как эти крылатые существа умудряются не сталкиваться друг с другом и не налетать на нас. Но мы знали — даже слепая летучая мышь никогда ни с кем не столкнётся. Во время полёта она непрерывно издаёт неуловимый для человеческого уха ультразвук, который тут же возвращается к ней, если впереди есть какое-нибудь, даже самое незначительное, препятствие. Пусть это будет муха или комар — ультразвук отразится от него, и летучая мышь услышит!..

Ветвистый свод над нами постепенно сгущался. Лунные блики на воде попадались всё реже. Наше нервное напряжение нарастало. Оно почти достигло предела, когда мы увидели, как громадный висячий корень какого-то дере-

ва начал вдруг извиваться, бесшумно вытянулся и стремительно обвился кольцами вокруг тела молодого дикого кабана, только что вышедшего из кустов и приблизившего к воде обросшую бурой щетиной, клыкастую морду. Предсмертный крик животного замер мгновенно, и мы услышали жуткий хруст переламываемых костей. Шумно затрепетали кусты. Это бросились наутёк другие кабаны, тоже направлявшиеся к водою... Повисшее над водой уже бездыханное тело несчастной жертвы медленно проплыло по воздуху к развилке дерева. Чудовищные кольца громадного шестиметрового удава неторопливо сжимались и разжимались. Они работали — ломали и разминали кости, чтобы добычу можно было проглотить целиком — зубы удава не приспособлены для разжевывания пищи... Нкале отвернулась.

— Удавы не ядовиты, ты не бойся, — громким шёпотом сказал Каген, подлетая к ней.

— Тише, — предупредила она... Взгляд её был прикован к непонятному, напоминающему большую корягу предмету, темневшему на воде у поворота реки. Что-то там шевелилось и издавало тревожные, полные какой-то скорби и призыва о помощи, звуки... Мне стало не по себе, я торопливо взмахнул крыльями и вплотную подлетел к товарищам.

Нкале сделала знак рукой — остановка. Она ухватилась за лиану и повисла на ней. Мы последовали её примеру.

Отсюда можно было уже кое-что разглядеть. Это действительно была коряга, затерявшая недалеко от берега. На том конце её, который был ближе к нам, сидело странное, четырёхлапое существо, обросшее длинной мохнатой шерстью. Лунный свет придавал его круглой, как тыква,

жёлтой голове с огромным беззубым ртом и узкими, тускло поблёскивавшими глазами особенно жуткий вид... Существо жалобно стонало и вскрикивало.

— Обезьяна? — неуверенно прошептал Каген. — Горилла?..

— Непохоже, — покачала головой Нкале, — у гориллы не должно быть хвоста.

И вдруг существо зашевелилось! Оно словно пыталось встать на ноги. За его спиной поднялись большие белые крылья, затрепетали и тут же опустились. Бревно закачалось. Чудище судорожно вцепилось в него, чтобы не упасть в воду... Скорбный крик снова коснулся нашего слуха.

— Крылатая обезьяна!.. — еле вымолвил Каген. — Она ранена...

У меня перехватило дух.

— Это оно!.. — сдавленным голосом подтвердила Нкале. — Неизвестное науке...

Существо вновь беспомощно захлопало крыльями.

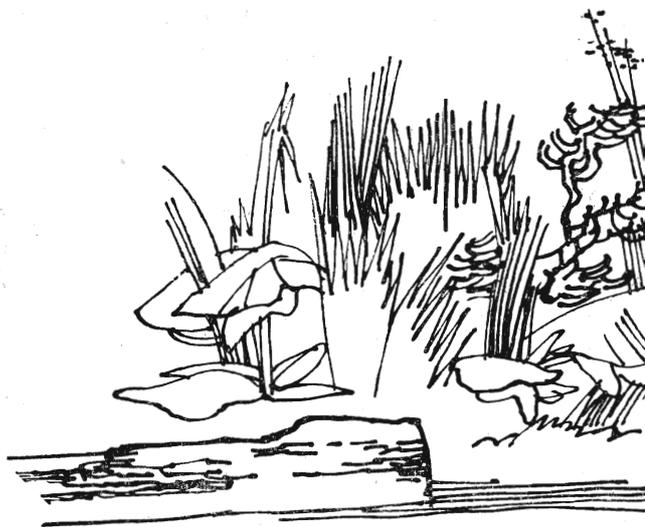
Мы подлетели поближе и опять повисли на лианах. Загадочное животное тихо стонало.

— Если мы не поможем ему, — с отчаянием зашептала Нкале, — оно свалится в воду и утонет...

Раздумывать было некогда. Я отпустил лиану и, сделав знак Кагену, чтобы он следовал за мной, устремился вперёд...

Но что было дальше, пусть лучше расскажет Каген: последнее, что я помню, — страшный удар по черепу, горло сдавило железной хваткой, меня рвануло вниз и потащило под воду. Я потерял сознание...

— Тьгави и крикнуть не успел. Было похоже, что оно его специально подстерегало. А потом, раз!.. И ничего нет! Ни Тьгави, ни того — другого. Одни пузыри на воде. А сверху Нкале кричит не своим голосом. Только я не разобрал что, сразу нырнул. Сперва ничего не увидел. Потом увидел руки и смутно туловище.

Рассмотреть ничего нельзя — сплошные водоросли. Ну, всё-таки захватил поперёк тела, вынырнул. Смотрю, а это Нкале. Оказывается, она тоже нырнула...

Потом мы ещё минут пять ныряли вместе — всё напрасно. И тут вдруг увидели — прямо из воды по берегу след, будто проволоклось что-то. И отпечаток руки... Ну, вы сами понимаете, что мы подумали. Попробовали пойти по этому следу в кусты, но там такие заросли — стена! И след сразу же потерялся...

Вернулись, стали кричать. Никакого ответа. Нкале прямо трясётся вся. Тогда я говорю: «Ты оставайся тут, караул это «место», а сам в лагерь. Всех на ноги поднял, долго ли!.. Взяли моторный катер, самый быстроходный, зажгли фонари, факелы. Понеслись, как ракета.

Уже недалеко от того места, где удав заглатывал своего кабанчика, смотрим — выходит на берег человек, почти голый, в леопардовой шкуре. Делает знаки, чтобы мы остановились, кричит. Наши учёные, правда, не хотели останавливаться, не до него им было. Но Элиас Кимараре велел причалить. Он сказал: «Это тот самый, что вечером приходил. Хитрый, смелый охотник, замечательный следопыт. С ним — найдём. Он ещё днём выследил это животное»... Рам Чаран, хотя был очень расстроен, всё-таки переводил. Он самый спокойный из всех — Рам Чаран.

Не успели причалить, этот лесной охотник хватает на плечо свой мешок — очень большой мешок — и лезет к нам... А вид у него такой довольный и гордый, будто он открыл закон всемирного тяготения. Он стучает себя кулаком по груди, показывает на свой мешок и что-то говорит Элиасу. А Рам Чаран прислушивается к их разговору, и глаза у него лезут на лоб, и он переспрашивает, и смотрит на мешок, но дотянуться до него не может — он на другом конце катера, далеко от нас. И Рам Чаран говорит мне: «Теперь всё понятно! Этот человек поймал-таки крылатую обезьяну, она у него в мешке. Их было две. Он поймал одну, а другая, на-верно, схватила нашего Тькави... Он говорит — обезьяна не очень сильная — есть надежда, что Тькави ещё жив...»

Тут мы уже домчались до того места и увидели Нкале. Она так плакала, что ничего даже сказать не могла. При свете факелов её всю было хорошо видно вместе с крыльями. Я хотел уже полететь к ней, но тут случайно посмотрел на охотника и прямо не узнал его. Стоит бедняга совсем растерянный, посерел весь и переводит глаза то на Нкале, то на свой мешок. А в мешке что-то копошится и так жалобно стонет, таким знакомым голосом!.. Я бы

раньше сообразил, если бы мотор ревел не так громко... Вот и всё... Ну, если не считать того, что Тькави не очень любит, когда ему напоминают этот случай и даже в шутку называют «Крылатая обезьяна», к тому же «не очень сильная»!

— Да, не люблю. Потому что Каген нарочно делает вид, что не понимает самого главного. Дело ведь не во мне, а в этом замечательном лесном охотнике! Пусть он принял нас за неведомых крылатых обезьян, когда мы гонялись за стадом мартышек. Пусть ему не поверили в лагере!.. Но ведь это всё-таки очень здорово, как он придумал приманить и поймать нас, вернулся в лес и привёл свой план в исполнение!.. А косматый плащ из травы, маску из тыквы, побеленные крылья из банановых листьев и хвост он подарил мне на память об этом деле. И я возьму их с собой на нашу планету!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой покинутый всеми Тькави размышляет о разнице между саваннами и джунглями, завидует друзьям и готовится к приёму радиорепортажа

Утро в тропиках наступает сразу. В четыре часа ещё совершенно темно. В половине пятого на горизонте появляется огромное красно-рыжее солнце. А в пять оно жарит уже всю.

Охотники и ловцы зверей выехали из лагеря затемно. Моторные катера повезли их на другую сторону озера — туда, где начиналась саванна. В лагере остались только дежурные, ветеринар и я. Доктор, осмотрев мою голову, велел мне временно воздержаться от охотничьих экспедиций. В утешение он сказал:

— Могло быть хуже.

Я и сам понимал — если бы М'Коло (так звали лесного охотника) не задумал взять крылатую обезьяну живьём, он стукнул бы посильнее — он мог. Нкале и Каген готовы были остаться со мной. Но, конечно, я отказался. И не потому, что пожалел их, а потому, что этого требовали интересы нашей планеты. Задерживаться было нельзя — дождь в горах не прекращался, в реке как будто начинала при-

бывать вода. Элиас Кимараре должен был торопиться.

Я сидел в палатке, прикладывая искусственный лёд к шишке на голове и завидовал тем, кто отправился на охоту в саванну.

Хотя почти вся Африка расположена в жарком поясе земного шара, климат этого континента в разных местах совсем неодинаков. На солнце обижаться нельзя — его сколько хочешь, пожалуйста. Но климат зависит не от одного солнца. Тут всё имеет значение — высота местности над уровнем моря, удалённость от океанских и морских берегов, горные хребты, преграждающие путь ветрам. Эти ветры — огромные массы воздуха, постоянно гуляющие над материком. И вот от того, сухой или влажный этот воздух, нагрет он или охлаждён, приносит облака или нет, — зависят климатические условия в разных местах, получающих одинаковое количество солнечных лучей.

Тёплый, насыщенный водяными парами воздух, который поднимается над самым экватором, быстро охлаждается на высоте. Пар превращается в тучи, а тучи — в дождь. Дожди вдоль экватора идут почти ежедневно — круглый год. С утра небо бывает совершенно чистым, без единого облачка. Примерно с полудня начинает хмуриться. Тучи постепенно заволакивают всё небо и во второй половине дня обрушиваются на землю тёплым, иногда грозным ливнем... Это хорошо для растений.

Влажные экваториальные леса — непроходимые дебри. Гигантские стволы фикусов, драгоценных пород эбенового дерева — чёрного, красного и жёлтого, железное дерево — такое твёрдое, что его не взять топором, — оплетены извивающимися лианами, длина которых достигает порою целой четверти километра, а то и больше. Лианы — самые длинные растения в мире. Они — паразиты, питающиеся соками

тех деревьев, за которые уцепились. Лианы стелются по земле, оплетают непролазную чащу кустарников, перекидываются на древесные папоротники с похожими на великолепные зелёные перья листьями, взбираются вверх по стволам лесных великанов, обламывают свою тяжестью их могучие ветви, падают вместе с ними вниз и снова тянутся кверху...

Деревья этих лесов отличаются удивительной особенностью. Так как здесь нет смены сезонов, они цветут и приносят плоды непрерывно. Когда на одних ветвях опадают старые листья, на других лопаются почки, распускаются цветы и зреют плоды. Всё это происходит одновременно. Получается так, что на одном и том же дереве сразу перемешиваются все времена года...

А бок о бок с влажными экваториальными лесами, только чуть южнее и севернее, природа уже совсем другая. Здесь чередуются два периода — засушливый и дождливый. Когда влажный экваториальный воздух приносит дожди — начинается лето. Дождливый сезон длится несколько месяцев. А потом из жарких песчаных пустынь приходит горячий сухой воздух, и наступает знойная тропическая зима. Она тоже длится несколько месяцев...

Другой климат — другая природа.

Бескрайние холмистые равнины, покрытые очень высокой жёсткой травой, среди которой то здесь, то там раскиданы заросли густого, колючего кустарника, да кое-где маячат одинокие или растущие группами деревья, называются саваннами.

Цвет саванны, в основном, желтовато-бурый. Это объясняется тем, что её высокая, успевающая уже созреть и выгореть на солнце трава так и остаётся стоять на следующий год, прикрывая собою зелёные молодые всходы.

Среди деревьев, растущих в саванне, чаще всего встречаются невысокие с искривлёнными стволами и массой длинных острых шипов зонтиковидные акации. У них плоские кроны, похожие на раскрытые китайские зонтики... Учёные думают, что такое устройство крон помогает этим деревьям сберечь влагу, когда дует горячий сухой ветер.

Но самое удивительное дерево саванн — это баобаб. Его сочные плоды, напоминающие своей формой длинные огурцы, очень нравятся обезьянам. Баобаб растёт только в саваннах и всегда в одиночку. Его громадный ствол, толщиной в десять-двенадцать метров — настоящая цистерна, в которой дерево хранит огромные запасы воды, помогающие ему переносить засуху. А растёт баобаб долго. Пять тысяч лет для него нормальный возраст! И никакие степные пожары, которые часто случаются в саваннах во время засушливого периода, ему не страшны. Пламя пронесётся, уничтожая всё вокруг, а могучий баобаб стоит, лишь опалённый снаружи, и как ни в чём не бывало ждёт дождей, чтобы снова покрыться листьями и цветами...

С наступлением засушливого периода растущие в саваннах деревья по-зимнему сбрасывают свою листву и перестают испарять влагу. Так они приспособились к смене сезонов.

В джунглях экватора сумеречно и сыро. Из-за кустарников и лиан они почти непроходимы. Лучше всего там чувствуют себя животные, ползающие по земле и лазающие по деревьям. Внизу — змеи, вверху — обезьяны. Встречаются дикие кабаны, леопарды, иногда окапи и странное древнее существо — млекопитающий ящер панголин, тело которого забронировано роговыми щитками. Это совершенно безобидное животное обычно прячется в дуплах деревьев или висит вниз головой на какой-нибудь ветке, зацепившись за неё хвостом... Добавьте к этому множество самых разнообразных птиц, главным образом поугаев, обитающих среди верхушек деревьев. А из насекомых — больше всего муравьёв...

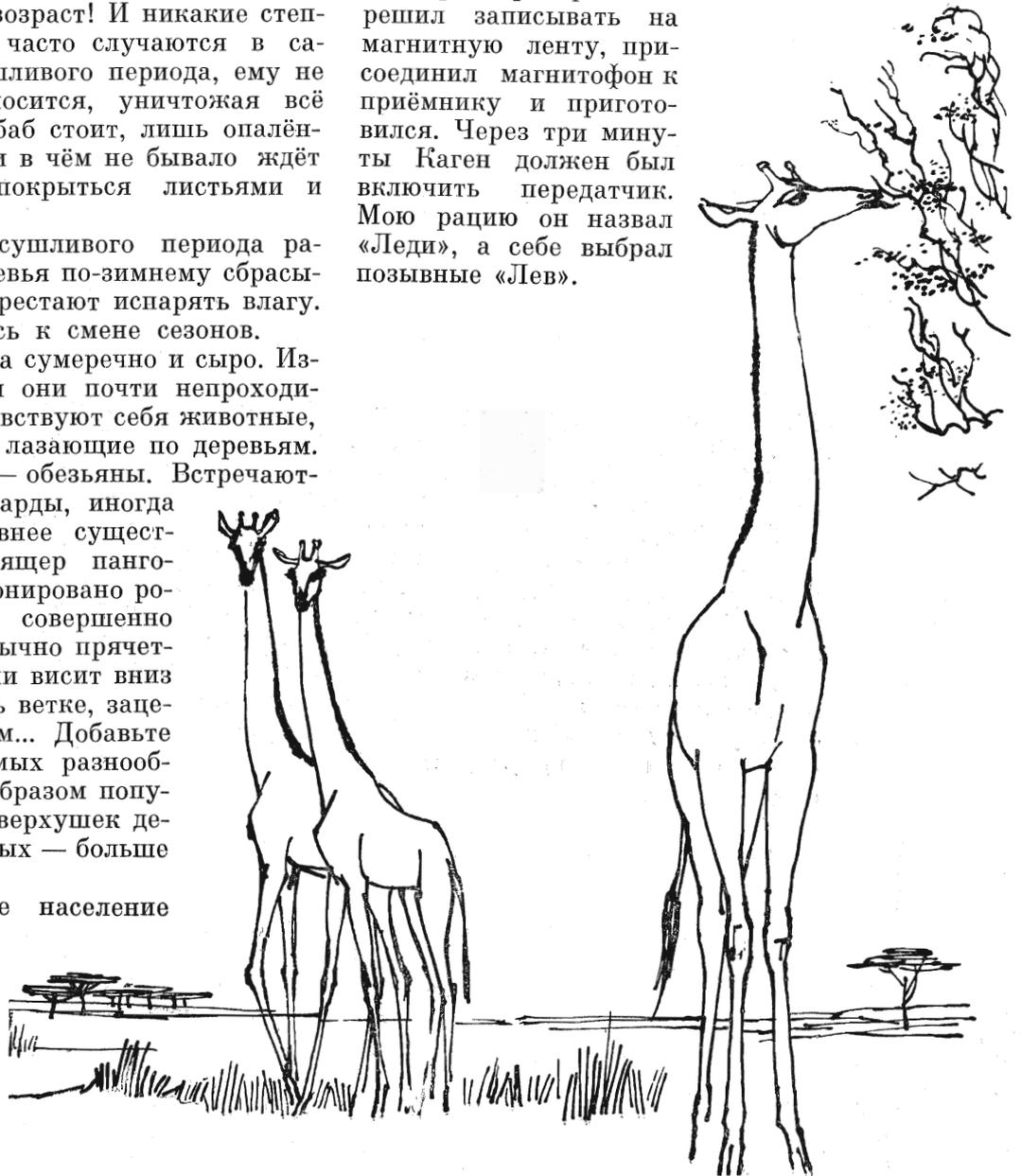
Однако всё живое население джунглей — сущие пустышки по сравнению с несметным количеством и разнообразием обитателей саванн.

Львы, носороги, буйволы, жирафы, слоны, шакалы, гиены,

кабаны, обезьяны, леопарды, зебры, антилопы — вот сколько мне пришлось перечислить. И это ещё не всё! И добавьте гиппопотамов и крокодилов там, где озёра и реки. Добавьте ещё змей и ящериц. И птиц — начиная от самых крошечных и кончая орлами, марабу и страусами... И тьму насекомых, самые интересные из которых, конечно, термиты, чьи высокие постройки-термитники издали можно принять за глинобитные хижины человеческого посёлка.

Понятно ли вам теперь, почему я так завидовал тем, кто отправился на охоту в саванну?..

Единственным утешением было то, что Каген взял с собой портативную репортёрскую рацию и обещал держать меня в курсе событий. Его радиорепортаж я решил записывать на магнитную ленту, присоединил магнитофон к приёмнику и приготовился. Через три минуты Каген должен был включить передатчик. Мою рацию он назвал «Леди», а себе выбрал позывные «Лев».

17. Многие думают, что двигаться могут только животные, а растения не могут. И ошибаются. Каждая травинка, каждое дерево, когда растёт, тянется вверх — к солнцу. А корни ползут вниз — в глубину земли и расходятся в стороны. Из одного корневища малины или бамбука разрастается целая заросль. Потому что корневища этих растений дают отростки, которые как бы «расползаются» под землёй. А от них идут вверх молодые побеги. Многие цветы раскрываются ночью и закрываются днём. А другие — наоборот. Цветок подсолнуха целый день поворачивается вслед за солнцем. Стыдливая мимоза складывает свои листья, если к ним прикоснуться. Похожие на щупальца ворсинки наших болотных роснянок хватают севшую на цветок мушку. А у тропических роснянок листья действуют, как капканы...

3.500

4000

8600

20.000

38.000

2000

500.000

850 000

18. Сколько различных видов животных и растений существует сейчас на свете? Учёные сосчитали всех. Например, рыб — 20 000 названий. А земноводных — 2000. Пресмыкающихся — 4000. Птиц — 8600. А млекопитающих — 3500...

Значит, одних позвоночных на нашей планете больше 38 000 видов. Сюда входят все — от какого-нибудь ерша или лягушонка, до крокодила, страуса и кита... Но ведь есть ещё и беспозвоночные животные, и микроорганизмы, и растения! Различных растений, например, — полмиллиона. Но больше всего насекомых. Их 850 000 видов! И каждый вид живых существ имеет свои собственные особенности, отличающие его от другого вида. И каждый вид по-своему приспособился к окружающей его природе и по-своему ведёт борьбу за существование.

19. Всё пространство воды, суши и атмосферы, где обитают живые существа, называется биосферой Земли или областью распространения жизни. В океанах нижняя граница этой области известна: глубина Марианской впадины — 11 километров. С её дна учёные добыли самых глубоководных животных...

Возвращаясь с высоты в 60 или даже в 100 километров, ракеты иногда приносят микробов. Но это не какие-нибудь особенные — «занебесные» микробы, которые обитают там по своей воле, а самые обыкновенные — «земные», случайно занесённые туда вместе с пылинками...

Бывает, что потоки уходящего вверх тёплого воздуха подхватывают крохотных паучков, сидящих на паутинках «бабьего лета», и заносят их на высоту нескольких километров. Но сказать, что эти паучки там обитают, всё-таки ведь нельзя!

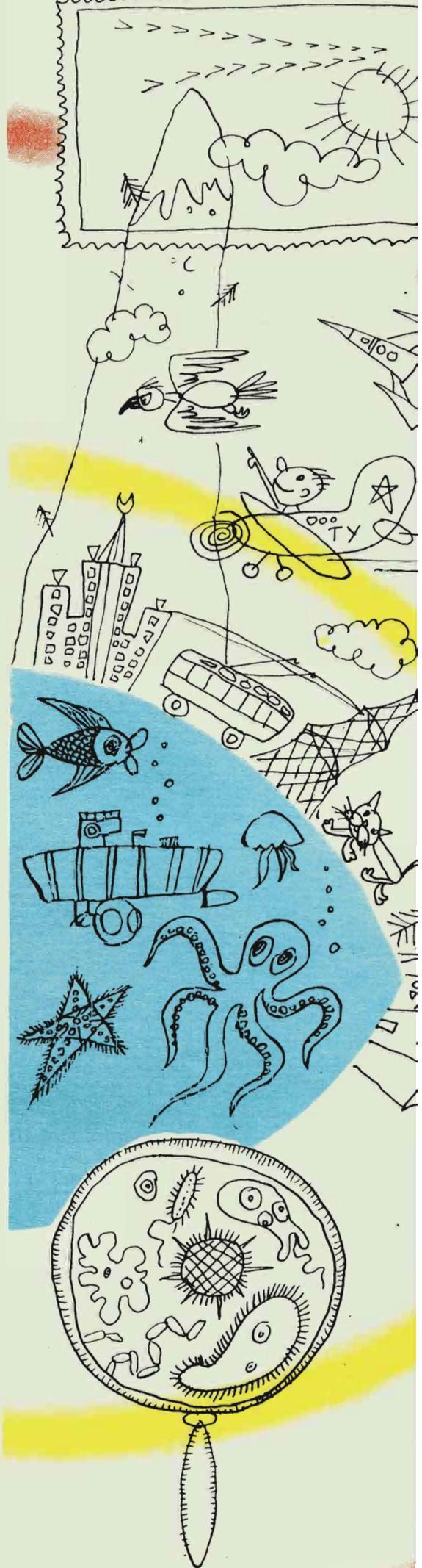
Выше всех птиц летают орлы, альбатросы и грифы. У них есть два способа полёта. Первый способ — это когда они машут крыльями. Он позволяет им достичь высоты приблизительно в 300 метров. Чтобы подняться выше этого, им нужно перейти на другой способ — парение. Распластав крылья, они ложатся на поток восходящего воздуха, и он выносит их вверх. Так они обычно и парят на высоте в 400—500 метров, высматривая добычу. Лётчики говорят, что видели орлов, парящих на высоте до четырёх километров. Но это бывает редко.

Большинство птиц и насекомых летают не на много выше самых высоких домов и деревьев... И вдруг фотография — перелёт диких гусей над Эверестом! Если эта фотография не обман, то выходит, что всех выше летают дикие гуси.

Одна из самых населённых частей биосферы — это почва: плодородный поверхностный слой земной коры. Он рыхлый, пропитан влагой, переплетён корнями трав, кустов и деревьев, насыщен гниющими остатками погибших растений и животных... В почве огромное количество бактерий, она вся просверлена ходами дождевых червей, начинена личинками насекомых. Многие насекомые, птицы и звери устраивают в ней свои гнёзда и норы. Но толщина этого слоя совсем небольшая — полтора-два метра. А дальше почва постепенно переходит в неплодородный грунт, и живых существ в ней становится всё меньше и меньше. А глубже тридцати метров, где кончаются корни самых могучих деревьев, попадают уже одни лишь бактерии, которых туда заносит стекающая по трещинам вода...

Так где же кончается биосфера суши? На глубине тридцати метров? Оказывается, нет. Совсем недавно учёные обнаружили особых пурпурного цвета бактерий, живущих в нефти. А эта нефть была добыта с глубины в несколько километров!..

На любой глубине морей и океанов есть жизнь. Но больше всего живых существ, конечно, не в глубине, а у поверхности — в тех слоях воды, которые хорошо освещаются солнцем и где могут развиваться водоросли, служащие пастбищем для многих морских животных. Этот самый населённый слой воды кончается на глубине приблизительно в 150 метров. Дальше начинается сгущаться вечный мрак... И вот тут на глубине в 150 метров, оказывается, иногда такое огромное скопление разных рачков, что звуковые волны эхолота не могут сквозь них пробиться, возвращаются на корабль. И тогда обманутый эхолот показывает глубину всего в полтора-два метра, там где на самом деле несколько тысяч. Это явление наблюдается довольно часто и называется «ложным дном».

20. Про муравьёв — всё удивительно! Они живут семьями, в которых есть крылатые самцы и самки и бескрылые строители, добытчики пищи, няньки, воины... Своими усиками-антеннами они не только воспринимают всякие запахи и звуки, но и передают друг другу какие-то сведения, вроде бы «разговаривают». Некоторые живущие на деревьях муравьи делают себе гнёзда-муравейники, сшивая листья липкой слюной своих личинок. Есть муравьи «скотоводы» или «пастухи», которые захватывают в плен маленьких вредных насекомых — тлей. Они щекочут своими усиками пленных тлей и заставляют их выделять сладкий сок, чтобы кормить им своих личинок, как молоком! И есть ещё другие муравьи, которые специально выращивают в своих муравейниках, как на плантациях, особый грибок, и, по мере того как этот грибок разрастается, они его объедают. А молодые муравьиные матки, отправляясь роиться, захватывают с собой кусочки этого грибка, чтобы выращивать его в новом муравейнике...

Всё это так удивительно, что некоторые писатели-фантасты, придумывая разумных существ для других планет, делают их похожими на гигантских муравьёв или других «общественных» насекомых — пчёл, ос, термитов... Хотя, конечно, у этих насекомых вовсе не настоящий разум, а только необыкновенно развитые инстинкты...

Муравьи живут на всех континентах, за исключением Антарктиды. Они очень полезны, так как зверски истребляют вредоносных личинок других насекомых, которые губят деревья. Вот почему там, где живут муравьи, лес всегда зелёный. Муравейники надо беречь!

21. Всю жизнь думал, что пауки — это насекомые. Оказывается, нет, они только принадлежат к тому же типу — членистоногих. А так паук сам по себе, с него начинается особый класс — паукообразных. Кроме пауков, к этому классу относятся ещё скорпионы, клещи и некоторые другие членистоногие. Голова и грудь у них не разделяются, а срослись нацело. У насекомых по 6 лапок, а у пауков по 8. Глаза у них тоже устроены иначе. У пауков хотя и бывает по 4 или даже по 8 глаз, но это глаза простые. А у насекомых глаза сложные — «сетчатые». Они состоят иногда из нескольких тысяч соединённых вместе отдельных глазков — фасеток. И поэтому некоторые насекомые, такие например, как стрекоза, имеют полный обзор одновременно во все стороны — вперёд и назад, вверх и вниз, вправо и влево... А пауки так видеть не могут. Многие пауки имеют особые железы, ядом которых они отравляют свою добычу. Самые ядовитые пауки — тарантулы и каракурты, живущие в тёплых странах. А в тропиках обитают огромные пауки-птицееды, которые охотятся на мелких птичек.

22. Учёные долго не могли постичь, почему люди и животные, живущие вблизи болот, заболевают малярией. Думали, что всё дело в болотных испарениях — миазмах. И называли малярию — болотная лихорадка. А оказалось, малярию вызывают микроскопические паразиты, которых переносят самки некоторых комаров. Этим комаров так и назвали — вредные, по-научному — анофелес. Их легко узнать — в отличие от всех других комаров брюшко анофелеса всегда задрано вверх. Малярия — страшная болезнь, от которой до сих пор в тропиках умирают миллионы людей. Пока не узнали про комаров, от неё было только одно средство — горькие порошки из коры хинного дерева. Но покончить с малярией можно, лишь истребив всех анофелесов. И это теперь делают — травят их личинки в болотах. Во всём мире...

23. У большинства насекомых несколько жизней. В их яичках не хватает питательных веществ для полного развития зародыша, и потому природа пошла на хитрость. Когда в яичке кончается запас питательного белка, на свет вылупливается не готовое насекомое, а его живая личинка. Например, личинка бабочки — гусеница. Гусеница живёт своей собственной личной жизнью. Она ползает, объедает листья и растёт. А когда достаточно вырастает, находит укромное местечко и окружает себя плотной оболочкой, вроде скафандра. Так получается неподвижная куколка. Например, куколка тутового шелкопряда — кокон. Если его размотать, получится тонкая, как паутинка, двойная шёлковая нить почти в километр длиною. Но если кокон не разматывать, то внутри его произойдёт превращение — гусеница превратится в бабочку, которая вылезет из своего скафандра уже совершенно взрослая. Вся цепь этих превращений называется метаморфозом.

А теперь вопрос. Сколько живёт похожее на бабочку насекомое — подёнка?

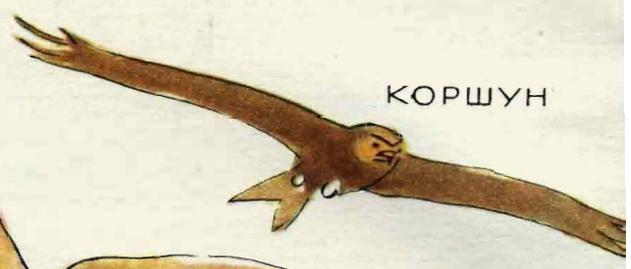
Ответ. Один день, потому и подёнка. Появившись на свет, она взлетает, роится, в сумерки откладывает яички и тут же падает замертво. У подёнки даже рот не развивается — он ей не нужен, потому что с момента взлёта до момента гибели она ничего не ест...

В этом ответе всё верно, за исключением одного — можно ли считать, что подёнка живёт только один день, если её обитающая в воде личинка плавает, кормится и растёт совершенно самостоятельно в течение нескольких лет!

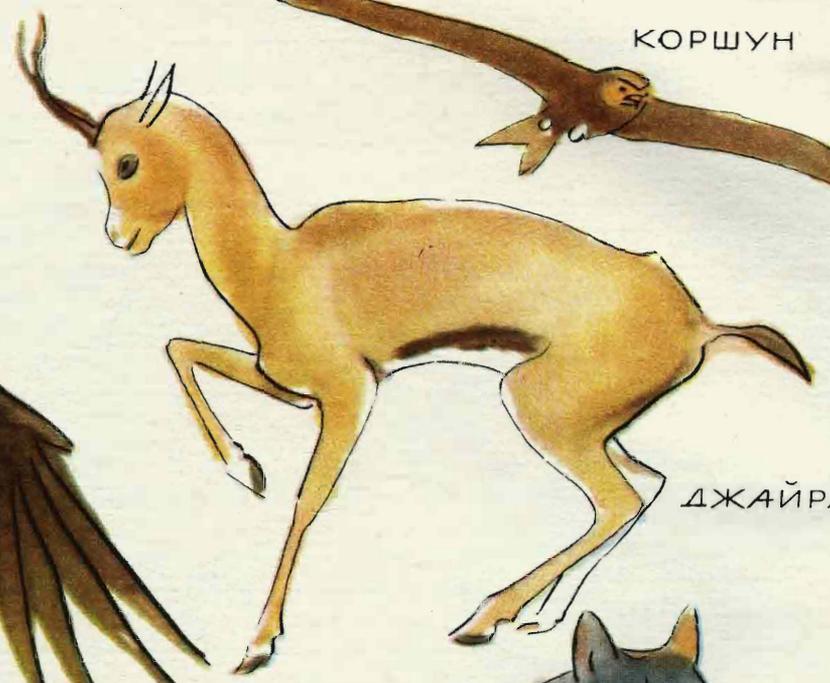
24. Земноводные появились на Земле раньше насекомых. У них у первых возник метаморфоз. Их личинки живут в воде, имеют плавники и жабры. Некоторые личинки земноводных даже способны самостоятельно размножаться, так никогда и не выходя на сушу. Например, мексиканские аксалотли, похожие на огромных головастика. Чешский учёный Вилем Лауфбергёр сделал с этими аксалотлями удивительный опыт. Он держал их в аквариуме и кормил специальной пищей. Произошло чудо — у аксалотлей пропали плавники и выросли ноги, жабры превратились в лёгкие. И чтобы дышать воздухом, им пришлось вылезти из аквариума...

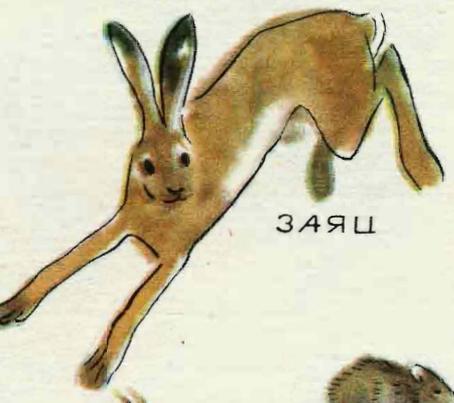
ОРЁЛ

КОРШУН

ДЖАЙРАН

ЗАЯЦ

ВОЛК

ПОЛЁВКА

САЙГАК

ТУШКАНЧИК

СУСЛИК

ДРОФА

КОРСАК

**ЗВЕРИ И ПТИЦЫ
СТЕПЕЙ**

25. Русский исследователь полярных и тропических морей Фёдор Петрович Литке родился в 1797 году. В пятнадцать лет он стал юнгой, а в 24 — капитаном. Его плавания в Ледовитом океане и четырёхлетнее кругосветное путешествие на шлюпе «Синявин» имели очень большое значение для науки. Но ещё большее значение имело то, что он создал «Русское Географическое Общество», которое теперь называется «Географическим обществом Союза ССР». Это одно из самых старых и знаменитых географических обществ в мире. Многие места на карте земного шара носят русские названия. Они получили их от путешественников-учёных, экспедиции которых были организованы этим обществом...

Когда Литке состарился, председателем «Общества» стал вместо него Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шаньский — первый европейский путешественник, который в 1856 году достиг Тянь-Шаня, описал этот горный хребет и доказал, что там нет никаких вулканов, ни действующих, ни потухших. Это было очень важно — до его путешествия учёные считали, что горы Центральной Азии имеют вулканическое происхождение. А это было неверно... За свои исследования Небесных гор — так Тянь-Шань переводится на русский — учёный и получил свою тройную фамилию. А до того он был просто Семёнов...

«Географическое Общество» — верный друг путешественников. Оно участвует в организации экспедиций, устраивает доклады исследователей, издаёт их дневники и книги. И вот что особенно важно: даже самые знаменитые члены этого «Общества» очень охотно встречаются с ребятами, рассказывают о своих путешествиях и помогают начинающим краеведам разрабатывать маршруты собственных экспедиций.

26. Степи начинаются там, где уменьшается количество воды, а количество солнечного тепла увеличивается. Потом, ещё ближе к экватору, в тех местах, куда почти не доходят дожди, а солнце жарит немилосердно, — мы увидим пустыни.

В диких степях растут разные травы и ковыли. Но диких степей теперь почти не осталось. Человек превратил их в свои поля, чтобы засеять пшеницей, кукурузой, хлопчатником, подсолнухом и другими полезными растениями. Обитавшим в этих степях антилопам-сайгакам и джейранам, ничего не поделаешь, пришлось отсюда уйти в пустыни. А вот грызуны — суслики, зайцы, мыши — остались. И даже расплодился бы, наверно, на питательных даровых хлебах ещё больше, если бы человек не вёл с ними борьбу...

Главные птицы наших степей — перепела, куропатки, стрепеты, дрофы, фазаны...

27. Если делить земной шар не по климатическим зонам — на холодный, умеренный и жаркий пояс, а по природным условиям, — получается 7 главных зон. От полюсов к экватору они идут так: полярная зона, тундра, леса умеренного пояса, степи, пустыни, саванны, джунгли. Между ними нет резких границ. Они постепенно переходят одна в другую. В каждой природной зоне свои растения и животные.

28. В умеренном поясе Земли все деревья — даже вечнозелёные, растут не непрерывно весь год, а только весной, летом и осенью. В это время у них под корой развиваются молодые клетки и нарастают новые слои древесины. На распиленном поперёк стволе их хорошо видно. Они называются годовыми кольцами и расходятся от середины к краям, как круги от камня, упавшего в воду. Весенние кольца — светлые. Летние и осенние — тёмные. Так они чередуются. Сколько тёмных или светлых колец мы насчитываем, столько лет и прожило это дерево... А вот в тропиках, где нет смены сезонов и деревья растут без перерыва на зиму, такие кольца не образуются. Возраст тропических деревьев определить не так просто...

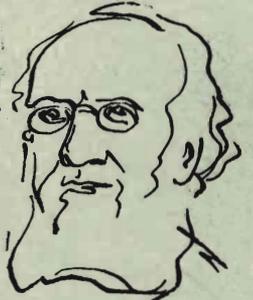
ПРИМЕТА: если лето было засушливым, годовые кольца — тонкие, а если дождливым — широкие. И потому, если спилить какой-нибудь старый дуб или кедр, то по толщине колец можно определить, какое лето выдалось в таком-то году, несколько сот лет назад.

29. Сочинили ЗАГАДКУ: От того, где это — зависит, как там. От того, как там — зависит, кто они. От того, кто они — зависят те, которые, от которых — зависят, которые те...

П.Ф. ЛИТКЕ
ПОЧТА 3 КОП

П.П. СЕМЁНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ
ПОЧТА 3 КОП

РАЗАДКА: Местность — климат — растения — травяные — хищники. Например, в саваннах много тепла и влаги. Там отличные пастбища — приволье для травоядных. А травоядные — пища хищников...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

воспроизводящая магнитофонную запись рекордного охотничьего радиорепортажа, который произвёл Каген. Для большей ясности глава снабжена рисунками из альбома Нкале и примечаниями Тькави

... — «Леди»!.. «Леди»!.. Слышишь меня?.. Я «Лев»... Говорит «Лев»... «Леди»!.. «Леди»!..
Перехожу на приём...

...Ну, и очень хорошо, что слышишь. Только ты потише — распугаешь гиппопотамов! Их тут штук тридцать в воде полощется. Жрут стебли тростника и лилии — пасутся. На берегу тоже есть. Валяются в грязи — загорают... Ну и туши... Мы идём мимо них к барже. Её пригнали перевозить в лагерь животных. Когда поймаем. А на палубе наш автобус «Рекс». На нем поедем в саванну... Катер Элиаса причален

к берегу. Возле него никого — все ушли... Фу, дьявол!.. Едва не свалился в воду... Понимаешь, перед самым носом вдруг выныривает гиппопотам. Вся морда в водяных лилиях, как на карнавале. Если бы Рам Чаран не успел отвернуть, наскочил бы... Вот это башка! По величине и форме, как ящик от здорового телевизора. Правда, Нкале? Она хочет высказаться. Послушай...

...Тькави, это я — Нкале. Знаешь, ноздри у него поднимаются над верхней губой, совсем как перископы. Это, чтобы он мог дышать, не выставляя из воды всю голову... Лоб — ямкой. Глаза — совсем, совсем далеко от носа — только чуть впереди ушей. А ушки маленькие и стоят торчком. От этого он ужасно смешной... А шеи нет — сразу туловище...

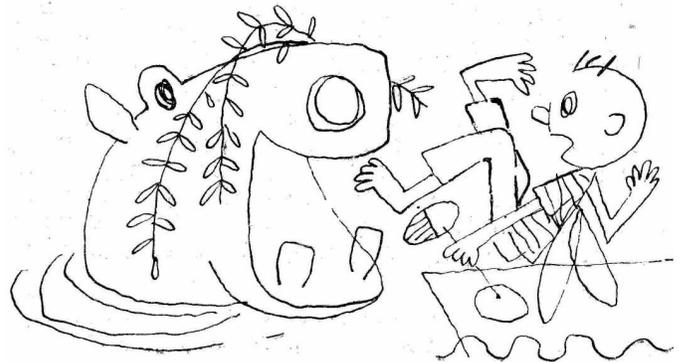
...Тькави, я взял у неё микрофон, послушай... Слышишь — ревёт? Это гиппопотам. Здорово ревёт, да?.. Пасть до ушей, будто ковш экскаватора. И ревёт... А клыки, представляешь, как городки во рту!.. Ха! Ха-ха!.. Вот даёт!..

Знаешь, почему я смеюсь? Он нырнул, а когда вынырнул, оказалось, что это самка и на ней верхом сидит маленький! Потому она и ревела, что испугалась за своего поросёнка... Заметь: чтобы нырнуть, зверь зажимает ноздри — они будто слипаются. А ушки опускаются и прихлопывают сверху слуховые отверстия. Техника!..

Что?.. Ага! Сеггридж говорит — самки всегда берут на спину своих детёнышей, когда им угрожает опасность.

Тькави!.. Этот детёныш как раз такой, как нам нужно! Сейчас я пальну в неё ампулой, Александр Петрович...

— ...Пожалуйста, положи ружьё, Каген... Если ты сейчас усыпишь мать, она пойдёт на дно и утонет, прежде чем успеет проснуться. Бегемоты — отличные пловцы, но они животные сухопутные и слишком долго остаются под водой не могут. Мы добудем детёныша позже, на берегу...

...Рам Чаран выключает мотор... Причаливает... Я выпрыгиваю. Берег очень топкий... Сейчас я привяжу цепь к бревну... Аг... ММММ...

ПРИМЕЧАНИЕ. Я никак не могу изобразить звуки, которые записаны дальше на этой магнитной ленте. Голос Кагена обрывается, слышен отчаянный крик Нкале, тревожные восклицания учёных, звон упавшей цепи, плеск, тяжёлое прерывистое дыхание, снова крик Нкале, пистолетные выстрелы, сопение, хлюпанье... А потом — почти полная тишина с каким-то зловещим урчанием и следующие один за другим глухие ритмичные удары: «Тум-бутум, тум-бутум, тум-бутум»...

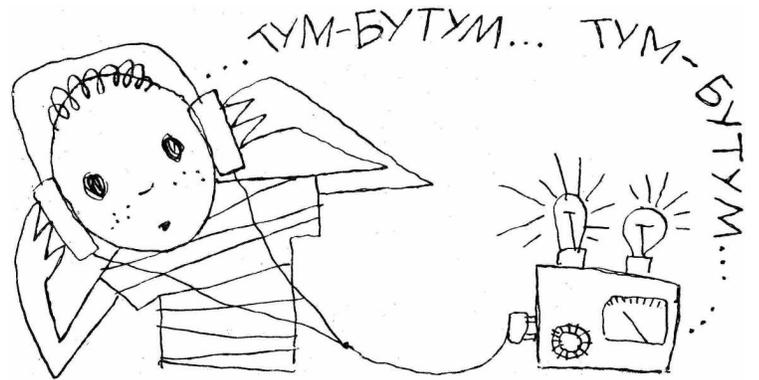
Не было никакого сомнения — случилось что-то непредвиденное.

Стараясь не поддаваться панике, я включил передатчик и начал вызывать «Льва». Никто мне не отвечал. Из динамика раздавалось только отвратительное урчание и загадочные ритмичные удары. Внезапно и они прекратились...

Я сидел перед приёмником, не зная, что делать. Но вот динамик вдруг снова ожил. Я услышал отрывистый свистящий звук, словно откуда-то выходил воздух, затем что-то начало булькать, и тут же возникли возбуждённые голоса людей. Я не мог разобрать слов — говорили все сразу — но узнал голоса Нкале, Академикова и Сеггриджа. Не было слышно только Кагена и Рам Чарана. Обо мне, очевидно, забыли...

— «Лев»!.. "Лев"!.. "Лев"!.. — настойчиво повторял я и переключал рацию на приём, наверно, три или четыре раза, прежде чем получил ответ. Ответил Каген. Воспроизвожу запись.

...Всё в порядке, Тькави... Маленькое происшествие... Просто я умывался. Ну, понимаешь, был очень грязный. Ты не выключал магнито-

фон? Всё записал?.. Приём... Молодец!.. Это же уникальная запись, единственная во всём мире!.. Как бы тебе объяснить... В общем, то оказалось не бревно, а крокодил. Метров четырёх в длину, представляешь? Я поздновато разглядел гада — он шёл уже на меня. И тут я поскользнулся в грязь. А он бежит на своих коротких кривых и челюстями клацает... Сеггридж из пистолета бьёт, ну это, как из рогатки. Шкура у него такая — пули тюкаются и отлетают. Стрелять ампулами совсем бесполезно — он же сперва съест меня перед тем, как заснуть. А я в иле по шею. Ни взлететь, ни подняться. Вот положение!.. Челюсти уже совсем рядом, пасть тухлой рыбой воняет, хуже нет. И из неё провод от микрофона... Ну да! Я когда поскользнулся, полетел в одну сторону, микрофон в другую... А он с ходу сглотнул... Непонятно только, как он провод не перекусил! Между зубами попал, наверно... Понимаешь теперь, какую мы сделали запись? Прямо из нутра крокодила, из желудка!.. Только спасло меня, конечно, не это. Меня М'Коло спас. Откуда он появился — не знаю. Вдруг появился и загнал своё копьё крокодилу в глаз, сантиметров на сорок... Вот человек!..

Тькави, это «Рекс» дудит. Пока мы будем грузиться, ты включи свою запись, интересно, что получилось?.. Перехожу на приём...

ПРИМЕЧАНИЕ. *Тум-бутум... Тум-бутум!.. Слышите? Это бухает крокодилье сердце. Буль-буль-буль... — в желудке бурчит!*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

которая посвящается охоте на львов и даёт обратительную характеристику гиенам

Воспроизводить подряд всю плёнку, которую перемотал магнитофон за три дня, пока я оставался в лагере, нет никакого смысла — её слишком много. Поэтому я просто перескажу то, что на ней записано.

Погрузившись в машину, учёные, Нкале и Каген двинулись в путь. М'Коло ехать не захотел. Он помахал на прощанье рукой и исчез в зарослях слоновой травы, высота которой в районе озера почти вдвое превосходила рост человека.

Было самое опасное время года — засушливый период подходил к концу. Именно в это время в саваннах разражаются самые страшные степные пожары, несущие гибель многим тысячам застигнутых огнём животных...

— Помните — ни костров, ни спичек, — строго предупредили учёные Нкале и Кагена, как только машина тронулась. — Достаточно самой ничтожной искры...

«Рекс» шёл напрямик по компасу. По принципу: «Кусты — на таран», как сказал Каген. Жёсткая сухая трава хлестала по ветровому стеклу и со звенящим скрежетом скользила по металлическому кузову маленького автобуса.

Академик сидел за рулём. Он был отличным водителем, но и от него такой способ передвижения требовал максимального внимания. Впереди ничего не было видно, в любой момент «Рекс» мог выехать прямо на рога разъярённого буйвола или ткнуться радиатором в морду льва.

Три или четыре километра, которые нужно было проехать, чтобы присоединится к сафари — каравану охотников, загонщиков и носильщиков, расположившемуся невдалеке от места, где предстояла первая охота, «Рекс» преодолел, примерно, за час.

Взобравшись на крышу автобуса, Элиас Кимараре, трое учёных, Нкале и Каген осмотрели местности. Направо начинались колючие заросли низкорослых кустарников, акаций и держидерева. Они напоминали невысокий, километра полтора в поперечнике, островок, темневший среди жёлтого

травяного моря. По другую сторону зарослей на фоне ярко-синего неба чернели лишённые листья раскидистые ветви огромного баобаба. Элиас Кимараре сказал, что разведчики выследили семейство львов, которое по ночам появляется вблизи этого дерева... В глубине зарослей по всем признакам должны были обитать носороги...

Теперь нужна была убитая антилопа. Львы охотно идут на эту приманку. Элиас Кимараре повернулся влево и указал на далёкие холмы, видневшиеся у горизонта.

— Там, — коротко сказал он. — Большое стадо...

Было решено, что добывать антилопу поедут Академик и Сеггридж, а остальные с небольшой группой охотников пойдут в обход кустарников к баобабу.

Спустившись на землю, Кимараре вручил Сеггриджу два ружья. Одно из них — то, что было поменьше, предназначалось для охоты на антилоп и зебр. Другое же — тяжёлое, крупнокалиберное ружьё — могло понадобиться при встрече с буйволом, слоном или носорогом. Дикое животное всегда начеку. В любой момент оно готово оборонять свою жизнь — у него нет времени раздумывать, зачем ты его тревожишь... Поэтому Элиас Кимараре, знавший Сеггриджа как великолепного стрелка, именно ему поручил охрану тех, кто будет вести киносъёмку, магнитофонные записи, охоту с ампулами и отъём детёнышей. В случае внезапного нападения он должен был сразу стрелять...

Спустя полчаса после отъезда «Рекса», маленький отряд, возглавляемый Элиасом Кимараре, уже подходил к окраине колючих зарослей.

До этого момента Каген рассказывал всё очень подробно. Но теперь, как раз, когда начиналось самое интересное, он вдруг решил, что пора замолчать: по его мнению, радиопередача могла вспугнуть обитателей кустарника и расстроить все планы. Правда, передатчика он не выключил. Но что толку?! Временами я различал осторожные шаги, сдержанное дыхание, невнятный шёпот... Порой — тихое восклицание или сухой треск сломанной ветки... Все эти звуки только сильнее подогревали моё любопытство и разжигали воображение... Но Каген был неумолим.

Хорошо, что снимки, сделанные Рам Чараном, помогают в какой-то мере восстановить картину дальнейших событий.

Вот они приблизились к зарослям, начинают обход. На кустах нет листьев — засушливый сезон.

Это Нкале знакомится с держи-деревом. Похожие на двойные рыболовные крючки шипы этого растения вцепились в её одежду. Юма и Рукиди выручают Нкале из плена.

Находка — нора гиены. Из неё Юма достал четырёх щенков.

Рукиди поднял с земли и раздавил пальцами сморщенный мягкий шарик. Из шарика вылетает облачко тончайшей пыли. Это споры, похожие на коричневую пудру семени высохшего гриба дождевика. По тому, в какую сторону улетучивается облачко, охотники определяют направление ветра...

Определить направление ветра понадобилось потому, что теперь отряд Элиаса Кимараре приближался уже к баобабу.

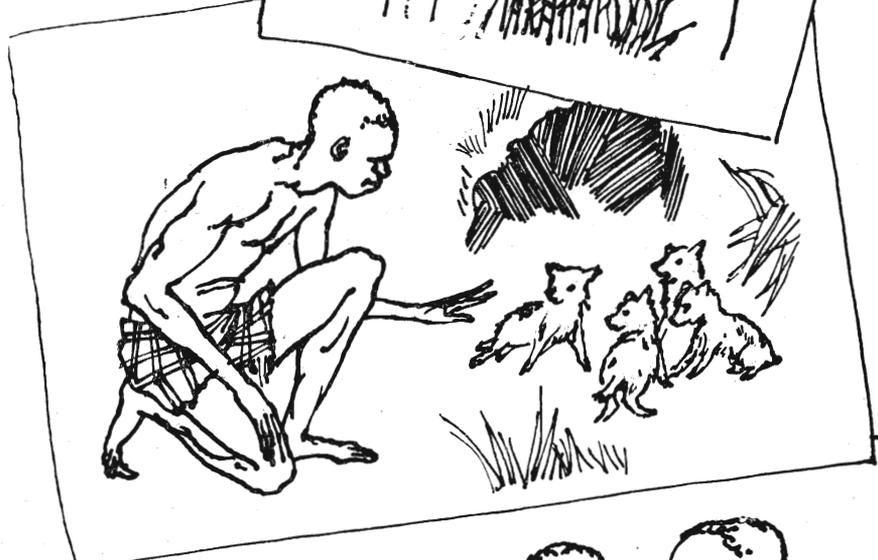
Где-то поблизости должны были находиться львы, и охотники не хотели прежде времени потревожить их. У большинства диких животных очень развито обоняние. Нос раньше всех других органов чувств предупреждает их об опасности. Вот почему охотник всегда должен знать, в какую сторону дует ветер, и подкрадываться так, чтобы зверь не почувал его по запаху. Ветер всегда должен дуть от зверя к охотнику, а не от охотника к зверю...

А на этом снимке вы видите их уже около баобаба.

Элиас Кимараре указывает Академикову, куда отвезти убитую антилопу.

Труп антилопы волочат по земле, чтобы львы легче напали на её след. Вблизи приманки маскируется микрофон для магнитофонной записи львиного пира.

Среди ветвей баобаба сооружается вишачий настил для удобства киносъёмки. Единственный в мире кинофильм «Львиная ночь» снят на специальную плёнку, чувствительную к инфракрасным лучам.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ
КИНОФИЛЬМ

Львиная ночь.

СНЯТЫЙ НА
СПЕЦИАЛЬНУЮ ПЛЁНКУ,
ЧУВСТВИТЕЛЬНУЮ
К ИНФРАКРАСНЫМ ЛУЧАМ

Стоп!.. Стол накрыт для нас!..

Приготовились...

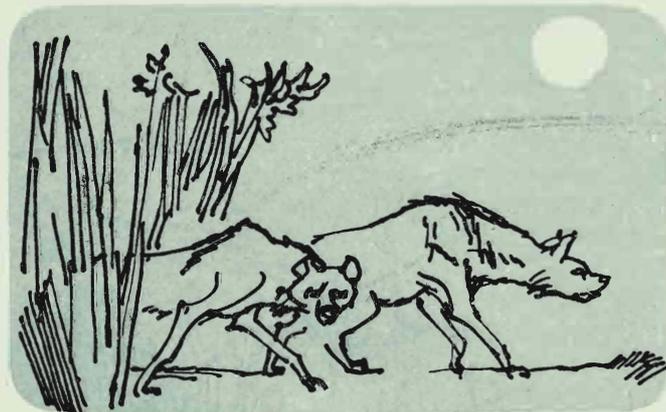
Когда лев рычит, кажется, что земля трясётся.

Восход луны...

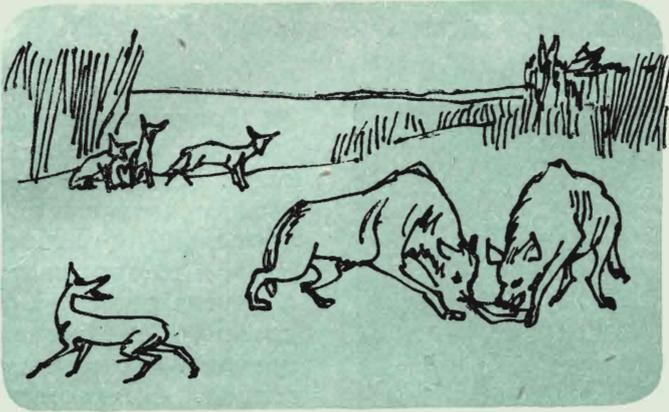
Ночной пир.

Появляются первые гости. Впереди гиены,
за ними шакалы.

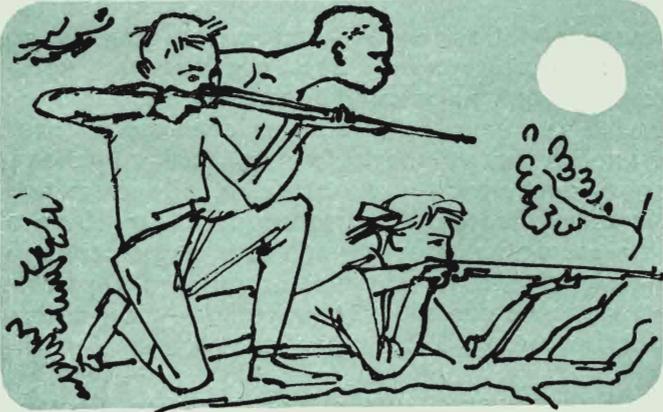
А это вам, блюдолизы...

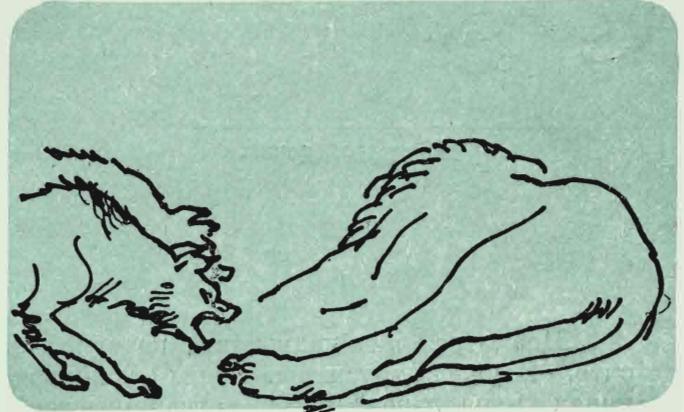
Мерси...

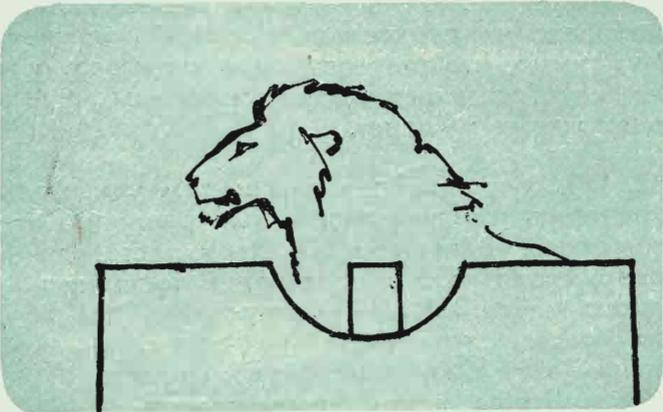
Спокойной ночи!..

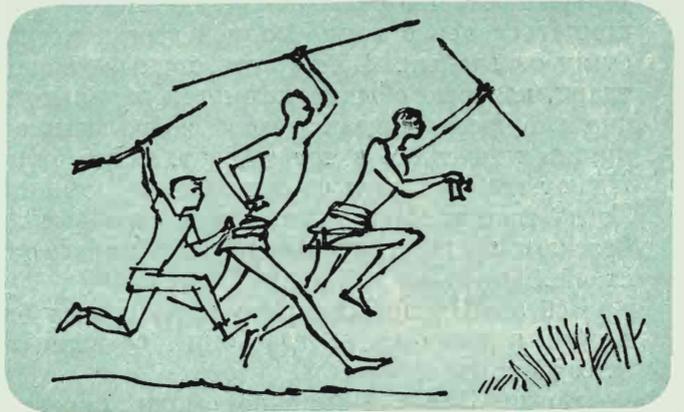
Пора!..

Чёрная неблагодарность! Трусливые гиены готовы растерзать беспомощных львов...

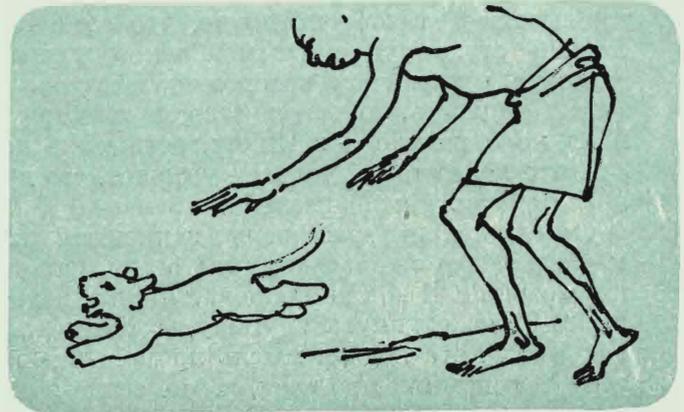
Лев на прицеле...

Скорей на выручку!..

Ампулы посланы...

Маленькие, а не ловятся!..

На другой день...

...Посмотрев эти кадры, вы, наверно, спросите: «Неужели трусливые гиены отваживаются нападать на львов?..» Да, отваживаются! Но только в том случае, когда лев совсем стар, болен или тяжело ранен. Опытные охотники утверждают, что ослабевший, не способный защищаться лев в конце концов всегда погибает от зубов гиены... А ещё эти подлые вонючие твари, которые обычно питаются падалью, специально выслеживают самок зебр, антилоп и других животных в тот момент, когда они рожают детёнышей и совершенно беспомощны... Тогда гиены вдруг становятся «храбрыми» и бросаются на несчастное животное целой стаей...

Всё это Элиас Кимараре рассказывал охотникам в автобусе, когда они возвращались к сафари.

Когда Элиас Кимараре смолк, переводивший его рассказ Рам Чаран задумчиво сказал:

— Поведение гиен настолько отвратительно, вызывает такое омерзение, что само слово «гиена» стало ругательным. Гиеной называют человека, в характере которого сочетаются трусость, подлость, предательство и лицемерие... А на моей родине — в Индии, есть даже поверие, что когда такой человек умирает, его душа переселяется в тело гиены!

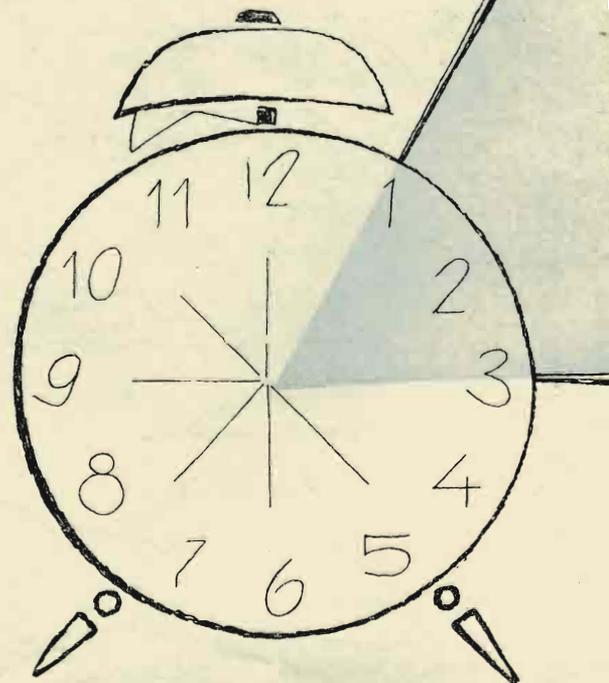
Я слушал эти разговоры, записывал их на магнитофон и с горечью думал о том, какой же я невезучий! В конце концов, думал я, ведь мог же М'Коло стукнуть не меня, а Кагена... Но, как только эта подлая мысль пришла мне в голову, я вспомнил про гиен, и мне стало ужасно стыдно...

30. Греческое слово «спора» означает — семя. Спорами называются семена водорослей, грибов, мхов, папоротников и других растений, у которых не бывает цветов... А ещё этим словом называют микробов и бактерий, когда они окружают себя плотной

защитной оболочкой — капсулой и как бы вообще перестают жить. Это происходит, когда условия для их жизни делаются невыносимыми. И так некоторые из них спасаются сотни, а иногда тысячи лет. Но чуть только условия опять сделаются подходящими, оболочка споры разрушается, и бактерия оживает. Некоторые микробы, превратившись в споры, способны переносить кипячение, а другие умудряются выживать даже в жидком гелии — при температуре минус 271,8 градуса.

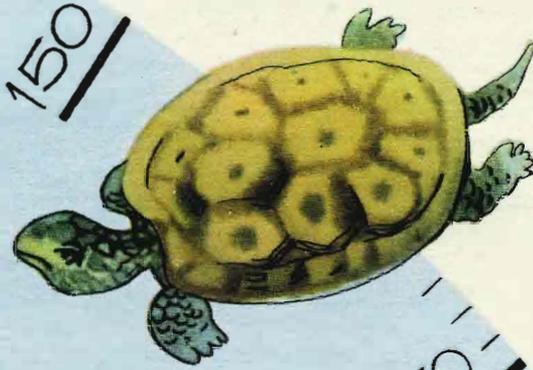
31. Большинство мух очень вредные. Они переносчики заразы. Но самая вредная муха, по моему, это це-це, которая живёт в тропической Африке. Жалая людей и животных, она заражает их смертельной сонной болезнью. Интересно, что эта муха не откладывает яички, как большинство других насекомых, а рождает живых мушнат.

32. Чем хуже условия жизни, тем удивительнее приспособляются к ним растения и животные. В пустыне Калахари растёт дерево, ствол которого имеет в толщину около метра, а в длину метров 20. Только растёт этот ствол не вверх, а вниз — в глубину земли, туда, где есть влага. Чтобы найти такое дерево, нужно подъехать к нему вплотную. Потому что снаружи, на поверх-

КТО СКОЛЬКО ЖИВЁТ?

ГИГАНТСКАЯ ЧЕРЕПАХА — 100—150

КРОКОДИЛ — 50—60

ПОПУГАЙ, ВОРОН — 70—140

СЛОН, ГРИФ — 70—120

ГУСЬ, КАРП, БЕЛУГА, СОКОЛ, ОРЁЛ, ГИГАНТСКАЯ ТРИДАКНА — 40—80

ГИГАНТСКАЯ САЛАМАНДРА — 70

ЩУКА — 70—80

ЛЕБЕДЬ — 50

ПАВЛИН, МЕДВЕДЬ, КИТ, БЕГЕМОТ, НОСОРОГ, БОБР, ТИГР, ОСЁЛ — 40—50

ГОРИЛЛА, ШИМПАНЗЕ, ОРАНГУТАНГ, ЛОШАДЬ — 35—40

ТЮЛЕНЬ, УЖ, КОРОВА, КУРИЦА, ГОЛУБЬ — 20—30

РЫСЬ, ЛОСЬ, ОЛЕНЬ, КРАБ, РАК, ЛЯГУШКА — 20

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, СОБАКА, КОШКА, КАНАРЕЙКА, СКВОРЕЦ, ПИЯВКА — 15—20

ВОЛК, ЛИСА, ОВЦА, СОБОЛЬ, ПАУК-ПТИЦЕЕД — 10—15

ЛЕ
ВЕРБЛЮ,
ЧАЙК
СТРАУ
— 30,

ности песка, видно только несколько расползающихся в стороны листьев, похожих на высушенные щупальца осьминога. Так это дерево и называли — осьминог пустыни. Это очень древнее и редкое растение, которое не встречается больше нигде в мире.

33. Учёные доказали, что нормально человек должен умирать от старости приблизительно в 150 лет. Некоторые люди так и живут. Но большинство всё-таки умирает раньше — примерно, в 70. А те, которые много едят и мало работают, не доживают и до этого. Но почему вообще наступает старость, ещё не известно. И выяснить это очень трудно. Потому что никакой связи между долголетием разных животных, их видом и образом жизни установить не удаётся.

34. В Австралии растёт дерево макрозамия, которое похоже на пальму. Это самое древнее растение на Земле. Учёные считают, что среди австралийских макрозамий встречаются деревья, прожившие 12 или даже 15 тысяч лет. Но мексиканский кипарис тоже может похвастать: его рекорд — 10 000. До пяти тысяч лет доживают африканский баобаб и североамериканская секвойя. Немногим отстаёт от них тис, который растёт у нас на Кавказе, — 3000. Рекорд дуба и можжевельника — 2000. Самшит, ель, пихта и сосна могут перевалить за тысячу. А липа доживает только до 500. Груша, вишня, черешня, шиповник, черника дотягивают до трёхсот лет. 100 лет — нормальный возраст берёзы.

БЕЛК.
ЗАЯК
ДОЖДЕВО
ЧЕРЕ

ДАВИД ЛИВИНГСТОН (1813—1873)

35. Ливингстон был сыном одного шотландского бедняка. В десять лет его послали работать на ткацкую фабрику. А работали тогда по 14 часов в день — что взрослые, что дети — безразлично.

После работы мальчишка шёл на занятия, а по ночам готовил уроки и читал книги. Никто его к этому не принуждал — он сам хотел. Вот какой это был волевой человек. Может быть, единственный на всю Англию!..

Через семнадцать лет такой жизни Ливингстон получил диплом врача и решил уехать в колонию. Он считал, что принесёт там больше пользы. Только денег на дорогу у него не было. И потому он согласился стать колониальным священником — миссионером. Таких священников посылали за счёт церкви обращать язычников в христианскую веру. А Ливингстон, представьте себе, верил в бога. Тогда многие верили. Так что никакого противоречия в том, что он согласился, нет...

Когда Ливингстон прибыл со своей командировкой в Южную Африку, он пересёк пустыню Калахари и поселился один-одинёшенек в маленькой негритянской деревне, на краю джунглей. Негры сразу полюбили этого приветливого человека. Он выучил их язык, построил школу, начал учить детей, лечить больных и помогать жителям деревни в разных работах... А что касается христианства, то никого он не принуждал и не навязывался со своей верой, как другие миссионеры.

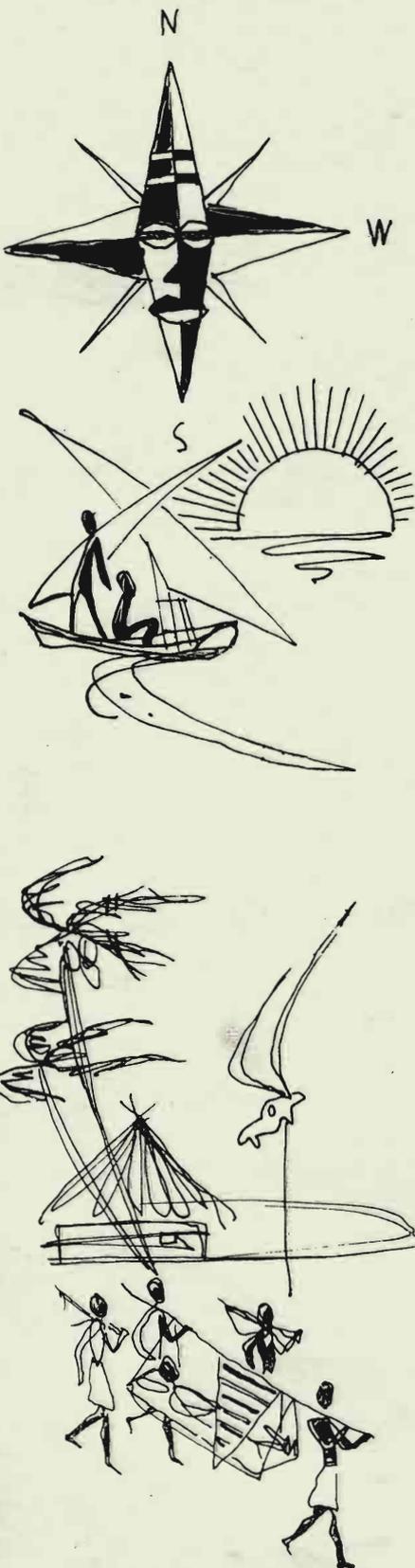
Такое необыкновенное поведение Ливингстона очень не нравилось белым африканским колонизаторам. Они считали, что он подрывает их авторитет. Особенно бесились голландские переселенцы-буры, которые имели чёрных рабов. И они сговорились убить этого «ненормального» миссионера. Спасло его только то, что когда их банда напала на его дом, Ливингстона там не оказалось. Как раз в это время он ушёл в экспедицию исследовать реку Замбези... Но хижину рабовладельцы сожгли. Думали — запугают...

Однако Ливингстон не испугался. Когда он ставил себе какую-то цель, он шёл к ней, чего бы ему это ни стоило. А цель его была благородной. Он хотел установить мир между враждовавшими негритянскими племенами, уничтожить работорговлю, построить больницы и школы, проложить в джунглях дороги, чтобы африканцы могли выгодно торговать с европейцами... К сожалению, он сам не понимал, что все его труды и географические исследования прокладывают дорогу колонизаторам в глубь Африки...

Почти тридцать лет жизни отдал Ливингстон исследованиям Южной и Центральной Африки. Он тонул во время разливов рек, увязал в непролазных болотах, много раз находился на краю гибели от голода и жажды... Раненый лев искалечил ему левую руку, разъярённый буйвол чуть было не поднял на рога, свирепый носорог гнал по пятам, ядовитая змея оплелась однажды вокруг босой ноги путешественника, арабские и португальские работорговцы сжили бы его со света, если бы не помощь негритянских друзей...

Изнурённый тропической лихорадкой, большой дизентерией, с незаживающими язвами на ногах, Ливингстон упорно продолжал свои исследования. Когда он не мог идти сам, его несли на носилках.

Однажды о нём больше года не было никаких известий. Американский журналист Стенли с огромным трудом разыскал его, совсем больного, в лесных дебрях на берегу озера Танганьики. Стенли попытался уговорить Ливингстона вернуться в Англию. Но Ливингстон отказался. Он передал Стенли свои коллекции, карты, дневники и письма, а сам пошёл дальше — мимо озера Бангвеоло к берегам реки Луалабы. Ему хотелось открыть истоки Нила...

Это была его последняя экспедиция... Прославленный исследователь, настоящий Король Путешественников — Ливингстон умер в пути... А похоронен он в Англии. Об этом позаботились его преданные друзья — африканцы Сузи и Чума, которые с риском для собственной жизни вынесли из глубины лесов завёрнутое в листья и парусину мёртвое тело Ливингстона...

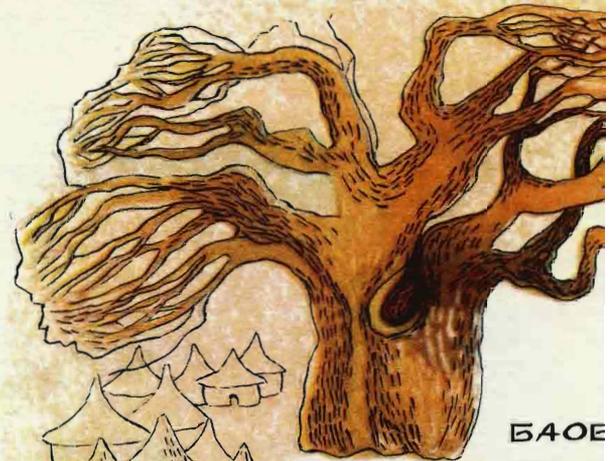
36. Смотрели фильм. Там один дикий слон убивает людей. А когда этого слона самого убили, нашли у него в шее заржавленный наконечник копья. Он всё время причинял животному нестерпимую боль, и потому слон стал бешеным. А обычно слоны не нападают на людей... Львы и тигры становятся людоедами, когда они кем-нибудь покалечены. Тогда у них уже нет ловкости и силы охотиться на других зверей, и они начинают нападать на безоружного человека. Чаще всего на детей и женщин. А вот леопард может стать людоедом и без всякого повода — у него страсть к убийству.

37. Знаменитый африканский охотник Хантер рассказывает, что раньше африканские слоны обитали на открытых местах и совершенно не боялись человека. Но с тех пор, как их начали истреблять, они многому научились. С открытых мест они перешли в заросли кустарников и теперь «больше смыслят в ружьях, чем некоторые охотники». А ещё он пишет, что наблюдал у слонов удивительную дружбу. Старый и молодой слон покидают стадо и уходят жить в заросли, как два товарища. Острое чутьё и сила молодого слона помогает старому избегать опасностей. А опытность старого передаётся молодому.

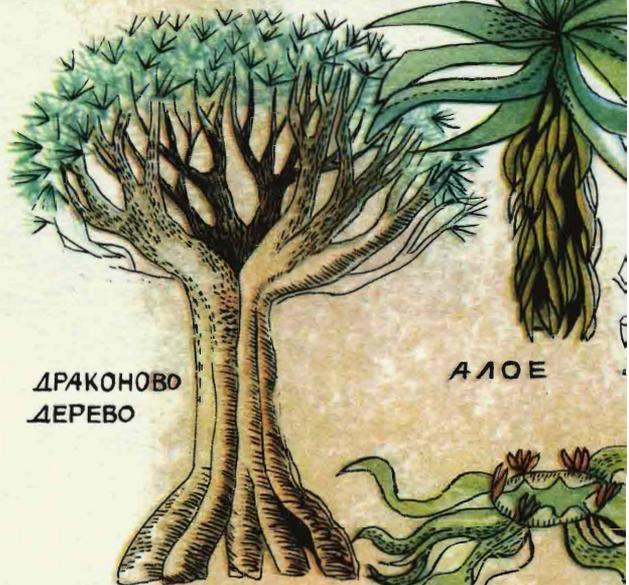
38. Опытные охотники определяют момент, когда лев бросится на свою жертву, по кисточке на кончике его хвоста. Перед прыжком эта кисточка трижды вздрагивает. В тот момент, как она вздрогнула в третий раз, — лев совершает прыжок.

39. Среди ядовитых африканских змей самая страшная, наверно, чёрно-зелёная «кобра», которая плюётся ядом. Откинув голову назад, она как из шприца пускает из своих клыков две длинные тонкие струи в глаза жертве. Змея прицеливается мгновенно и плюёт без промаха на расстоянии до трёх метров. Если яд попадёт в глаза — человек слепнет. Если в царапину или ранку — умирает.

40. Лесные охотники племени вакамба из джунглей Восточной Африки отравляют наконечники своих стрел специальным ядом. Они варят его из коры дерева «мричу». У этого дерева очень красивые пурпурные цветы, в которых собирается много влаги. А на земле под ним всегда валяются дохлые пчёлы и птички, которые попили из этих цветов... Варёво смешивают со змеиным ядом и растёртыми ядовитыми пауками. Когда эта жуткая смесь готова, охотник надрезает себе кожу на плече и даёт струйке крови стечь вниз до самой кисти. Тут он прикасается к концу струйки отравленным наконечником стрелы. От действия яда, кровь вдоль струйки немедленно начинает чернеть и свёртываться. Эта чернота поднимается снизу вверх, как ртуть в термометре. Так охотник проверяет силу зелья. Нужно только не зазеваться и стереть кровь с руки, прежде чем яд доберётся до ранки...

БАОБ

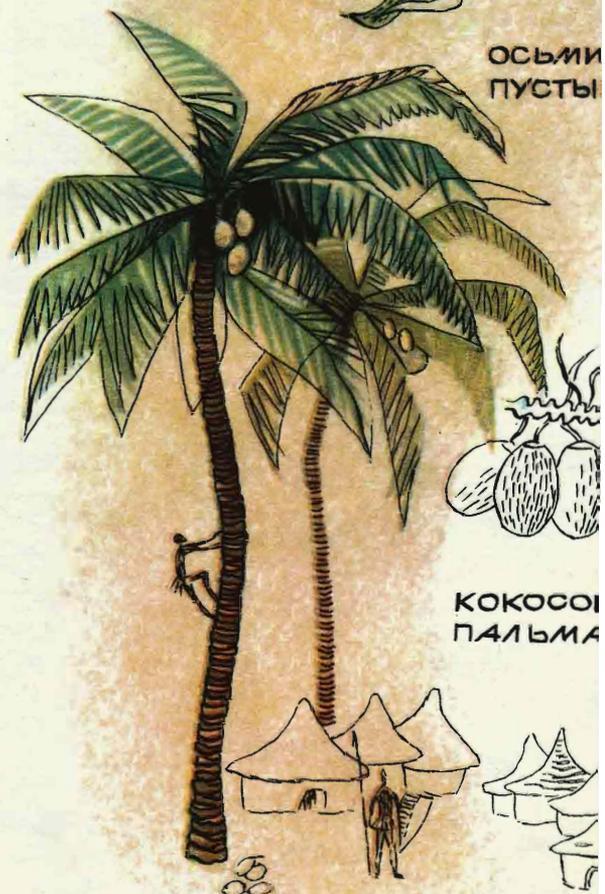

ДРАКОНОВО
ДЕРЕВО

АЛОЕ

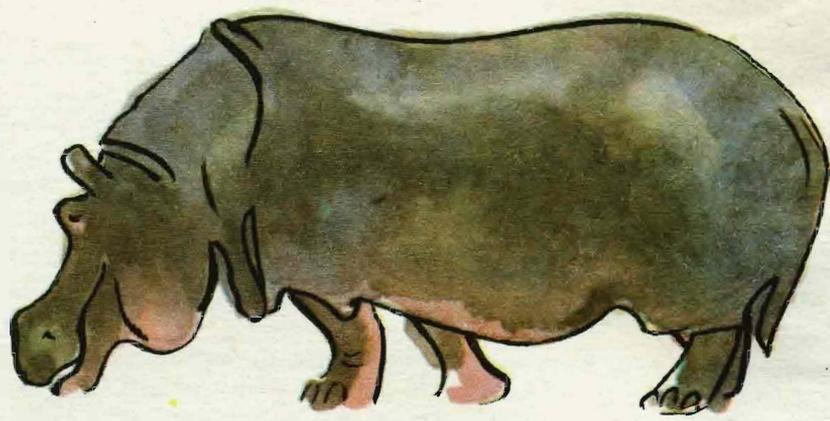
ОСЬМИ
ПУСТЫ

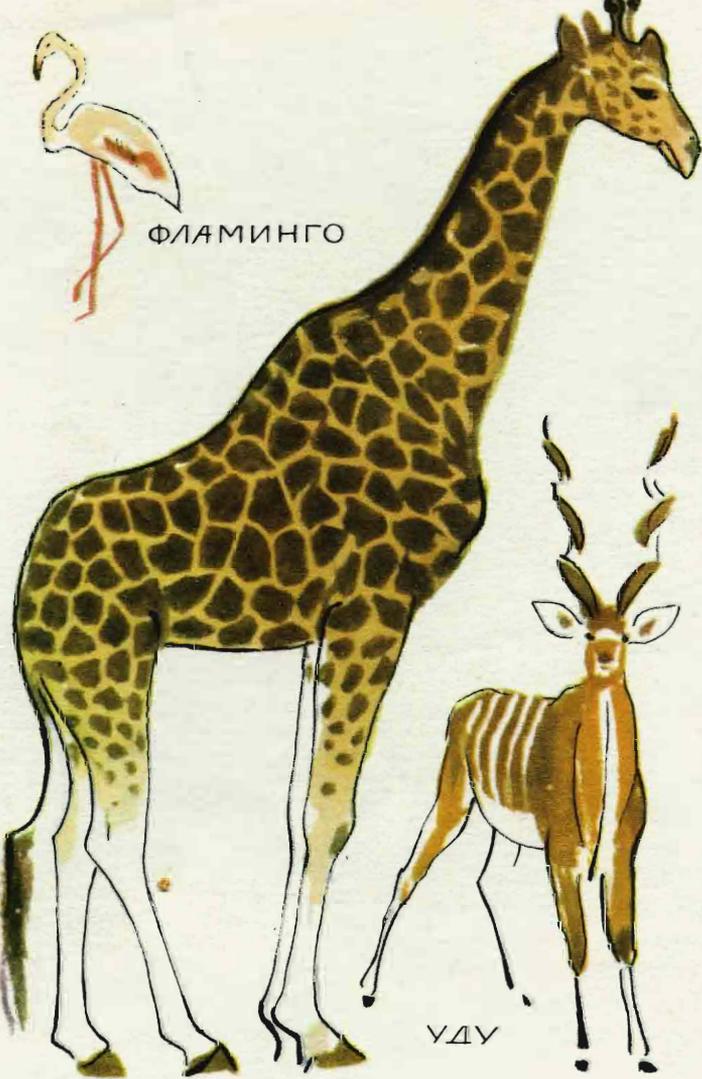
КОКОСО
ПАЛЬМА

ФЛАМИНГО

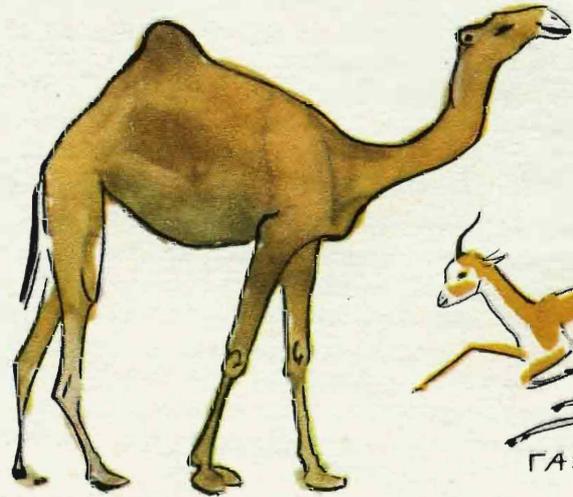
БЕГЕМОТ

ЖИРАФ

УДУ

ОДНОГОРБЫЙ
ВЕРБЛЮД

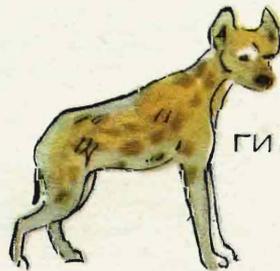
ГАЗЕЛЬ

ГИЕНОВАЯ
СОБАКА

ГНУ

ГИЕНА

МАРАБУ

ДВУРОГИЙ
НОСОРОГ

ОРЁЛ - КРИКУН

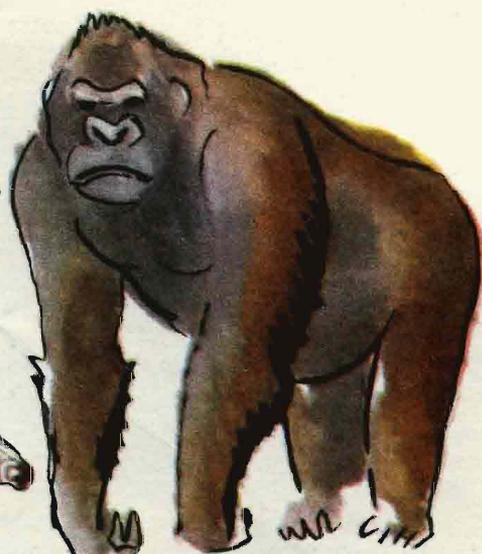
ЗВЕРИ И ПТИЦЫ АФРИКИ

БАБУИИ

СТРАУС

ГОРИЛЛА

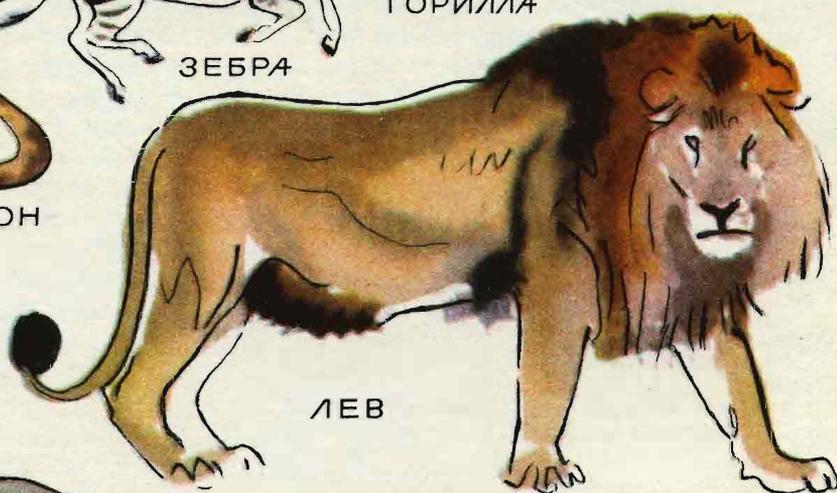
ЧЁРНЫЙ
БУЙВОЛ

ЗЕБРА

ПИТОН

ЛЕВ

ЛЕМУР

БОРОДАВОЧНИК

ЛЕОПАРД

КРОКОДИЛ

АФРИКАНСКИЙ СЛОН

АФРИКАНСКАЯ
КОБРА

ЧТА 2 КОП

41. НИКОЛАЙ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ (1839—1888)

В Москве на улице Герцена есть Зоологический музей. Туда всех пускают. Там выставлены скелеты и чучела разных животных нашей планеты. И, между прочим, чучело лошади Пржевальского. Но это не та лошадь, на которой ездил путешественник. Это — дикая лошадь. На ней вообще нельзя ездить. Водится она только в пустыне Гоби, у подножья Тянь-Шаньских гор.

Там-то её увидел и впервые с точностью описал Пржевальский. За это её и назвали по его фамилии. А ещё по его фамилии названы горный хребет на севере Тибета, город в Киргизии, ледник в горах Алтая и разные другие места, животные и растения. Он это заслужил своими путешествиями, географическими исследованиями и открытиями.

Пржевальский с детства любил природу. Он рос закалённый и сильный. Умел находить дорогу в лесу, выслеживать зверей, разжигать костры под дождём, спать на голой земле... В двенадцать лет у него уже было собственное ружьё. И он убил из него лисицу. И если подбитая им утка падала в озеро, он, не задумываясь, раздевался и лез за ней в ледяную воду...

Когда он кончил школу, на юге России шла Крымская война. И Пржевальский записался добровольцем в армию, чтобы защищать русскую землю. Однако война окончилась раньше, чем он попал на фронт. И тогда он поступил в Военную Академию. Другие, которые там учились, мечтали командовать солдатами. А Пржевальский хотел совершать научные экспедиции в неисследованные места земного шара, которые на географических картах обозначаются белым пятном. Такие места называются «терра инкогнита» — неведомая земля.

Но после окончания Академии прошло несколько лет скучной службы, прежде чем он смог, наконец, отправиться в свою первую научную экспедицию — на Дальний Восток, к берегам реки Усури.

Уссурийский край, хотя и не обозначался уже белым пятном на карте, всё ещё оставался совершенно диким, почти не исследованным. Путешествие было трудным. Обложные дожди, разливы рек, таёжные пожары — палы, перестрелки с хунхузами — шайками бандитов, пришедшими из Китая, — всё пришлось испытать. Целый год Пржевальский прожил в Уссурийской тайге, проводя перепись населения, уточняя географические карты, собирая коллекции животных и растений... Отчёт об этой экспедиции получился таким интересным, что его передавали из рук в руки...

Теперь Пржевальский мечтал отправиться в новую, давно задуманную им экспедицию — исследовать горы и пустыни Центральной Азии. Вот где была настоящая «терра инкогнита», огромная таинственная область, в которую не проникал ещё ни один европейский путешественник!.. Однако военное начальство Пржевальского не торопилось. Оно велело ему ждать решения в Николаевске-на-Амуре. В этом грязном маленьком городке офицеры сходили с ума от скуки. Пьянствовали, хулиганили, дулись в карты. Такая гнусная жизнь была противна Пржевальскому. Но что он мог сделать? И хотя напиваться с другими офицерами он не стал, но от тоски и злости согласился играть с ними в карты. И тут ему необыкновенно повезло. За одну зиму он выиграл 12 000 рублей. Теперь у него были свои деньги для продолжения путешествий.

— Я выиграл себе свободу! — решил Пржевальский, кидая карты в Амур, по которому шёл весенний лёд.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой со слов Кагена рассказывается, как происходила охота на носорогов, и делается не вполне понятный намёк на последующие события, связанные с потерей очков

Дожди, не прекращавшиеся в горах, вынуждали Элиаса Кимараре торопиться. Угроза наводнения возрастала. Поэтому, когда на рассвете следующего дня в их лагере вновь появился М'Коло и сообщил, что в одном месте к озеру подошли слоны,— девять взрослых и трое маленьких,— Элиас очень обрадовался. Он тут же разделил свой отряд на две группы. Одна, во главе с Сеггриджем и М'Коло, должна была отправиться за слонами. Носорогов начальник отряда решил взять на себя... Но тут возникло затруднение: Нкале и Каген никак не могли договориться, кто с кем пойдёт. Обоим хотелось невозможного — одновременно быть и там, и там...

— А кто опаснее? — спросила Нкале.

— Слоны! — уверенно сказал Сеггридж.

— Носороги! — ещё увереннее заявил Рам Чаран.

Элиас Кимараре выразительно поглядывал на часы. Солнце поднималось всё выше. Пора было отправляться, а Нкале и Каген всё ещё совещались. Слоны или носороги?.. Носороги или слоны?..

В конце концов, дело решил Академик. Он сказал:

— Вот вам два слова — «стрела» и «пуля». Отойдите в сторонку и условьтесь, кому какое. А потом пусть коллега Сеггридж сделает выбор. Быстро! Другого выхода нет...

Сеггридж выбрал «стрелу», и Нкале осталась в его группе. А Каген со своей рацией отошёл к Элиасу.

Вот почему в этой главе я буду описывать охоту на носорогов.

Согласно систематике носороги, как это не странно, принадлежат к тому же отряду класса млекопитающих, что и лошади. Этот отряд называется непарнокопытными. Но, конечно, для обыкновенного наблюдателя это не имеет никакого значения. Носорог есть носорог, Ни с какой лошадейю его не спутаешь!..

Огромный свирепый зверь, почти в две тонны весом, покрыт толстой, как панцирь, шкурой, Интересно, что у африканских носорогов

шкура сплошная, а у азиатских она напоминает несколько соединённых между собою кожаных боевых щитов... Но главное, чем отличается африканский носорог, это то, что у него на морде целых два рога, расположенных один позади другого. А у его азиатского собрата рог только один...

Эту маленькую лекцию профессор Академик прочитал по дороге к кустарникам, пока ещё можно было разговаривать. В свою очередь Элиас Кимараре попросил его предупредить Кагена, что во время охоты на носорогов следует соблюдать особенную осторожность. Зверь, правда, плоховато видит, но зато обладает удивительно чутким слухом и обонянием, Кроме того, у него есть очень бдительный союзник — маленькие птички-клеещеды, которые обычно разгуливают по спине носорога и выклеивают кровососных клещей, забирающихся в глубокие складки кожи за ушами и на шее животного. Как правило, эти птички первые поднимают тревогу и предупреждают носорога о приближении врага...

К этому Александр Петрович счёл необходимым добавить, что такое содружество очень распространено в природе среди различных животных и называется симбиозом, что в переводе означает сожитие, а проще говоря, взаимопомощь.

Дальше дело происходило так. Оставив несколько человек с собаками неподалёку от края зарослей и определив уже известным вам способом направление ветра, Элиас Кимараре начал пробираться сквозь кустарник. В двух шагах за ним следовал Секулету. У обоих в руках были крупнокалиберные нарезные ружья. За Секулету шёл Академик с киноаппаратом, а чуть позади него — Каген, вооружённый бесшумным ампульным ружьём. Такие же ружья были у Эдодо и Чуи, державшихся сзади Кагена. Шимба с нарезной крупнокалиберкой был замыкающим. Он должен был страховать охотников от внезапного нападения сзади.

Проход, или туннель, по которому они углублялись в заросли, был проложен носорогами, толстая кожа которых защищает их от любых колючек. Идти нужно было согнувшись — колючие ветки кустарника смыкались на высоте груди, больно впивались в тело и могли запросто выколоть глаз неосторожному охотнику, Элиас и Секулету бесшумно продвигались вперёд. Они пристально вглядывались в землю и часто останавливались, чтобы прислушаться. Вместе с ними замирали все остальные. К тому времени, когда они достигли конца туннеля, приведшего их к небольшой поляне, где кусты редели, уступая место высокой траве и несколькими одиноко растущим зонтиковидным

акациям, их руки были уже сплошь покрыты кровотокающими царапинами. Было невероятно жарко. Глаза застилал липкий, струящийся со лба пот... Не выходя из туннеля, охотники остановились. Элиас взглядом указал на противоположную сторону поляны. В полной тишине оттуда доносился какой-то негромкий хруст... Присмотревшись, они заметили, что кусты там неестественно вздрагивают и тормозятся. Больше ничего видно не было. Минута проходила за минутой, а животное не показывалось. Перехватив недоумевающий взгляд Кагена, Секулету выразительно пошевелил челюстями. Каген понял — носорог пережёвывал ветки, и они хрустели у него в зубах... Время тянулось нестерпимо медленно. Но вот, наконец, кустарник раздвинулся, и перед ними предстало одно из самых причудливых существ планеты... Элиас и Секулету бесшумно расступились в стороны, чтобы Академиком мог снимать...

Громоздкое, неуклюжее на вид животное казалось выгесанным из серой гранитной глыбы. Выйдя из кустов, оно замерло, приподняв удлинённую, похожую на таран морду, увенчанную на носу страшным, загнутым назад рогом. Второй рог — поменьше, находился почти у глаз. Маленькие свиные глазки подслеповато щурились, а торчащие вверх уши поворачивались в разные стороны, как антенны радара, независимо одно от другого. Был даже момент, когда левое ухо носорог направил вперед, а правое назад...

Киноаппарат в руках Александра Петровича работал так тихо, что даже Каген, стоявший рядом, не мог уловить ни звука.

Не заметив ничего подозрительного, носорог опустил голову и издал ласковый хрюкающий звук, в ответ на который из зарослей выбежал детёныш, величиною, как определил Каген, «чуть поменьше тульского мотороллера»... Он тут же принялся сосать свою маму.

Это был самый подходящий момент для Кагена. Прицелившись в шею животного, он послал ампулу. Носорог дёрнул ухом — наверно, подумал, что в кожу ему впился клещ...

Академиком продолжал снимать. Каген отсчитывал секунды. Когда он дошёл до сорока, ноги животного подогнулись, и оно грузно легло на брюхо, чуть не раздавив детёныша. Охотники устремились вперёд.

Добежав до уснувшей самки, они увидели смешную картину. Глупый детёныш тыкал рогом в бок матери, приглашая её немедленно встать и дать ему дообедать... Однако взять его оказалось не так-то просто. Яростно хрюкая, он бесстрашно бросался на охотников, сбил с ног Эдодо, разорвал Кагену штанину и, наконец, помчался прямо на Академикова, который ни

на миг не прекращал съёмку... Только тут, когда учёный уже чуть было не взлетел на воздух, Шимба и: Чуи умудрились, наконец, набросить на зверёныша сеть и скрутить ему ноги...

— Замечательные, неповторимые кадры! — с восторгом восклицал Академиком, перезаряжая аппарат, в то время как четверо вызванных ракетой носильщиков, кряхтя от усилий, уносили трофей. — Теперь необходимо добыть второго...

Было уже около двух часов, когда охотники снова обнаружили то, что им было нужно. Судя по следам, эта самка с детёнышем была даже больше первой. Жара, очевидно, разморила животных, и они спали, забравшись в глубину колочих зарослей. Густые кусты и высокая трава почти полностью скрывали огромную тушу, так что нельзя было даже определить, где у неё

зад, где перёд. Но зато хорошо были видны маленькие тёмные птички, неторопливо расхаживавшие туда-сюда по неподвижной, словно окаменевшей, спине. Это были те самые клещееды, о которых Элиас предупреждал Кагена. Александр Петрович снял птичек и опустил аппарат. Теперь оставалось только запастись терпением и ждать, пока носороги проснутся...

Каген мне потом говорил, что он терпеливо ждал. Он утверждал, что по птичкам точно определил, где была шея, и послал ампулу, хорошо прицелившись. Но я подозреваю, что всё-таки это была не шея... Иначе, почему бы игла вонзилась носорогу в зад? Каген говорит, что это произошло только потому, что как раз в этот момент носорог повернулся. Честно говоря, я сомневаюсь...

Так или иначе, выстрел был сделан. Свист ампулы и негромкий щелчок ружья встревожили клещеедов. С пронзительным криком «чуррр-чуррр», они поднялись над кустами. В то же мгновение носорог выскочил из зарослей. Красная ампула была хорошо заметна — она торчала у него сзади у самого основания задранного вверх хвоста. Когда носорог задирает хвост, это значит одно — берегись! И тут бы Кагену следовало замереть. А он не выдержал. Неудачный выстрел его так расстроил, что еле слышное проклятье сорвалось у него с языка. Этого было совершенно достаточно. Словно выпущенный из пушки снаряд, громадный зверь рванулся на своих обидчиков... Даже если бы ампула вонзилась ему в шею, и то усыпляющая жидкость не успела бы за эти секунды раствориться у него в крови и достичь мозговых центров. Теперь же было вообще неизвестно — подействует снотворное или нет... Стрелять второй ампулой, вы сами понимаете, не имело никакого смысла. А Элиас и Секулету со своими крупнокалиберками не могли ничего сделать — вылезший вперёд Каген маячил на одной линии с носорогом, и пуля неминуемо снесла бы ему череп...

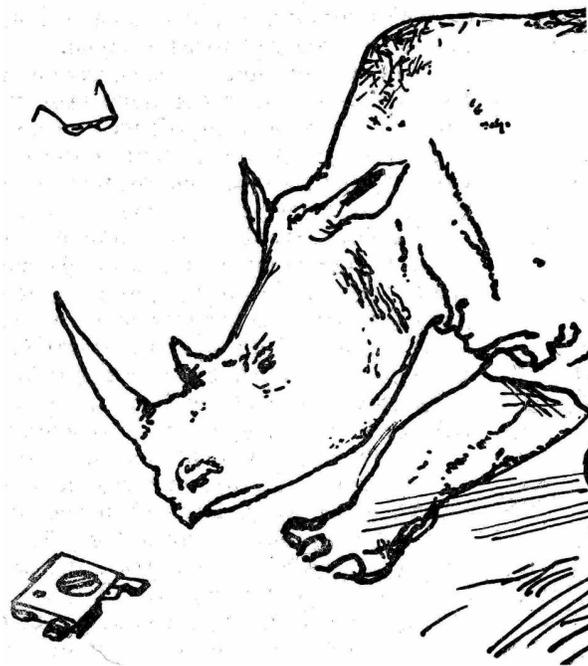
На всё, что здесь рассказано, потребовалось не более десяти секунд. В самый последний момент Академик попытался прикрыть Кагена своим телом. Мощный толчок отбросил обоих в глубину колючего кустарника — видимо, носорог задел их только плечом или боком и по инерции проскочил вперёд. Теперь он остервенело топтал киноаппарат, расшвыривая сверкающие на солнце детали и путаясь в вывалившейся из кассет плёнке. Наверно, он думал, что выпускает кишки своему врагу... Почти одновременно прогремело два выстрела. Носорог перевернулся и зарылся рогом в траву...

Хорошо, что они не поторопились подойти к нему. В следующее мгновение раненое животное вскочило на ноги, завертелось на месте и вдруг ринулось в сторону от охотников. Почему носорог не бросился на них? Ведь известно, что раненый носорог никогда не спасается бегством. Ответ мог быть только один — пуля повредила ему зрительный центр, и он ослеп... Прежде, чем кто-либо успел выстрелить снова, носорог исчез в зарослях.

Истерзанные колючками охотники выбрались из кустов. Вся их одежда висела ключьями. Академик потерял очки. Неповторимые кадры охоты на носорога безвозвратно погибли... И, что самое главное, неизвестно было, где скрывается маленький носорог и куда ушёл раненый.

Элиас Кимараре пустил в небо красную двойную ракету. Это было сигналом, чтобы привели собак.

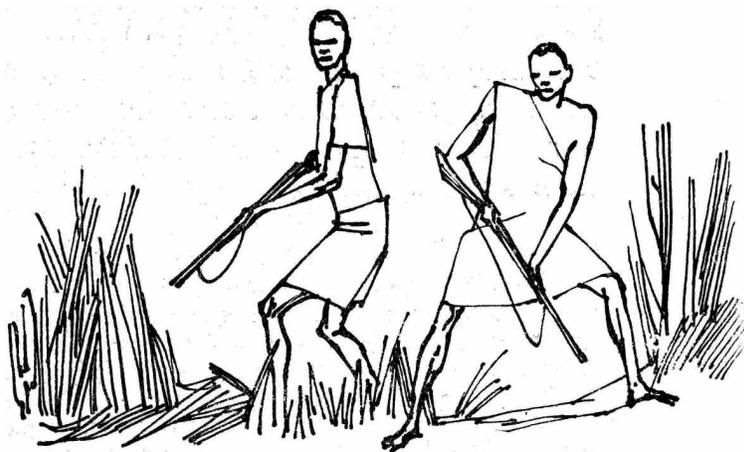
Ни один уважающий себя охотник не возвратится в лагерь, пока раненый зверь не будет добит. Нельзя обрекать несчастное животное на медленную, мучительную смерть от ран, нельзя, чтобы оно оставалось жить, не имея сил защищать себя от опасностей, добывать пищу, кормить детёнышей. Это — закон законов!.. Нарушить его может только негодяй и подлец, которого и близко нельзя подпускать к охоте.

Пока не было собак, они принялись приводить себя в порядок. Самым трудным делом было вытащить из Академикова и Кагена бесчисленные колючки, истыкавшие обоих героев с головы до ног. Когда колючки были извлечены, все царапины и ранки вымазаны зеленкой, а самые крупные залеплены пластырем, принялись искать очки. Однако на открытом месте их нигде не было видно, а лезть особенно далеко в кусты, никому не хотелось.

— Всё равно они, наверно, разбились, — сказал Александр Петрович, доставая из кармана запасную пару, которую предусмотрительно хранил в металлическом футляре. — Наплевать и забыть!..

Доставленные на место происшествия собаки, легко взяли след раненого зверя. Через несколько минут по звуку деревянных колокольчиков, охотники разыскали свору, окружившую беглеца. Элиас Кимараре добил его с одного выстрела... Теперь, можно было со спокойной совестью пускаться на розыски малыша. Он забрался в такие колючки, что когда собаки выгнали его, наконец, на полянку, на них жалко было смотреть — так они были исцарапаны. Зверёныша тут же накрыли сетью...

Поздно вечером, сидя у костра и обмениваясь впечатлениями с успешными уже возвратиться охотниками на слонов, никто даже не вспомнил о пропавших очках... Никому и в голову не могло прийти, при каких трагических обстоятельствах эти стёклышки ещё о себе напомнят..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой речь идёт обо мне, о слонах, о Леди и львином рыке, о грифах и опять об очках. Затем начинается...

Наступил третий и последний день моего лечения. После полудня за мною должен был прилететь вертолёт, чтобы перебросить меня к Дальним Холмам, куда перед восходом солнца выступил Элиас Кимараре со своим сафари. Теперь целью охотников были антилопы, жирафы и зебры. Там же могли оказаться и буйволы...

Всю первую половину минувшей ночи я помогал ветеринару и его людям размещать по вольерам трофеи, доставленные баржей с той стороны озера. Затем я связался с капитаном Лендедом и до утра передавал ему магнитофонные записи.

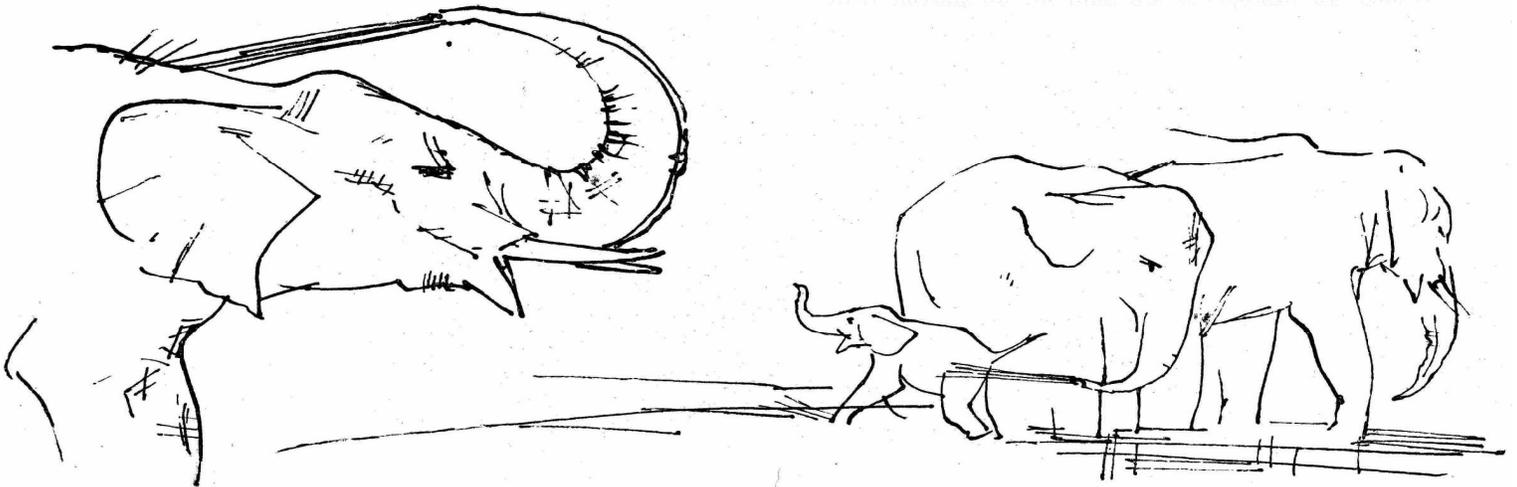
Больше всего, как я понял, ему понравилась охота на слонов, о которой рассказала Нкале.»

Слоны — самые крупные сухопутные животные, оставшиеся на земном шаре. Они обла-

дают огромной силой, очень осторожны и удивительно смыслёны. Может быть, именно это позволило им выжить в то время как все другие хоботные животные давно вымерли. А слоны остались... Они научились противостоять даже человеку, с повадками которого познакомились ещё в глубине веков. С глубокой древности голод заставлял человека охотиться на слонов ради их мяса. Жажда наживы заставляла его истреблять слонов в погоне за драгоценной слоновой костью — громадными сверкающими белизной бивнями. Жажда власти и славы надоумила человека ловить слонов и использовать их в сражениях. Армии, в составе которых были «живые танки» — боевые слоны, в течение многих столетий считались непобедимыми. И, наконец, человек, приручивший слона, заставил его работать. Рам Чаран говорит, что на его родине в Индии слоны корчуют громадные деревья, перетаскивают самые тяжёлые грузы и даже... нянчат детей!

Отличаясь чудовищной силой, слоны в то же время очень миролюбивы и сами обычно ни на кого не нападают. В неволе они довольно легко привыкают к человеку и привязываются к тому, кто о них заботится. Но дикий слон очень дорожит своей свободой. Для того чтобы заманить его в западню, охотник должен обладать большим опытом, хитростью и отвагой...

Приблизившись к озеру около того места, где стояла баржа, М'Коло указал на небольшой мелководный заливчик, примерно в трёх километрах к востоку. В бинокли слоны были хорошо видны. Восемь огромных животных купались у самого берега, обливая себя потоками воды, которую набирали из озера своими хоботами, похожими на толстые пожарные шланги. Три слонёнка, каждый величиною с дорожный каток, ни на шаг не отходили от своих

матерей. Величественный старый слон, очевидно, вожак стада, стоял на страже несколько в стороне от остальных... Берега заливы были совершенно отлогие, трава на них вытоптана. Ни одного дерева, за которым могли бы укрыться охотники, там не было...

Опустив бинокль, Сегридж посмотрел на своих спутников.

— Подобраться к слонам со стороны берега нет никакой надежды, — сказал он.

— Операция должна быть проведена с воды и с воздуха, — секунду подумав, ответил Рам Чаран. — Дело за Нкале...

Нечего и говорить, что Нкале была в полном восторге. М'Коло тоже согласился — по его мнению, этот план был единственным, а потому и самым лучшим.

Они спустили на воду катер, взяли на буксир баржу и поплыли к заливы. Когда до слонов оставалось уже меньше километра, вожак насторожился. Звук мотора заставил его широко расставить огромные уши... Высоко поднятый хобот принохивался к запахам ветра...

Рам Чаран немедленно перевёл мотор на холостой ход. Катер и баржа остановились. Несколько мгновений казалось, что потревоженные слоны сейчас же покинут берег и уйдут в саванну. Однако вожак успокоился. Находившаяся далеко от берега баржа не вызвала у него особых подозрений, и он просто решил до поры до времени понаблюдать за ней... Сегридж кивнул Нкале.

— Не опускайся слишком низко, — сказал Рам Чаран, — атакуй со стороны солнца. Тогда, если вожак и посмотрит в твою сторону, он всё равно не увидит — солнце ослепит его.

Всё остальное было сделано быстро и точно. Взвившись высоко в небо, Нкале описала круг, зашла со стороны солнца и, снизившись над стадом, «с завидным спокойствием», как выразился Рам Чаран, произвела двенадцать бесшумных выстрелов. Девять красных ампул и три зелёных, посланные её меткой рукой, безошибочно достигли цели. Затем, продолжая кружить над слонами, она дождалась, пока они заснули. Тогда она опустилась и быстро поправила хоботы двум слонам, которые могли захлебнуться. Хобот третьего она всё время держала в руках над водой, пока её спутники подводили к берегу плоскодонную баржу и с помощью лебёдки поднимали на борт слонят. И потом ещё, когда баржа отошла уже от берега, она продолжала удерживать этот хобот, дожидаясь пробуждения великана... Только уверившись, что слон приходит в себя и ему больше не угрожает опасность утонуть, она присоединилась к своим товарищам...

Совершенно таким же способом, возвратившись к месту стоянки баржи, они добыли двух маленьких гиппопотамов...

Всё это хозяйство — маленькие носороги, львята, гиппопотамчики, четыре гиенёнка и пара солидных слонят — находилось теперь в нашем лагере вместе с другими трофеями, ожидая отправки на звездолёт. Трофеи были замечательные! Огорчало меня только то, что в их поимке я не принимал никакого участия. Единственным утешением была Леди с её детенышем.

Наша великая дружба началась в тот момент, когда из репродуктора вдруг раздалось рычание льва. Что с бедной Леди случилось!.. Прижав визжащего Димку к своей мохнатой груди, она так заметалась по клетке, что я не на шутку перепугался: изувечит и себя, и Димку. По-моему, она даже побледнела от ужаса. Кончилось тем, что мне пришлось взять её за шарфик и вытащить наружу. Она тут же вскарабкалась ко мне на колени и прижалась к моему животу. Всё её тело дрожало мелкой дрожью, будто к ней присоединили электрический провод. Но едва лев перестал рычать, к ней вернулось нахальство: она начала скалить зубы и плевать в репродуктор. Однако убраться обратно в клетку категорически отказывалась.

Так она и просидела у меня на коленях до самого утра. Пришлось примириться.

И теперь она ходила за мною на поводке по всему лагерю. А когда она начинала шалить и переставала слушаться, я тащил ее в палатку и включал магнитофон с львиным рыком... Она сразу становилась, как шёлковая...

После полудня за мной прилетел вертолёт. Это был один из патрульных вертолётчиков Противопожарной Службы Саванн, временно переданный в распоряжение нашего отряда.

Естественно, что долететь до Дальних Хол-

На бреющем полёте мы дважды пересекали кустарник в поисках того места, где Каген сделал свой знаменитый выстрел. Его не трудно было узнать по черневшим в траве длинным кускам засвеченной киноплёнки... А неподалеку в глубине кустарника что-то сверкало на солнце, и я сразу сообразил, что это были очки, потерянные Александром Петровичем. Я тут же решил сделать ему сюрприз. По моей просьбе пилот поднял машину немного выше, а я выскочил из неё и полетел за очками...

Ах, если бы всё это произошло только на

мов мы могли гораздо быстрее, чем до них доберется сафари. Поэтому у нас был запас времени, и мы решили осмотреть те места, где наши охотники добывали свои трофеи. Мы пролетели над стадом гиппопотамов, слетали к заливику, только слонов там уже не нашли, и направились к баобабу, возле которого всё ещё лежал скелет антилопы. Большие грязно-белые птицы с чёрными крыльями копошились среди раскиданных по земле костей, обрывая полуразложившиеся остатки мяса и сухожилий. Это были грифы, питающиеся падалью и нечистотами. Некоторые из них уже так наелись, что едва волочили громадные крылья, но с ненасытной жадностью продолжали терзать останки животного своими страшными крючковатыми клювами.

Вертолёт развернулся и пошёл над зарослями, в чаще которых происходила охота на носорога. Над тушей убитого зверя тоже пировали грифы. Струдившись вокруг, перемазанные стервятники, отталкивая друг друга, глубоко засовывали внутрь туши свои узкие клювастые головы на длинных беспёрых шеях. Даже низко летящий вертолёт не произвёл на нас впечатления и не заставил покинуть добычу.

пять секунд раньше!.. Но именно за эти секунды случилось нечто такое, что даже трудно себе представить. Я был уже в нескольких метрах от очков, как вдруг из-под них появилась струйка голубоватого дыма. В следующий момент из травы вырвался вихрь пламени. Я еле успел отпрянуть. Ветер от лопастей вертолёта раздувал пламя и мещал мне подниматься вверх. Одно мгновение мне казалось, что он собьет меня прямо в огонь. Но пилот вовремя заметил опасность и бросил машину в сторону. Это спасло меня. Когда я снова очутился в салоне вертолёта и посмотрел вниз, мне показалось, что под нами бушует кратер вулкана. С каждой секундой огонь охватывал всё большую территорию. Сухая трава горела, как порох, кусты вспыхивали, словно облитые спиртом. В воздух взметались тучи дыма, пронизанные фонтанами искр. Пучки горячей травы носились по ветру. Там, где они опускались на землю, мгновенно возникали новые очаги пожара, быстро сливавшиеся друг с другом...

Ещё в лагере, перед посадкой в вертолёт, я обратил внимание на два больших выкрашенных в оранжевый цвет шарообразных предмета, подвешенных снизу под корпусом машины.

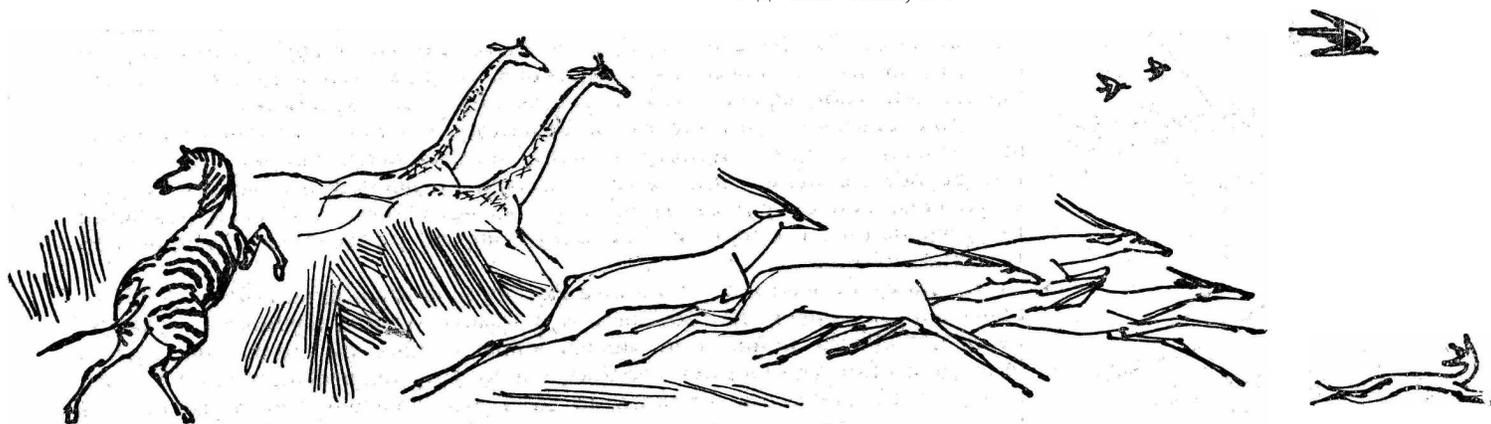
Пилот объяснил мне тогда, что это специальные химические авиабомбы, предназначенные для тушения степного пожара. Но первый момент, когда их ещё можно было применить, был упущен — не мог же пилот бомбить прямо по мне!.. А теперь уже было поздно — слишком большую территорию охватил огонь.

— Зачем ты это сделал? — гневно спросил пилот.

— Очки, — объяснил я. — Очки Александра.

Пилот с негодованием по-

пали крыльями. Они вспыхнули, словно факелы. Там, где проходил огонь, оставался дымящийся чёрный пепел и обгорелые тела замешкавшихся животных... Хорошо ещё, что ветер дул в сторону озера. Достигнув воды, пожар должен был захлебнуться. И это была единственная надежда. Если бы ветер дул в сторону Дальних Холмов, степной пожар неминуемо охватил бы многие сотни километров. •Такие пожары могут бушевать неделями, выжигая на своём пути всё, что способно гореть, и уничтожая тысячные стада животных, кото-

смотрел на меня, но вдруг понял, и взгляд его изменился.

— Он что — дальнозоркий?

— Да... Увеличительные стёкла. Когда солнце стало так, что все лучи собрались в пучок... Апчи!..

— Ясно... — он закашлялся.

Внутри вертолёт было полно дыма. Металлический пол начал разогреваться. В горле першило, глаза слезились. Мощные потоки горячего воздуха кидали машину.

Уходя от опасности, вертолёт быстро набирал высоту. В иллюминаторы было хорошо видно всё, что происходило внизу. Теперь уже почти весь кустарник был охвачен пожаром. Зигзагообразная стена огня, выгибаясь подковой, стремительно неслась к тому краю зарослей, который выходил в сторону озера. В длину она превышала уже более половины километра и неудержимо продолжала расти. Впереди огненного фронта, обезумев от ужаса, мчалось несколько носорогов, антилоп и гиен. Метались птицы... Я видел, как летучее пламя пронеслось над тушей вчерашнего носорога. Штук восемь грифов, отяжелевших от пищи до того, что уже не могли подняться в воздух, беспомощно хло-

рым некуда деться. Остановить огонь может только перемена ветра, начало дождей или отсутствие горючего материала... Но мне казалось, что на этот раз всё должно кончиться сравнительно благополучно, — ветер гнал огонь в сторону озера...

Внезапно я услышал проклятье. Вертолёт сделал вираж. Левый край огненной завесы, образуя огромную дугу, всё ещё наступал на озеро. Но справа положение изменилось. Продолжая расти в длину, стена пламени прекратила своё движение к водной преграде. Огонь словно колебался, раздумывая, а не повернуть ли ему в саванну? Это могло означать только одно — встречный ветер!.. Он был ещё очень слаб — этот ветер, но встал уже на пути огня. Я сообразил: над выжженным пространством, где земля была сильно раскалена, создавалась зона пониженного давления. Туда потянулся более прохладный воздух с озера... Теперь пламя могло ринуться к Дальним Холмам. Нужно было что-то предпринимать!

Устремив покрасневшие от дыма глаза вперед, закусив от напряжения губы, пилот вёл машину прямо на огонь к правому краю пожара.

ЧТА 2 КОП

41. НИКОЛАЙ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ (1839—1888)

В Москве на улице Герцена есть Зоологический музей. Туда всех пускают. Там выставлены скелеты и чучела разных животных нашей планеты. И, между прочим, чучело лошади Пржевальского. Но это не та лошадь, на которой ездил путешественник. Это — дикая лошадь. На ней вообще нельзя ездить. Водится она только в пустыне Гоби, у подножья Тянь-Шаньских гор.

Там-то её увидел и впервые с точностью описал Пржевальский. За это её и назвали по его фамилии. А ещё по его фамилии названы горный хребет на севере Тибета, город в Киргизии, ледник в горах Алтая и разные другие места, животные и растения. Он это заслужил своими путешествиями, географическими исследованиями и открытиями.

Пржевальский с детства любил природу. Он рос закалённый и сильный. Умел находить дорогу в лесу, выслеживать зверей, разжигать костры под дождём, спать на голой земле... В двенадцать лет у него уже было собственное ружьё. И он убил из него лисицу. И если подбитая им утка падала в озеро, он, не задумываясь, раздевался и лез за ней в ледяную воду...

Когда он кончил школу, на юге России шла Крымская война. И Пржевальский записался добровольцем в армию, чтобы защищать русскую землю. Однако война окончилась раньше, чем он попал на фронт. И тогда он поступил в Военную Академию. Другие, которые там учились, мечтали командовать солдатами. А Пржевальский хотел совершать научные экспедиции в неисследованные места земного шара, которые на географических картах обозначаются белым пятном. Такие места называются «терра инкогнита» — неведомая земля.

Но после окончания Академии прошло несколько лет скучной службы, прежде чем он смог, наконец, отправиться в свою первую научную экспедицию — на Дальний Восток, к берегам реки Усури.

Уссурийский край, хотя и не обозначался уже белым пятном на карте, всё ещё оставался совершенно диким, почти не исследованным. Путешествие было трудным. Обложные дожди, разливы рек, таёжные пожары — палы, перестрелки с хунхузами — шайками бандитов, пришедшими из Китая, — всё пришлось испытать. Целый год Пржевальский прожил в Уссурийской тайге, проводя перепись населения, уточняя географические карты, собирая коллекции животных и растений... Отчёт об этой экспедиции получился таким интересным, что его передавали из рук в руки...

Теперь Пржевальский мечтал отправиться в новую, давно задуманную им экспедицию — исследовать горы и пустыни Центральной Азии. Вот где была настоящая «терра инкогнита», огромная таинственная область, в которую не проникал ещё ни один европейский путешественник!.. Однако военное начальство Пржевальского не торопилось. Оно велело ему ждать решения в Николаевске-на-Амуре. В этом грязном маленьком городке офицеры сходили с ума от скуки. Пьянствовали, хулиганили, дулись в карты. Такая гнусная жизнь была противна Пржевальскому. Но что он мог сделать? И хотя напиваться с другими офицерами он не стал, но от тоски и злости согласился играть с ними в карты. И тут ему необыкновенно повезло. За одну зиму он выиграл 12 000 рублей. Теперь у него были свои деньги для продолжения путешествий.

— Я выиграл себе свободу! — решил Пржевальский, кидая карты в Амур, по которому шёл весенний лёд.

И так же, как он выкинул карты, он готов был бросить военную службу, чтобы немедленно отправиться в экспедицию. Но этого не потребовалось. Его план исследований Центральной Азии был, наконец, принят — путь к осуществлению заветной мечты открыт...

С помощью Русского Географического общества Пржевальский совершил четыре больших похода в Центральную Азию. Пешком, на лошадях и верблюдах он прошёл через пустыни Гоби, Алашаня и Ордоса, где в сыпучих песках белели кости неведомых, погибших от жажды путников... Снеговые бури застигли маленький отряд отважного путешественника на ледяных перевалах Тибета, где бешеный ветер мог запросто сдунуть в пропасть не только всадника с его конём, но и громадного, обросшего длинной чёрной шерстью горного быка — яка... Лавины и камнепады преграждали путь... Китайские чиновники чинили всяческие препятствия и заставляли менять маршруты... Погибали вьючные животные... Кончалось продовольствие... не было денег... А Пржевальский всё шёл вперёд. «Русские не отступают», — говорил он и, закончив одно путешествие, тут же отправлялся в новое.

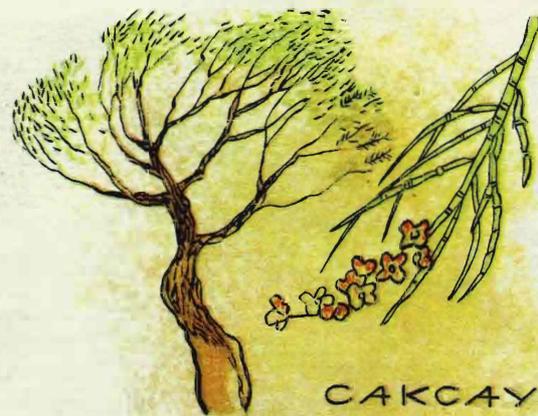
Свыше тридцати трёх тысяч километров прошёл он по самым диким и неизведанным местам Центральной Азии, убирая с её карты белые пятна. Он первый научно описал её пустыни и горы, людей, растительный и животный мир, собрал и доставил в Россию удивительные коллекции...

Внезапная смерть от брюшного тифа оборвала последний — пятый маршрут великого путешественника. Он умер недалеко от озера Иссык-Куль в городе Караколе. Теперь этот город называется Пржевальск. А исследования Пржевальского продолжали его ученики — Всеволод Роборовский и Пётр Козлов... И лошадь Пржевальского, которая выставлена в Зоологическом музее, — это охотничий трофей Козлова из пустыни Гоби, из тех мест, где он открыл занесённый песками знаменитый мёртвый город Хара-Хото и нашёл две тысячи таинственных древних рукописей... Но об этом городе и найденных Козловым рукописях Ленкин дедушка обещал рассказать в другой раз...

42. Пустыня — не всегда пустыня... В начале весны, пока землю ещё пропитывает снеговая вода (если это пустыня умеренного пояса) или смачивают дожди (если дело ближе к экватору), песчаные равнины ненадолго покрываются роскошной травой и разнообразными яркими цветами. Но всё это, как обман. Запас воды в два счёта кончается, и солнце начисто выжигает всю прелесть. Потому эти растения и получили своё название — эфемеры, то есть «однодневки», как однодневные мотыльки...

Пустыни есть на всех континентах, за исключением Антарктиды. Самые большие пустыни в Центральной Азии и по обе стороны от экватора в Африке. А самая большая из всех — североафриканская Сахара... И всё-таки, даже в Сахаре, иногда попадаются колодцы или затерянные среди раскалённых песков пересохшие речные русла — вадии. Вблизи колодцев растут деревья. Эти рощицы называются оазисами. Только в оазисах путешественник по пустыне может найти немного воды и тени...

Днём в пустыне нестерпимо жарко. Песок и камни раскаляются так, что на них можно жарить яичницу. Но наступает

САКСАУ

БАМБУК

БАНАН

КЕДР

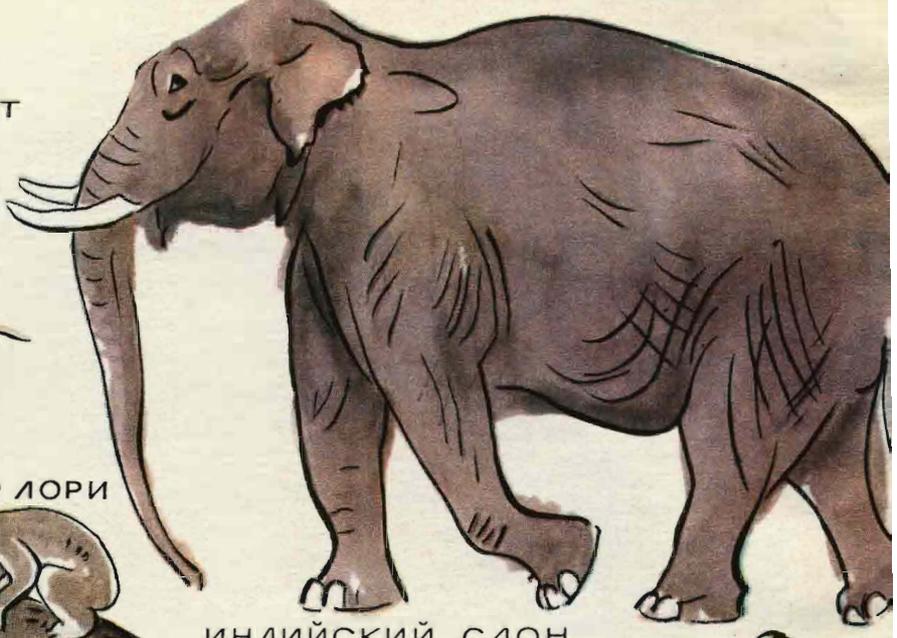

ЛЕМУР
ДОЛГОПЯТ

БУРЫЙ
МЕДВЕДЬ

ЛЕМУР ЛОРИ

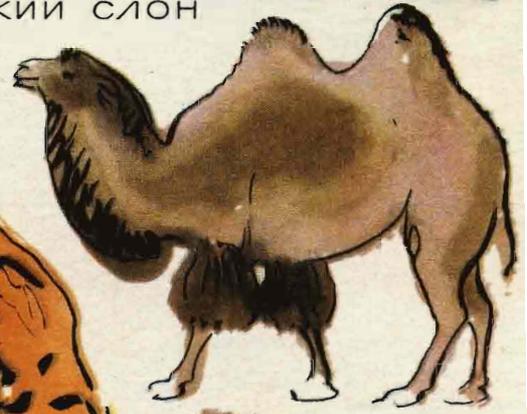
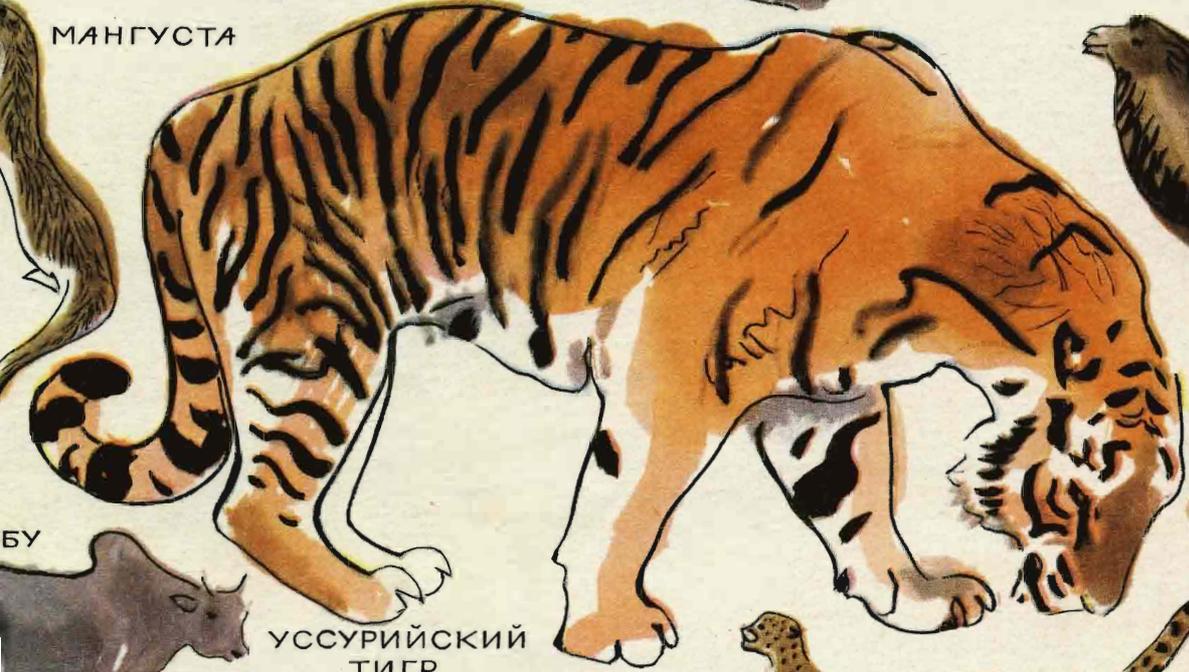

ИНДИЙСКИЙ СЛОН

МАНГУСТА

УССУРИЙСКИЙ
ТИГР

ДВУГОРБЫ
ВЕРБЛЮД

ГЕПАРД

ИНДИЙСКИЙ
НОСОРОГ

ЛОШАДЬ
ПРЖЕВАЛЬСКОГО

ШАКАЛ

ЧЁРНАЯ
ПАНТЕРА

ПЕЛИКАН

ночь, и в пустыне становится холодно. Потому что, как только заходит солнце, сухой песок остывает так же быстро, как железная крыша...

Такие условия жизни выдерживают только те растения, которые приспособились пускать очень длинные корни и почти не испарять влагу. Например, саксаул — дерево, которое растёт в пустынях Средней Азии. Его листья стали похожими на чешуйки... А в южно-африканской пустыне Калахари растут дикие арбузы, которыми можно утолять жажду. Только они и спасают там зверей от гибели. Главные животные пустынь — ящерицы, черепахи, змеи; паукообразные — фаланги и скорпионы; грызуны — тушканчики. В пустынях Средней Азии водятся дикие верблюды, лошади Пржевальского, сайгаки, джейраны. А в африканских пустынях — страусы, львы, антилопы... Но, конечно, не в глубине пустынь, а по их окраинам — на границах степей и саванн...

АНГУТАНГ

43. Все знают, что в Азии нет львов. А они, оказывается, есть! Раньше их было много. Но их почти полностью истребили. Последние азиатские львы сохранились только в одном заповеднике — в Индии. Их там всего 250 штук.

44. Тигров больше всего в Индии, Индонезии, Непале, Китае. Но они водятся и у нас на Дальнем Востоке — в Приморье и Приамурье, а иногда встречаются даже в Закавказье, в Таджикистане и Казахстане. Про тигров иногда говорят, что это живая молния в полосатой шкуре. Чаще всего эта молния живёт и действует в бамбуковых и камышовых зарослях. Там ей очень удобно подстергивать добычу — жёлто-чёрные поперечные полосы тигриной шкуры совершенно сливаются с тенями от стеблей и солнечными просветами между ними...

ЯК

45. Гепарды — очень красивые длинноногие хищники, похожие на смесь леопарда с большой собакой. Когти у них не втягиваются. Они живут в степях Африки и юго-западной Азии, но попадают и у нас в Туркмении. Несмотря на своё сходство с леопардом, гепард легко приручается даже взрослый. Гепард — французское слово. В переводе оно означает — охотничий леопард. Это самый быстроногий зверь на земле — «выжимает» 110 километров в час. Индийские раджи охотились с ними на антилоп.

46. Рана, нанесённая когтями хищного зверя, очень опасна. От таких ран часто бывает заражение крови. Это потому, что когти хищников всегда покрыты плёнкой сгнившего мяса от растерзанных жертв.

КОБРА

КРАСНЫЙ ВОЛК

ПАВЛИН

ВАРАН

ИНДИЙСКИЙ БУЙВОЛ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ

СНАЯ ГАЗЕТА

Лий Бианки

МЕЖДУ 2 ОКЕАНАМИ

ЧЕРЕЗ КОРАЛЬЕРЫ

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

ТАМ ЗА РЕКОЙ АРГЕНТИНА

47. На Канарских островах живут маленькие жёлтые птички. Их так и называют — канарейками. Канарейки замечательно поют и щебечут. Но только не самочки, а самцы. Так они на свободе развлекают своих подружек, высиживающих яички. Они такие музыкальные, что в неволе могут перенять мотив, если им насвистеть его или сыграть на скрипке. Но всё это так — интересное развлечение. А главное вот что — ручные канарейки спасли очень много человеческих жизней! В глубоких шахтах появляется иногда ядовитый газ, который не имеет ни вкуса, ни запаха. Этот коварный газ никак не могли обнаружить заранее. И шахтёры, добывавшие каменный уголь, травились насмерть. Тогда-то и придумали брать в шахту клеточку с канарейкой. Чуть появлялся газ, канарейке делалось плохо, и она падала в обморок. Обморок канарейки был для шахтёров сигналом, что надо немедленно покинуть шахту.

48. Когда орёл не может своими когтями и клювом разломать щит черепахи, он поднимает её в небо и оттуда бросает вниз на камни. Панцирь разбивается, как горшок, и орёл подбирает черепки с мясом... Морские чайки совершенно так же разделяются с устрицами. А морские выдры ломают панцири крабов и раковины моллюсков о камень, который кладут себе на грудь.

49. Лемуру называют полуобезьянами. Они живут в тропических лесах Индии, Индонезии и острова Мадагаскара. Самые удивительные лемуры — лори. Огромные круглые глаза придают лори вид какого-то загадочного существа с другой планеты. Местные жители думают, что в лори вселяются духи умерших предков. И очень боятся их. А они безобидны.

50. — Я думаю, — сказала Ленка, — что если бы человек не произошёл от обезьяны, он бы мог произойти от медведя!

На эту мысль её натолкнули рассказы о том, как здорово бурые медведи воспитывают своих детёнышей, ловят рыбу, добывают дикий мёд, спасаются от охотников. А высказалась она в цирке, когда дрессированный медведь ездил на мотоцикле... Но Александр Петрович только посмеялся над её идеей.

— Нет, — сказал он, — никогда! Во-первых, медведи слишком много спят, а, во-вторых, у них нет общественного чувства. Человек смог стать человеком, только общаясь с другими людьми и занимаясь общим трудом.

51. Скунс — такой милый полосатый зверёк, на первый взгляд совсем беззащитный. Живёт в Северной Америке. Когда ему угрожает опасность, он поворачивается к своему врагу задом, будто собирается убежать. Но не убегает, а поднимает пушистый хвост и, как из водяного пистолета, пускает в нос противнику струю такой вонючей жидкости, что у того дух захватывает. Животное, на которого попала эта струя, долго потом воняет так, что никто с ним не хочет водиться. Скунс имеет и другое название — американская вонючка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой мы едва не сгораем, но зато читатель получает некоторое представление о том, что такое маленький степной пожар

Огромный огненный язык высывался всё дальше и дальше вправо, готовясь повернуть в саванну. Вертолёт нёсся наперерез ему, постепенно снижаясь. Под нами мелькала чёрная от золы дымящаяся равнина, на которой то здесь, то там доглевали пучки травы. Горячий ветер дул снизу, вздымая пепел и пыль. Сквозь дымовую завесу, застилавшую небо, солнце казалось совсем коричневым.

Вертолёт шёл на максимальной скорости. Во что бы то ни стало, мы должны были попытаться перехватить бушевавшее пламя: остановить его или повернуть к озеру. Если мы немедленно не сделаем этого, — пожар прорвётся в саванну, а там наш сафари и несметные стада незащитных животных. Я понимал, что надежды почти не было: две химические авиабомбы — вот всё, чем мы располагаем. По радио я описал Кагену обстановку.

Едкий дым забивал пилотскую кабину и салон вертолёта. До убежавшего от нас края огненной стены оставалось не более трёхсот метров.

— Приготовить огнетушители! — резко приказал мне пилот.

— Гмм?..

— На тот случай, если загорится машина, — пояснил он. — Следи!

В салоне было четыре огнетушителя. Я снял их со стен, собрал на середину салона и взял в руки первый.

Пилот между тем приступил к выполнению своего плана. Хотя в баках вертолёта было полно бензина, и любая искра могла вызвать взрыв, пилот шёл на риск. Малодушие было не в характере этого человека.

Снизившись впереди огненного фронта, он развернул вертолёт и пошёл назад прямо навстречу пламени. У нас было только две бомбы, и сбросить их мы могли только один раз. Момент и место для этого нужно было определить совершенно точно, учитывая направление ветра, огня, угол атаки и скорость вертолёта. Исправить ошибку, даже если останемся живы, после того, как бомбы будут сброшены, мы не сможем.

Рёв моторов сливался с оглушительным воем пламени... Фонарь кабины пришлось распах-

нуть — его закоптило дымом. В кабину врвался раскалённый ветер, дым и малиновые искры. Прикрыв лицо левой рукой, на которой уже дымилась перчатка, пилот вновь и вновь выходил навстречу огню, держа палец правой руки на кнопке для сброса бомб. Но каждый раз ему, очевидно, казалось, что расчёт недостаточно точен, и бомбы оставались с нами. В самый последний момент, когда пламя уже готово было сомкнуться вокруг машины, отчаянный бросок в сторону спасал нас от гибели, но... только для нового захода и очередной безрезультатной атаки...

Не знаю уж, сколько таких заходов мы сделали. Может быть, три, а может быть, пять или шесть, Лица и руки у нас были обожжены. Дым разъедал глаза. Густая копоть на наших лицах смешивалась со слезами и потом. Всю воду, какая у нас была, я вылил на пол, чтобы он не так раскалялся. Три огнетушителя из четырех, были уже разряжены. Большие кучи почерневшей от копоти пены указывали те места, куда я направлял забивающую пламя струю. В иллюминаторах трескались стёкла...

Наверно, со стороны наши попытки могли показаться метаниями жалкого ночного мотылька вокруг охваченного пламенем дома. Разница была только в том, что у мотылька не бывает бензина в баках, ну и, разумеется, противопожарных авиабомб под фюзеляжем у него тоже нет.

Мой четвёртый огнетушитель кончился как раз в тот момент, когда вертолёт вдруг резко рванулся вверх, сбросив бомбы. Грохот разрывов потонул в рёве моторов и вое пламени.

Выбрасывая пустой огнетушитель в окно, я с удовольствием убедился, что дело сделано как надо. Весь передний край огненного языка на протяжении примерно двухсот метров затягивали волны белого химического дыма, расстилавшегося по земле. Словно огромное тяжёлое одеяло, они накрывали пламя, преграждая к нему доступ кислорода.

Там, где дым начинал рассеиваться, можно было рассмотреть чёрную полосу выжженной травы, на которой огонь уже не мог получить для себя новой пищи. Секунду за секундой эта полоса делалась всё шире, преграждая пламени путь в саванну. Стремившийся выпрямиться правый край огненной дуги был сбит, и теперь пожар распространялся только в сторону озера. Скоро он должен был достичь сырых тростниковых зарослей на берегу и упереться в воду. Позади линии огня чернело полуторакилометровое выжженное пространство, и теперь, если бы даже ветер со стороны озера усилился, огонь не смог бы прорваться в саванну: огромное пепелище встало бы на его пути...

— Сядем, — сказал пилот. — Сядем и приведем себя в порядок. Терпеть не могу, когда машина у меня плохо выглядит. А ты?

— Конечно, — сказал я. — Сядем и приведем себя в порядок...

До берега было не более трёх километров, и мы достигли его за несколько минут. Пилот посадил машину у самой воды. Страшно хотелось пить. Я схватил кружку и бросился к озеру, но пилот остановил меня:

— Пить сырую воду в Африке не рекомендуется, — сказал он. — Многие реки и озёра страны заражены глистами. Это такие паразиты — аскариды, солитёры, эхинококки...

— Нас предупреждали, — вспомнил я. — Они поселяются в кишках животных и людей и делают их больными... Я просто забыл... Но я хочу пить!

— Я тоже... Принеси полведра.

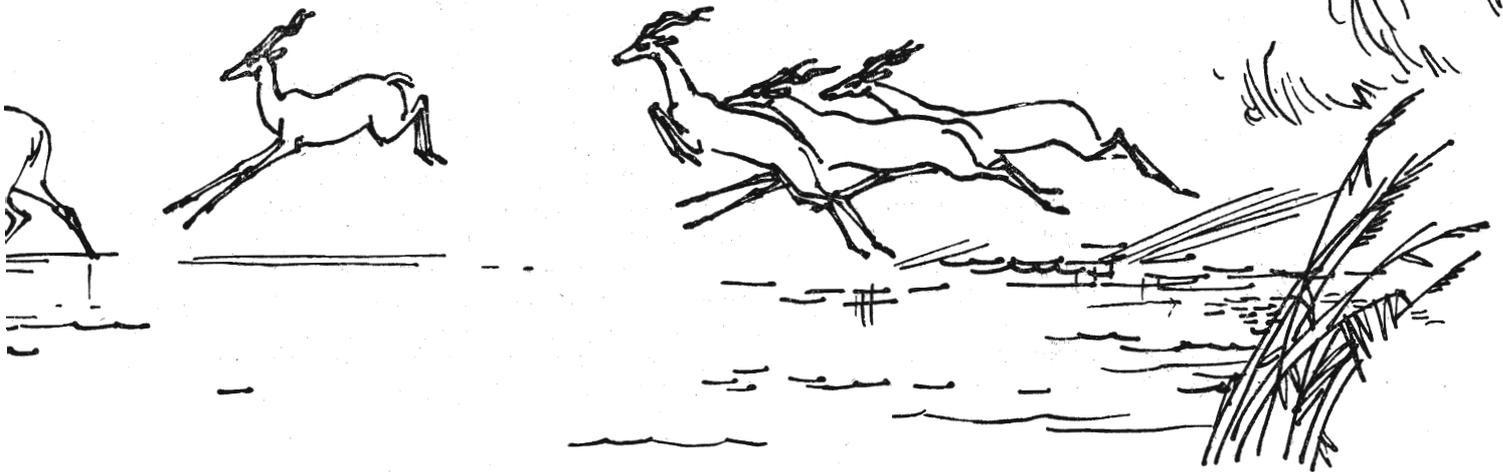
К моему возвращению он разжёт уже паяль-

ную лампу, и мы поставили её так, чтобы струя пламени била в бок ведра.

Пока вода закипала, мы умылись бензином, смазали зелёной и залепили пластырем свои ожоги. Было ужасно больно, но я старался не показывать виду — пилот обгорел сильнее меня, но держался так, словно ничего особенного не случилось. И я брал с него пример. А в глубине души был даже доволен: в конце концов всё кончилось благополучно, и приключение вышло такое, что Каген наверняка лопнет от зависти. Не зря он уже два раза заявлял мне, что я мало передаю...

Напившись, мы вычистили вертолёт от копоти и пены внутри, как могли обмыли его снаружи и решили, что теперь можно лететь дальше.

Пожар кончался. Поднявшись в воздух, мы увидели, как из воды выходили звери, искавшие спасение в озере. Выбравшись на берег, львы и гиены отряхивались, как собаки. Гипшопотамы снова паслись в тростниках. Носороги топали уже куда-то, очевидно, переселялись в другие не пострадавшие от пожара заросли. Десятка два ещё не успевших высохнуть антилоп, вздымая лёгкими копытами чёрный пепел, мчалось в саванну через выгоревшее пространство...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой описываются антилопы, жирафы и зебры. Тькави, рискуя своим добрым именем, скрывает от читателей дивный приключенческий трюковой фильм с участием Кагена

Солнце клонилось к закату, когда мы опустились в новом лагере возле Дальних Холмов. Настроение у охотников было неважное — пасшиеся здесь стада куда-то скрылись. По всей вероятности, инстинкт предупредил животных о степном пожаре, а может, они почували запах дыма.

Решить, в какую сторону они ушли, было нетрудно — в противоположную от огня, против ветра. Следы на земле подтверждали это. Но как долго они будут бежать? Где остановятся? Быстрее всего ответить могла разведка с воздуха. Однако рассчитывать на вертолёт пока не приходилось — наступала ночь. Элиас Кимараре собрал всех к себе на совет. Я попросил Рам Чарана перевести ему, что перед нашим отлётом из лагеря вода в реке начала понемногу спадать. По моему мнению, опасность наводнения миновала...

— Ты уверен, что ничего не напутал? — недоверчиво спросил Рам Чаран. — Капитан Лендел известил нас, что дожди в горах продолжают усиливаться.

— Ну и что? — сказал я. — Вода в реке убывает!

Учёные заговорили с Элиасом по-английски. Я с удивлением увидел, что они не только не обрадованы, а явно встревожены. Нкале внимательно прислушивалась к разговору. Способности к языкам у неё были гораздо больше, чем у меня или у Кагена: она уже разбирала кое-что по-английски. Через минуту она сказала:

— Кажется так: они думают, что в горах кто-то упал — фолл. И преградил собой сток из находящегося там большого озера...

— В данном случае «фолл» означает не упал, а обвалился, — уточнил Рам Чаран. — Крамблинг — разрушение, осыпь... Лейдслип — оползень... Горный обвал, понимаешь?

— Ага, — она снова прислушалась. — В этом озере скопится много воды. Если она сразу прорвётся, будет очень большой флад. Вери биг флад... — она вопросительно взглянула на Рам Чарана.

— Флад — наводнение, половодье...

— Оверфлоу, — сказал Сеггридж, — разлив. Всё будет затоплено.

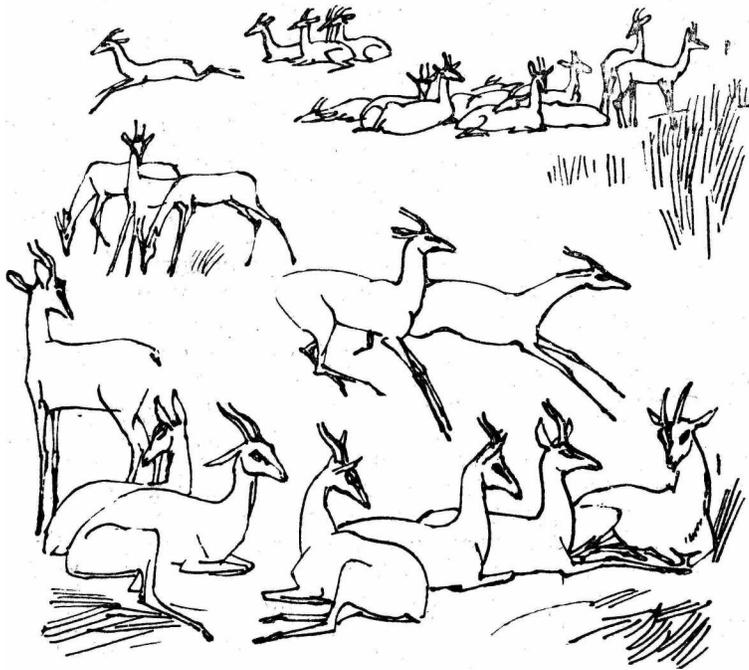
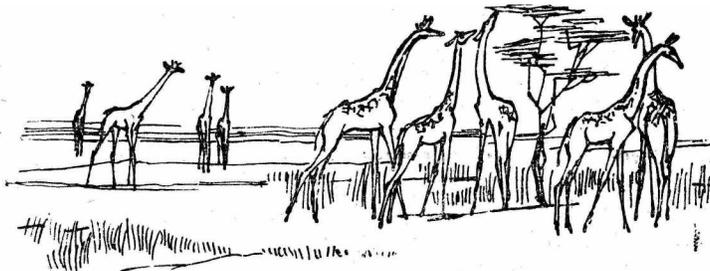
Нкале кивнула. Мы тоже кивнули — обстановка была ясна. Совет закончился быстро. Решили: Элиас Кимараре разделяет отряд. С первыми лучами солнца Рукиди, мы и сопровождающие нас учёные отправляемся на вертолёте к горам в район озера Киву охотиться на горилл. Остальные продолжают охоту на антилоп, зебр и жирафов. Было бы очень хорошо, если бы мы трое, пока другие будут отдыхать, слетали на разведку и попробовали найти скрывшиеся в саванне стада... Обратного быть не позже половины четвёртого.

Путь, по которому ушли стада, был хорошо виден сверху. Полёгшая под копытами животных трава ещё не успела выпрямиться и, словно широкая, текущая через саванну река, указывала нам направление...

Через полтора часа мы нашли беглецов. Очевидно, животные как-то почувствовали, что огонь больше не угрожает им, и теперь спокойно паслись на новом месте среди холмов, поросших кустарником и деревьями.

Я не считал, но и на глаз можно было определить, что тут сошлось около тысячи антилоп, сотни две зебр и десятка полтора жирафов. Вся масса состояла как бы из четырёх отдельных стад, которые не смешивались между собой, а только держались поблизости друг от друга.

Это было грандиозное зрелище!..

Темнота нисколько не мешала нам, а лунный свет, заливавший холмы, придавал всей картине совершенно необычный, прямо-таки фантастический вид...

— Мальчики, — прошептала Нкале, — конечно, мы бы могли теперь вернуться и доложить, что задание выполнено. Но на рассвете вертолет унесёт нас отсюда...

— Можешь не продолжать, — перебил я. — Спланируем и полетаем над ними. Высота — метров пятнадцать-двадцать...

Каген молча кивнул. Видно было, что он что-то обдумывает.

Затаив дыхание, стараясь не производить крыльями никакого шума, мы полетели над главным стадом...

Антилопы составляют одну из самых больших групп отряда парнокопытных жвачных животных. Они водятся на всех континентах Земли, за исключением Австралии и, разумеется, Антарктиды. Но больше всего их в Африке. Тут есть даже такие маленькие, как например, дукеры — величиною с дворняжку, и такие крупные, как ориксы, куду, канны и гну — размером приблизительно с лошадь... Однако в нашем стаде таких крупных антилоп не было, а были только газели и прыгуны. Это небольшие, очень изящные животные... Газели имеют ровную окраску рыжеватого-песчаного цвета; у прыгунов же шерсть глянцево-коричневая, с белой полосой вдоль спины. Передняя часть морды, уши и хвостик у прыгуна тоже белые. А рога длиннее и изогнуты более замысловато, чем у газели. Своё название эта антилопа получила за удивительно высокие и красивые прыжки, которые она, как бы играя, совершает во время бега...

Ночь была довольно прохладная. Паря над стадом, мы чувствовали непрерывный поток тёплого воздуха, восходящий от дыхания множества сгрудившихся внизу животных. Некоторые из них паслись. Другие спали. Но даже во сне они продолжали двигать челюстями, пережёвывая съеденную днём траву. Эта особенность отличает всех жвачных животных, к которым, кроме антилоп, принадлежат также верблюды, жирафы, буйволы, олени, коровы, овцы и некоторые другие парнокопытные... Их сложный желудок может переварить самую грубую пищу, но для этого он время от времени должен выталкивать её обратно в рот, чтобы животное ещё пожевало и получше перемешало со слюной...

Совершив большой круг над антилопами, мы пролетели над табуном зебр, чёрно-белые полосатые шкуры которых делали их чем-то похожими на собственные скелеты...

Тут к нам присоединился Каген.

— Сейчас вы увидите великолепный трюк! — с ходу объявил он. — Летим к жирафам!..

— Интересно, — сказал я. — Что ты придумал?

— Трюк. Приготовься к съёмке!

Жирафы обосновались на краю небольшой рощи зонтиковидных акаций, метрах в четырехстах от табуна зебр. На деревьях не было листьев — засуха оголила их ветви, но жирафы всё-таки выбрали это место, очевидно, по привычке. Самые высокие на земле животные, они предпочитают не подножный корм, а молодые побеги и зелёные листья деревьев. Но сейчас листьев не было, и горемыкам приходилось широко расставлять свои передние ноги и во всю длину вытягивать трёхметровую шею, чтобы пощипать траву. Когда они выпрямлялись, их маленькие головки с торчащими вверх ушами, между которыми смешно возвышалась пара покрытых шерстью рожек, оказывались на уровне самых высоких ветвей. Большие, окружённые длинными ресницами глаза печально оглядывали голые ветки в поисках хоть одного съедобного листика... Тонкая тень ветвей причудливой сетью ложилась на пятнистую, красновато-бурую шерсть этих единственных в своем роде удивительных животных, сохранившихся только в африканских саваннах.

— Ха, — сказал Каген. — Если вы хотите сделать жирафа, вот вам рецепт. Возьмите морду и грудь у лошади, шею у трёх верблюдов, уши у коровы, хвост у осла, ноги у антилопы и обтяните все это шкурой леопарда или пантеры. А вместо рогов подставьте два пальца!.. Камера! — скомандовал он и устремился к жирафам...

Он меня попросил, и я снял... А потом он привязался ко мне, чтобы я эту плёнку сжёг или дал честное слово не показывать никому, кроме капитана Лендеда. Это был такой трюковой фильм — дух захватывало!.. Но Каген — мой друг, а если друг просит — закон. Вот почему вы никогда не увидите, как он галопировал на жирафе и всё съезжал назад по покато́й спине... Как жираф на всем скаку вдруг застопорил и Каген перелетел через его голову прямо под ноги зебрам... Как зебры кусали и лягали его, пока, наконец, одна зебра не поддала его так, что он взлетел в воздух... Только это и спасло его... Но ничего этого вы никогда не увидите... Мне очень жаль.

А потом было стадо буйволов, которое мы обнаружили на обратном пути. Мощные звери!.. У них такая толстая кожа, что из неё делают щиты, непробиваемые для стрел и копий.

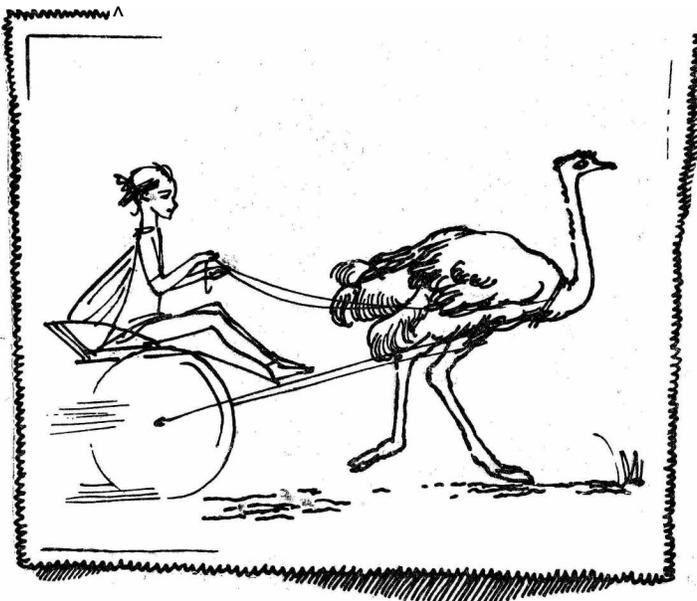
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о страусовой ферме, плантациях арахиса, кофе, чая и хинного дерева, о птицах на озере Киву, о пигмеях и лесном телеграфе — „Длинное ухо“ ...Полёт за дикой пчелой...

Вертолёт шёл на запад. Позади остались бескрайние просторы опалённого солнцем плато Серенгети, сверкающая гладь огромного озера Виктория, изумрудно-зелёные леса Руанды...

Дважды мы приземлялись, чтобы пополнить запас горючего. Первая посадка была на ферме, где разводили страусов. Курчавые, лёгкие, как дым, хвостовые перья этих нелетающих быстроногих птиц очень ценятся за красоту... Мне давно хотелось проверить, действительно ли, как нам говорили, когда страусу угрожает опасность, он закрывает глаза и зарывается головой в песок, воображая, что враг его не увидит. К сожалению, мои личные наблюдения этого не подтвердили. Наоборот, я убедился лишь в том, что, когда страусы не хотят иметь с вами дела, они просто убегают... Или могут повернуться к вам спиной и лягнуть, как лошадь... Между прочим, на ногах у них всего по два пальца!..

Я подтолкнул Кагена локтем в бок и спросил, нет ли у него желания прокатиться верхом на страусе? Могу снять... Но у него почему-то такого желания не было. Зато Нкале охотно приняла предложение хозяина фермы

проехать на беговых дрожках, в которые была запряжена прирученная птица. Вот фото. На прощанье фермер подарил нам двух страусят и десяток громадных яиц, чтобы мы могли вывести в инкубаторе страусовых птенцов на своей планете...

Вторая посадка была произведена на плантации земляных орехов — арахиса. Пока вертолет заправлялся, мы пошли в поле, но, к своему удивлению, никаких орехов там же увидели. Всё поле было очень похоже на обыкновенное картофельное. Где же орехи?... И тут выяснилось, что, хотя арахис и относится к бобовым растениям, плоды его растут вовсе не на стеблях, как у гороха или фасоли, а развиваются на корешках — в земле, подобно клубням картофеля... Поджаренные и вышелушенные из своих скорлупок, они оказались такими вкусными, что уже через полчаса весь вертолет был замусорен шелухой... Сеггридж, смеясь, предложил пари, что до своей планеты мы не доведём ни одного орешка!..

Прошло уже более десяти часов с тех пор,

как мы покинули лагерь в Холмах. Вертолет приближался к северному берегу озера Киву. Местность делалась всё более гористой. Здесь, на небольшом пространстве между озёрами Киву и Эдуарда, виднелось множество потухших и несколько действующих вулканов.

Крутые, докрытые выжженной тропической растительностью берега озера отража-

лись в неподвижных сине-зеленых водах. В одном месте недалеко от берега из воды поднимался небольшой зелёный островок, в центре которого сверкало собственное маленькое озерцо... Нетрудно было догадаться, что оно образовалось в кратере давно потухшего, поднявшегося со дна вулкана.

— Киву, — сказал Академик, — одно из самых красивых озёр на свете. Здесь замечательный климат. В этих краях находится величайший заповедник, в котором под охраной учёных живут самые разнообразные животные Африки: обезьяны и слоны, антилопы и буйволы, львы, жирафы, носороги, зебры, гиппопотамы, леопарды...

— Но, что самое удивительное, — заметил Рам Чаран, — в этом озере нет ни одного крокодила! Этим озеро Киву отличается от всех других озёр Африки...

— Гориллы знают, где им селиться, — усмехнулся Сеггридж. — И не зря они предпочли южный, а не северный берег озера. Наверно, им не очень нравятся действующие вулканы! Склоны, спускающиеся к берегам озера, были покрыты лесом, но на многих участках лес был сведен, и там раскинулись обширные плантации кофейных деревьев в красных, как вишни, плодах, внутри которых вместо косточек находятся знаменитые зёрна... Вперемежку с кофейными плантациями тянулись чайные. Покрытые массой тёмно-зелёной листвы, чайные кусты кудрявились по склонам теснящимися друг к другу рядами...

Вертолет повернул на юг, Пролетая вдоль берега, мы видели великое множество птичьих стай, избравших озеро Киву своим пристанищем. Тут были розовые пеликаны, краснокрылые фламинго, аисты, венценосные журавли, бакланы, дикие гуси и утки, длинношеие руфы.

По отмелям разгуливали голенастые ибисы с длинными саблевидными клювам, а над водой кружили стремительные белоголовые орлы-рыболовы, высматривавшие добычу...

Было уже около трёх часов дня, когда мы приземлились, наконец, на зелёной полянке, вблизи большой плантации хинных деревьев. Тут не мешает заметить — из всего, что нам довелось попробовать на Земле, порошки хины оказались самыми несъедобными. Они были такими отвратительно горькими, что Нкале даже выплёвывала их тайком, хотя нас и пре-

— Вот что, ребята... — нерешительно начал он. — Оказывается, они уже кое-что знают... Касиула говорит, что они согласны повести нас к гориллам, но только при одном условии. Сначала, они хотят увидеть, как вы летаете, и требуют, чтобы вы разрешили им осмотреть ваши крылья и...

— Хвосты?.. — воскликнул Каген. — Так в чём же дело? Пожалуйста! Но как они узнали, если у них нет ни газет, ни радио?

— Лесной телеграф, — сказал Рам Чаран, — «Длинное ухо». Сигнальные барабаны грохочут днём и ночью, разнося по лесам и саваннам последние новости.

— Хитро! — Каген был в полном восторге. — Вот это техника!

Он немедленно сбросил куртку и, не дожидаясь нас, взвился в воздух. Мы с Нкале последовали за ним. Пигмеи внимательно следили за нашим полётом, а управляющий плантацией и все, кто на ней работал, даже рты раскрыли...

Сделав несколько кругов в воздухе, Каген приземлился перед маленькими лесными охотниками и любезно повернулся к ним спиной, чтобы они могли осмотреть и пощупать его хвост и крылья...

Кажется, он был доволен ничуть не меньше, чем его зрители...

Когда осмотр был закончен, совершенно покоренный Кагеном Касиула сказал что-то Рукиди. Рам Чаран перевёл нам:

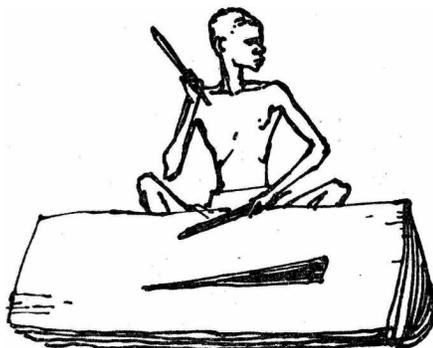
— Он говорит, что к гориллам мы пойдём на рассвете. А сейчас он желает отблагодарить вас и просит полететь с ним, следом за пчелой, которую он вам укажет. Он хочет угостить вас диким мёдом.

— А нельзя ли отказаться? — нерешительно спросил Академиков.

— Он обидится. Придётся лететь...

Мы подошли к цветочной клумбе, с которой взлетали пчёлы, нагруженные нектаром и жёлтой пыльцой. Касиула ловко поймал одну из них, прикрепил к её спинке маленькое белое

перышко, поднятое им с земли, и отпустил насекомое. Пчела тут же понеслась прочь. Не теряя времени, мы подхватили Касиулу под мышки и полетели следом. А Нкале — за нами. Белое перышко было хорошо заметно на фоне зелени. Оно указывало нам путь...

52. Когда европейцы начали изучать животных Австралии, оттуда вдруг пришло поразительное сообщение: будто бы по берегам рек и ручьёв там живёт странное существо — нос у него утиный, только ещё шире, между пальцами передних и задних лап плавательные перепонки, всё тело и

хвост покрыты шерстью, а самое главное, вместо того чтобы рожать детёнышей, как другие звери, это существо несёт яйца, но вылупившихся из них детёнышей кормит... собственным молоком.

Сообщение было совершенно невероятное, и ему несколько лет никто не хотел верить. Однако пришлось!.. Чудное животное действительно существовало. Учёные назвали его утконосом. Только потом очень долго не могли решить, кто же это: млекопитающее, рептилия или птица. Ну, в конце концов, установили, что это всё-таки самое настоящее млекопитающее. Именно так размножались первые млекопитающие приблизительно 100 миллионов лет назад, когда начали происходить от рептилий.

53. С Австралией вообще получилось не так, как с другими материками. Вместе с прилегающими к ней островами — Новой Гвинеей, Тасманией и Новой Зеландией — она первая отделилась океаном от всей остальной суши. Произошло это около ста миллионов лет назад, когда многие млекопитающие ещё сохраняли некоторые особенности своих предков — рептилий. Одни из них ещё несли яйца, высидывали и выкармливали детёнышей молоком, как утконос. Другие хотя и рождали живых детёнышей, но таких недоразвитых, что отделись от матери им жизни не было. Поэтому, когда такой детёныш появлялся на свет, мать закладывала его в специальную сумку на своём животе. Там он жил — посасывал молоко, спал и продолжал развиваться, пока не становился самостоятельным. Этих животных называют сумчатыми...

И вот получилось так, что другие млекопитающие в Австралию не попали — только яйцекладущие и сумчатые. И потому она оказалась настоящим музеем живых ископаемых! Кроме утконоса, там живёт ещё другое необыкновенное существо — ехидна. Тело ее покрыто колючками, между которых пробивается шерсть. Когда ехидна сносит яйцо, она не высидывает его в гнезде, как это делает утконос, а сразу кладёт в сумку у себя на боку и там выгравает. Детёныш вылупляется уже в сумке и не

дупредили, что принимать эту гадость, добываемую из коры хинных деревьев, совершенно необходимо, чтобы не заболеть малярией.

Управляющий плантацией, заранее извещённый о нашем прилете, оказался очень милым и гостеприимным человеком. Не успели мы выбраться из вертолета, как он пригласил нас к себе на обед и тут же, заметив испуганное лицо Нкале, поспешно предупредил, что хина к столу не подается. Мы сразу повеселели.

— Чтобы повидать горилл, — сказал он за обедом, — вам предстоит отправиться к горе Бугаламиза. Это недалеко — несколько миль

отсюда. Вашим проводником будет пигмей Касиула — самый лучший проводник и охотник наших мест...

— Простите, — удивленно перебил управляющего Сеггридж, — неужели это тот самый Касиула, о котором писал американский кинорежиссёр и путешественник Льюис Котлоу?

— Его книга называется «Занзабуку», — припомнил Александр Петрович. — С тех пор, как она была написана, минуло немало лет. А Касиула тогда уже был стариком...

Управляющий грустно улыбнулся.

— Вы ведь знаете, — сказал он, — пигмеи редко доживают до глубокой старости. Тот Касиула давно умер...

Рам Чаран, добровольно взявший на себя обязанности нашего переводчика, счёл необходимым объяснить нам, о ком ждёт речь.

— Пигмеи — самые маленькие люди на земном шаре, — сказал он. — Даже взрослые мужчины этого лесного народа имеют вид мальчиков десяти или двенадцати лет... Первобыт-

ная жизнь в глубине тропических лесов с их вечными сумерками, влажностью, постоянными опасностями и, особенно, почти полное отсутствие соли в пище очень отражается на их здоровье и внешнем облике...

Они часто болеют, рано становятся старыми...

У них нет ни школ, ни газет, ни радио. Они полностью оторваны от всего, что творится в мире, и верят только своим колдунам... Однако лучших охотников и следопытов, чем пигмеи,

вы не найдёте нигде на свете. В джунглях нет такого зверя, которого же сумел бы выследить и поразить смертоносной, отравленной стрелой из своего маленького, почти игрушечного лука бесстрашный пигмей-охотник.

— Надеюсь, они не примут Тъкави за летающую обезьяну? — хихикнул Каген.

— Да, — сказал Сеггридж, — лучше же давать им повода...

На веранду поднялся один из служащих плантации и сказал несколько слов управляющему.

— Они пришли, — перевёл Рам Чаран. — Выйдем к ним.

Шесть человек пигмеев стояли посреди двора возле цветочной клумбы. В руках у них были тонкие длинные копы и маленькие луки со стрелам. Управляющий и Рукиди сразу же подошли к ним и начали разговор с выступавшим вперёд седым

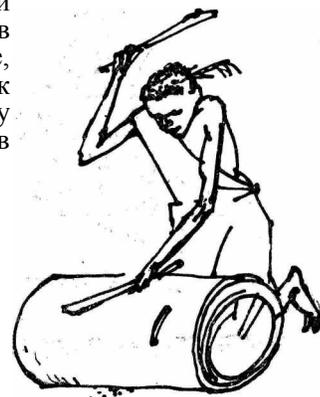
морщинистым человеком — самым старым и высоким из всех шести, хотя рост его же превышал даже Нкале. Мы догадались, что это и был предводитель охотников — Касиула. Я вскинул фотокамеру...

— По-моему, они как-то странно смотрят на нас, — услышал я за своей спиной шёпот Нкале.

— Да... А Рукиди и управляющий, кажется, растерялись, — так же тихо ответил Каген.

— Глупости, — сказал я. — Просто они никогда же видели фотоаппарата!

Но теперь уже было ясно, что пигмеи смотрели именно на нас. Они даже указывали своими копыями в нашу сторону. Явно смущённые, управляющий и Рукиди подошли к ученым. Они поговорили между собой, а затем Академикозв подозвал нас.

ЭВКАЛИПТ

МАКРОЗАМИЯ

ТРАВЯНОЕ
ДЕРЕВО

54. Самое знаменитое дерево Австралии — эвкалипт. Это вечнозелёное дерево отличается очень быстрым ростом, богатой кроной и высотой. Бывают эвкалипты высотой в 150 метров и даже больше. Эвкалипты испаряют массу воды. Поэтому на юге их сажают там, где болота — пусть осушают. Каждое дерево действует, как великанский живой насос... Запах, который издаёт вещество, находящееся в листьях эвкалиптов, изгоняет из этих лесов вредных для деревьев насекомых. Это летучее вещество добывают для приготовления лекарств и духов.

Эвкалипты растут не только в лесах Австралии, но и в саваннах. А ещё в австралийских саваннах растёт травяное дерево. Своё название оно получило за то, что его ствол, на котором нет ветвей, увенчан сверху длинными тонкими листьями, похожими на космы травы.

55. Совершенно так же, как у нас воробьи, в Австралии и на всех прилегающих к ней островах живут маленькие волнистые попугайчики. Это очень шустрые птички, которые постоянно щебечут. Но научиться говорить они не способны. Волнистые попугайчики держатся всегда парочками, а живут большими стаями, как голуби. У нас в зоопарке ими все любят. А в Австралии их не любят, потому что они опустошают поля.

Самая большая птица Австралии — страус эму. А самые красивые — райские птицы, у которых оперение, как яркая радуга. Новая Гвинея — настоящее царство райских птиц...

56. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ (1846—1888)

Возьмите карту Тихого океана и найдите на ней Новую Гвинею — самый большой тропический остров, севернее Австралии. Жители этого острова — папуасы, а такие слова, как «топор», «гвоздь», «ножик», «арбуз» и некоторые другие, говорят по-русски. Потому что узнали о существовании этих вещей от Николая Николаевича Миклухи-Маклая.

В первый раз Николай Николаевич прибыл на Новую Гвинею в 1871 году. Шлюпка высадила его на берег, и он пошёл через мангровые заросли в папуасский посёлок. Мангровые заросли имеют очень причудливый вид. Они состоят из вечнозелёных невысоких деревьев, с которых свешиваются похожие на лианы воздушные корни. Этими корнями мангровые деревья дышат, когда илистый берег затопляет приливом...

Николай Николаевич пошёл один и не взял с собой никакого оружия. Но папуасы встретили его недружелюбно — они наставили на него копья. Две стрелы просвистели возле его головы. Матросы со шлюпки стали кричать ему, чтобы он немедленно возвратился. А он повернулся спиной к воинам, выбрал тенистый кустик, подстелил циновку и на виду у всех лёг спать... Пусть папуасы убедятся, что он им доверяет. И не думайте, что он только притворился спящим. Нет, он и вправду заснул.

А теперь так. Пока он спит, я расскажу вам, что было до этого.

За участие в студенческих волнениях против царского режима Миклуху-Маклая исключили из университета. В восем-

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ АВСТРАЛИИ

вылезает из неё, пока как следует не оформится. Так что ехидна — это уже переход к сумчатым животным...

Все остальные австралийские животные — настоящие сумчатые. Из них на первом месте, конечно, кенгуру. Кенгуру бывают и такие маленькие, как кролик, и очень большие — величиной чуть не с корову. Некоторые кенгуру живут на деревьях, как обезьяны, а самые большие обитают в саваннах и могут совершать прыжки в 10 метров длиной. Такие у них могучие задние ноги и хвост, которым они тоже отталкиваются от земли... Очень смешной и ласковый маленький сумчатый медведь — коала, который, хотя и взрослый, похож на игрушечного медвежонка. Коала живёт на деревьях. Пища его — зелёные листья эвкалиптов. После того, как детёныш коала вылез из сумки, мама долго ещё не расстаётся с ним, а носит на спине, как маленький пушистый рюкзачок с круглыми глазками и большими ушками...

Есть в Австралии и другие сумчатые звери — сумчатые волки, сумчатые муравьеды, сумчатые белки, кроты и мыши и, похожие на барсуков, вомбаты... А если там попадается какой-нибудь обыкновенный, несумчатый зверь, значит, у него другое происхождение. Например, одичавшую собаку динго в Австралию завезли люди, когда впервые начали заселять этот континент. А летучих мышей, как думают учёные, могло занести туда каким-нибудь ураганом.

КАЗЛАР

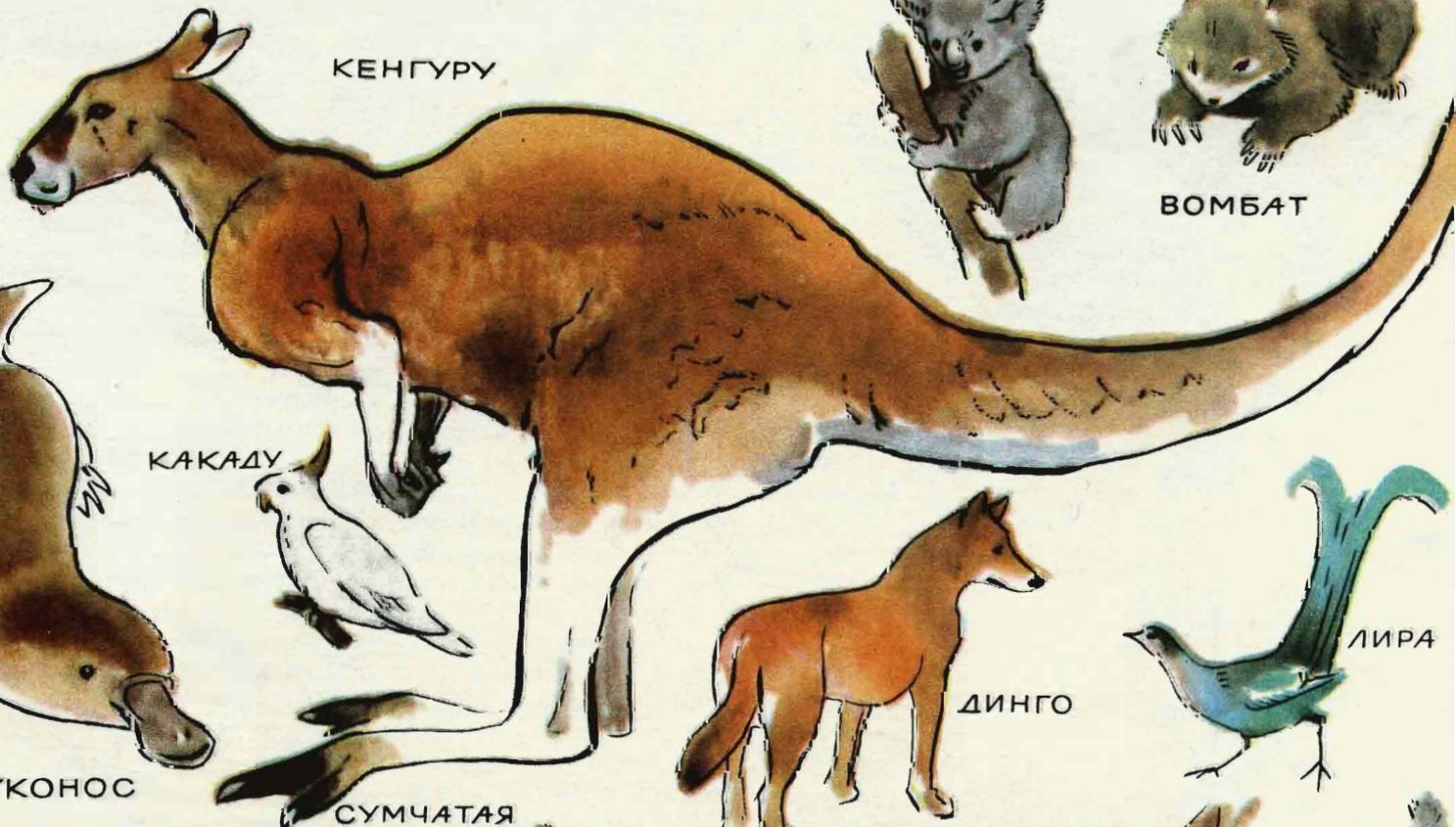

КОАЛА

ВОМБАТ

КЕНГУРУ

КАКАДУ

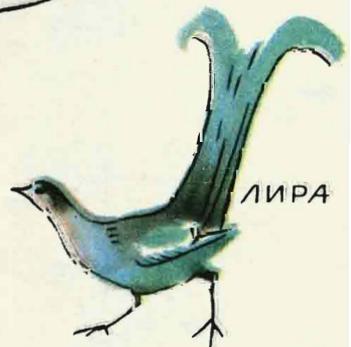
УТКОНОС

ДИНГО

ЛИРА

СУМЧАТАЯ КРЫСА

КИВИ

ЕХИДНА

СУМЧАТЫЙ ВОЛК

СУМЧАТАЯ БЕЛКА

тадцать лет ему пришлось покинуть Россию и уехать доучиваться в Германию. И хотя никаких средств у него не было, учился он с блеском. Так, что один известный зоолог — профессор Геккель — начал брать его в свои экспедиции. Окончив университет, Маклай отправился в Африку, переделался арабом и так, никем не признанный, странствовал там один по берегам Красного моря. Наверно, если бы он захотел стать разведчиком, ему бы не было равных. Но он не хотел. Он хотел стать учёным.

Больше всего в науке он интересовался происхождением и развитием человека — антропологией и особенностями культуры разных народов — этнографией. Тут шла большая борьба. В то время многие учёные, даже сторонники Дарвина, были расистами. Они считали, что белые люди — это высшая раса (человеческая порода что ли), а жёлтые и чёрные принадлежат к низшим. Ну, вроде бы произошли от других, менее талантливых обезьяньих предков. Такая теория здорово устраивала колонизаторов. Она разрешала им порабощать людей с жёлтой и чёрной кожей. А Николай Николаевич ненавидел расистов. Их теория вызывала у него отвращение. Чтобы научно опровергнуть её, он решил поселиться среди какого-нибудь первобытного народа и подробно изучить его жизнь... Передовые русские учёные, которые так же как и он считали, что нет высших и низших рас, а вся разница получается от различных условий жизни, помогли Маклаю отправиться к папуасам Новой Гвинеи...

...Но папуасы, которые стояли теперь возле куста, под которым он спал, ничего этого, конечно, не знали. Зато вид спящего человека их совершенно успокоил, и они решили, что это, наверно, хороший человек, которому можно доверять. И если он хочет остаться в их деревне, пусть остаётся. И он остался...

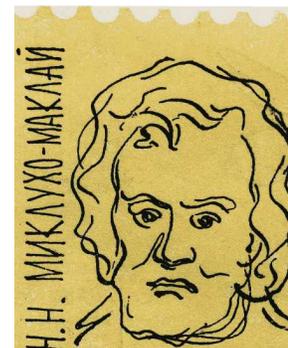
Двенадцать лет путешествовал Миклухо-Маклай по тропическим островам Тихого океана, выбирая такие, куда ещё не проникали другие путешественники. Из Океании он отправился в Индонезию, а оттуда в Австралию. Изучая жизнь первобытных народов, он неустанно собирал научные факты против расизма, разоблачал колонизаторов, защищал жителей островов от карательных экспедиций. Но где бы он ни был, он всякий раз возвращался на Новую Гвинею, с папуасами которой подружился на всю жизнь. Они даже предлагали ему стать их вождём. Вождём он не стал, но воспользовался своим авторитетом, чтобы прекратить войны между враждовавшими племенами, и всю жизнь был счастлив, что они его послушались...

В 1882 году Николай Николаевич ненадолго вернулся в Петербург — так тогда назывался Ленинград, который был столицей России. Сообщив русским учёным о сделанных им открытиях, Миклухо-Маклай снова отправился на Новую Гвинею, а оттуда поехал в Австралию, где организовал морскую биологическую станцию возле Сиднея... Но самой главной мечтой его жизни было создание русской сельскохозяйственной коммуны на Новой Гвинее. Он всё для этого подготовил — в коммуну записалось более двух тысяч человек. Только привести этот замечательный план в жизнь ему не удалось: в 1888 году он умер в Петербурге, а без него никто не поехал...

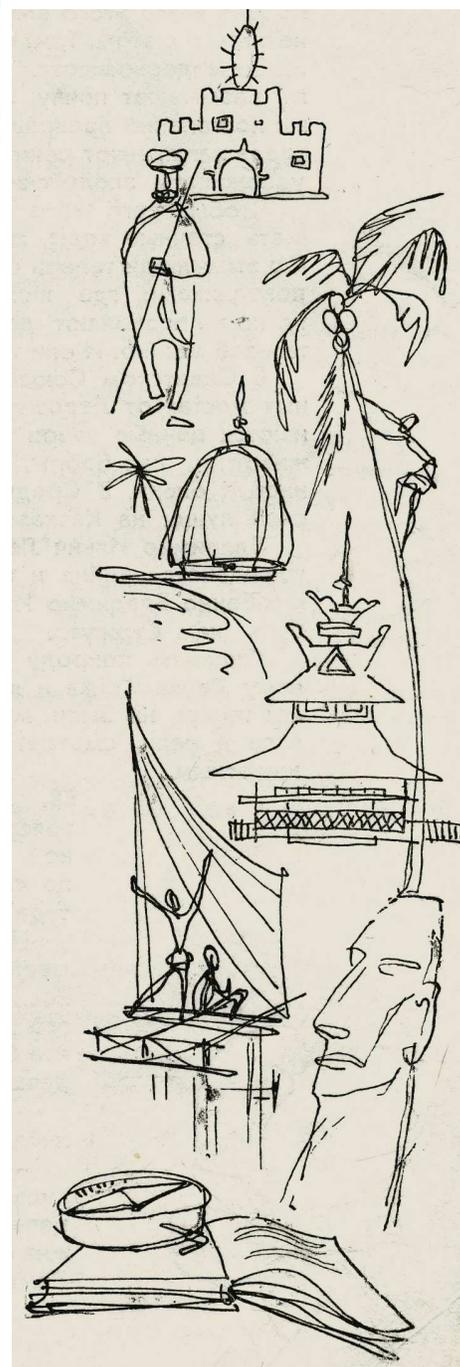
Самые главные дневники и научные работы Николая Николаевича были напечатаны совсем недавно — уже после революции. И у меня всё время такое чувство, будто Миклухо-Маклай — это наш советский учёный.

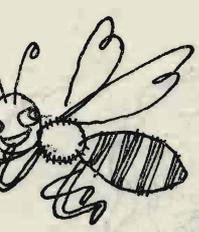
57. Учёные говорят, что между всем, что есть в природе, существует естественное равновесие. Тронешь что-нибудь одно, сразу начинает изменяться другое. Получается цепная реакция.

Больше всего это равновесие нарушают люди. Человеку нужны большие урожаи. Он строит города и заводы. Прокладывает доро-

ПОЧТА ЗКОП

зелёный
патруль

ги. Для всего этого ему приходится уничтожать леса. А куда деваться животным?.. Но дело не только в этом. Там, где сводят леса, мелеют реки. Дождевые и талые воды, которые больше не задерживаются деревьями, быстро сходят. На своём пути их потоки вырывают овраги, размывают почву, сносят её плодородный слой. А летом земля пересыхает. Остатки почвы постепенно превращаются в летучую пыль, уносимую ветром... Сточные воды разных заводов загрязняют реки. В них гибнет рыба. Несознательные охотники и рыболовы, если их не удерживать, злодейски истребляют ценных животных, птиц, рыб...

Чтобы всего этого не было, необходимо насаждать лесные полезащитные полосы, очищать сточные воды, запрещать на время или даже насовсем охоту на некоторых зверей... Об этом люди теперь очень заботятся. А самые лучшие свои леса, горы и степи объявляют заповедниками, где ничего не разрешают строить и категорически запрещают не только охоту, но не позволяют даже рвать цветы. Человеку в заповедниках всё нельзя. Зато зверям там всё можно. И они там живут на приволье, в нормальных для них условиях.

В Советском Союзе несколько десятков таких заповедников в самых красивых и интересных местах от Ледовитого океана до пустынь Средней Азии. В полярных заповедниках охраняются ценные звери и птицы севера. В умеренном поясе — такие, ставшие уже редкими животные, как бобры, соболя и лоси. На Дальнем Востоке — уссурийские тигры, изюбри, пятнистые олени. В Средней Азии — дикие ослы-куланы и некоторые виды антилоп. В Беловежской пуще, на Кавказе и возле Серпухова — зубры. На берегах Каспийского моря — птицы...

Владимир Ильич Ленин очень заботился об охране природы. Ещё в то время, когда шла гражданская война и повсюду была разруха, он подписал закон о создании заповедников. Особенно Владимир Ильич ненавидел браконьеров. Он ненавидел их ещё больше, может быть, чем буржуев.

Охранять природу нужно не только в заповедниках. Её нужно охранять повсюду. Вот почему Ленка, Генка и я записались в отряд, который называется «Зелёный патруль». И где бы мы теперь ни были, мы будем ловить браконьеров, охранять зелёные насаждения, беречь леса и реки, смотреть, чтобы никто не разорял птичьи гнёзда и не причинял вреда диким животным.

58. Австрийский учёный Карл Фриш, изучавший жизнь пчёл, сделал потрясающее открытие. Он доказывал, что пчёлы сообщают друг другу, в какой стороне и на каком расстоянии они находят медоносные цветы. Только сообщают не жужжанием, а... танцем. И приглашают других пчёл лететь туда же...

Нашедшая медоносы пчела танцует на сотах. То покружится на одном месте, то пробежится прямо, то выделывает восьмёрки и вихляет брюшком. Иногда танец медленный, иногда быстрый. А другие пчёлы смотрят и всё понимают... И Карл Фриш тоже научился понимать, да так здорово, что безошибочно мог наперёд указать, куда полетят теперь пчёлы, наблюдавшие танец пчелы-разведчицы!..

— Интересно, — сказал Генка, — если перемешать в одном улье разных пчёл, например, рязанских и австралийских, поймут они друг друга, или нет?

— Я точно не знаю, — сказал А. П., — но, вероятно, такие опыты производились. Полагаю, однако, что австралийские переселенцы поначалу танцевали бы в противоположную сторону. Потому что ориентиром им служит солнце, а, как известно, Австралия находится в Южном полушарии Земли... Зато пчёлы из Северной Америки наших бы сразу поняли.

неты. Ведь вот какой-то маленький чудной хамелеон для науки, может быть, интереснее целого носорога... До вершины было уже совсем недалеко. Протоптаные животными тропы петляли через кустарник. Обогнув отвесный выступ скалы, мы вышли на залитую солнцем земляничную полянку. Раздавленные ягоды, примятая трава и ободранные молодые побеги свидетельствовали, что совсем недавно здесь кто-то был. Под стволом большого дерева была свалена куча тонких ветвей и увядшей, смятой травы.

— Здесь ночевали гориллы, — прошептал Рам Чаран. — Это их «постель»...

Мы пошли по тропе. Теперь нужно было

двигаться с особенной осторожностью. Заросли сильно поредели, и впереди показался новый просвет. Прямо перед нами открылась неглубокая каменная котловина, заросшая низким кустарником. Касиула замер на краю склона, пристально всматриваясь в густую чащу кустов и деревьев на другой стороне. Нервы у меня напряглись до предела. Я ждал, что сейчас там покажется горилла, и был готов к этому. Но когда среди зелени листвы вдруг появились две огромные, покрытые длинной чёрной шерстью руки и развели ветви, я вздрогнул. Громадная обезьяна на четвереньках вышла из зарослей, встала на задние ноги и, полураспрямив спину, начала внимательно осматриваться по сторонам. Она не заметила нас, повернула голову назад и издала тихий, ворчливый звук. Очевидно, это был сигнал, означающий — «всё в порядке». Кусты снова зашевелились, и из них, также на четвереньках, вышли ещё трое — самка и два детёныша... Они тут же принялись собирать землянику, в то время как отец семейства, ухватившись рукой за нависшую ветку дерева, охранял их покой. Руки у него были почти вдвое длиннее ног, всё тело покрыто густой чёрной шерстью, из-под нависающих бровей поблёскивали свирепые тёмные глаза с красноватыми, налитыми кровью белками...

Скрытый кустарником Сегридж начал съёмку. Ветер дул в нашу сторону, и горилла не могла расслышать тихого шелеста кинокамеры, но тут кто-то из нас неосторожно шевельнулся... Горилла резко повернула голову. Она не видела нас, но почувствовала тревогу. Стояв несколько мгновений совершенно неподвижно, грозный самец сделал шаг вперёд, отпустил ветку и ударил себя кулаком в грудь. Послышался глухой гром, напоминающий гул барабана. Чтобы звук был страшнее и громче, животное широко раскрыло огромную пасть, вооружённую мощными, не обещающими ничего хорошего клыками. Удары в грудь следовали один за другим — бум, бум-бум, бум!.. Нкале включила магнитофон. И тут я встретился глазами с гориллой. Лающий рёв огласил окрестность. Самка с детёнышами мгновенно вскарабкалась на дерево, а самец храбро ринулся к нам...

Пигмеи, которые до сих пор скромно держались сзади, предоставляя нам полную свободу действий, молниеносно выскочили вперёд, угрожающе выставив перед собой копыта. Они приготовились принять бой...

— В полёт! — резко приказал Академик, и по этому сигналу Нкале, а за нею и Каген взвились над зарослями...

— Вам — самка с детёнышами! — крикнул я, устремляясь навстречу бегущему вверх по склону самцу. — Не упустите маленьких!..

У меня не было времени присматриваться, как они там справляются со своей задачей. Разъярённый самец нёсся вверх по склону. Необходимо было поразить его ампулой и не подпускать к отряду, пока снотворное не начнёт действовать. Только в самом безвыходном положении, когда от этого зависела бы жизнь человека, мы могли применить против гориллы огнестрельное оружие. Нас предупредили, что уже несколько лет охота на горилл категорически запрещена законом, так как эти животные очень редкие и им грозит истребление... Исключение сделано только для нас — обитателей другой планеты.

Яростный рёв оглашал окрестности. Расстояние между зверем и охотниками стремительно уменьшалось. Когда я спустил курок, оно не превышало уже и тридцати метров. Нужно было на что-то решаться...

Вы знаете, как птица отвлекает охотника от своего гнезда с птенцами? Она притворяется раненой! Послав ампулу, я начал неловко бить крыльями и с размаха упал на склон, шагах в девяти перед гориллой. Горилла остановилась. Вероятно, она в первый момент действи-

ков вынужден был, наконец, объявить короткий привал.

Поляна была совсем маленькая, окружённая раскидистыми инжирными деревьями, над которыми высилось несколько пальм. В ветвях среди фестончатых листьев инжирных деревьев шебаршилось множество краснохвостых болтливых попугаев и зелёных голубей. Там у них шёл пир горой. Перезревшие, липкие от сладкого сока плоды инжира нам тоже очень понравились. А когда Сегридж сообщил, что они называются фигами, мы страшно развеселились и начали шёпотом спрашивать друг друга:— Хочешь фигу? Да? Ну тогда... и так далее.

И вдруг, потянувшись за особенно сочным плодом, я с ужасом увидел притаившееся среди ветвей невообразимо отвратительное жёлто-серое существо, которого чуть было не коснулся рукой. Его сплющенное с боков тело, длиною около тридцати сантиметров, прильнуло к ветке, обхватив её похожими на клешни сросшимися пальцами тонких безобразных лап. Длинный суживающийся к концу хвост обвивался вокруг сука. Вдоль всей спины тянулся выгнутый гребень, а большая треугольная голова с огромными выпученными веками, защищёнными маленькими, зоркими глазками, была увенчана причудливым роговым наростом, смахивающим на боевой шлем.

Внезапно, словно для того, чтобы ещё больше усилить жуткое впечатление, загадочное существо выкинуло изо рта чудовищно длинный, разноцветный язык с булавообразным утолщением на конце и молниеносно слизнуло полосатую осу, копошившуюся на сладкой фиге... Это было похоже на выстрел — так стремительно появился и исчез необыкновенный язык.

Звук работающей кинокамеры вернул мне самообладание.

— Отличный кадр,— прошептал Сегридж, продолжая снимать.— Ну-ка, Тькави, возьми его. Не бойся, он не кусается.

Что оставалось делать? Я схватил животное за шиворот и... тут же чуть было не выпу-

стил... Извиваясь у меня в руках, оно беспрерывно изменяло свой цвет: из жёлто-серого вдруг стало коричневым, затем жёлтым, затем посерело, а потом пошло пятнами и опять сделалось коричневым...

Рам Чаран подставил мне раскрытый мешок, и я торопливо кинул туда чудовище.

— Маленький безобидный хамелеон,— со смехом сказал Сегридж.— А похож, чертёнок, на динозавра... Тоже ведь пресмыкающееся...

— Чем животное беззащитнее,— заметил Александр Петрович,— тем полезнее для него иметь страшный вид... Но, между прочим, в Испании хамелеонов приручают и держат в домах, чтобы они ловили мух.

Заметив наш интерес к хамелеону, Касиула сказала что-то Рукиди и Рам Чарану. Втроём они принялись разгребать прошлогодние листья и раскапывать землю под одним из кустов. Через две минуты на дне вырытой ими ямки открылись отложенные хамелеоном яички. Их было штук двадцать, совершенно кругленьких, покрытых не скорлупой, а упругой белой оболочкой, похожей на пластик... Нкале бережно собрала их в коробку...

Мы снова начали восхождение. Я шёл и думал — как странно устроена природа этой пла-

тельно приняла меня за большую глупую птицу, невесть откуда грохнувшуюся у неё на пути. Я немедленно вскочил на ноги и отковылял в сторону. Теперь животное убедилось, что перед ним было настоящее, похожее на человека двуногое существо... Грозно ударив себя в грудь, зверь испустил оглушительный рёв и прыгнул ко мне. Я отскочил. Яростный лай и ещё более стремительный прыжок. Я взлетел и тут же опять свалился. Охотники были забыты. Зверь видел только меня, и ему казалось, что я ранен. Гнев его не имел предела.

— А ну, давай! — в восторге от своей ловкости крикнул я и, совершенно обнаглев, пролетел перед самым носом гориллы.

Этого не следовало делать.

— Берегись! — услышал я на лету, но было уже поздно. Чёрная лапа мелькнула в воздухе, рванула меня за ногу и бросила вниз. Шнурки на ботинке лопнули, и он остался у гориллы, а я шваркнулся рядом. На этот раз не нарочно.

— Взлетай! Немедленно взлетай, Тькави! — услышал я крик Академикова, но выполнить этот добрый совет не успел... Железные пальцы ухватили меня за крылья, жаркое дыхание обдало мне лицо, раскрытая пасть с клочьями башмака на кльках приближалась к горлу...

И только тут, в этот самый последний момент, когда я уже прощался с жизнью, снотворное, наконец, подействовало, и уснувший зверь свалился на меня.

Когда подоспевшие охотники помогли мне выбраться из-под гориллы, выяснилось, что правая нога у меня побаливает. К тому же на неё нечего было надеть — большая часть ботинка пропала... Но победа осталась за нами — гориллята лежали под деревом, прочно связанные Нкале и Кагеном во время сна. Нести их на плантацию было не только тяжело, но и опасно — проснувшиеся гориллы неминуемо бросились бы нас преследовать. Поэтому мы вызвали вертолёт к себе. Пока он прилетел, нам ещё два раза пришлось усыплять просыпавшихся горилл...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой салон вертолёта превращается в поле боя, Каген устраивает мне подвох, а в район лагеря приходит дождливый период

Маленькие гориллы позаботились, чтобы десятичасовой обратный перелёт не был чересчур скучным. Едва вертолёт лёг на курс, они проснулись, быстро сориентировались и первым делом напачкали... Убирать пришлось Нкале и Кагену. Я от этого удовольствия решил воздержаться — гориллят ведь поймали они.

— Что ж, — сказал Каген, — нет, так нет... — Он вытащил носовой платок, завязал один конец узелком и спрятал в карман. — Давай убирать, Нкале...

Академиков попросил проветрить салон. Свежий воздух придал новые силы братику и сестричке. Пока Нкале и Каген возились около них, они свирепо скрежетали зубами, рычали и лаяли, совсем как большие. Затем начали кидаться из стороны в сторону. Затем умудрились порвать верёвки. И началась катавасия... Гориллы были маленькие: старшему — лет пять, малышке — около трёх, но это ничего не значило. Сила у них была зверская, ярость просто вулканическая.

— Охраняй дверь в кабину пилота! — крикнул мне Сеггридж, безуспешно пытаясь накинуть петлю на шею старшему гориллёнку. — В крайнем случае, действуй огнетушителем!.. Ой!..

Это классическое восклицание было вызвано тем, что младшенькая вцепилась зубами ему в руку. Петля, заготовленная Сеггриджем,

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой досказывается то, что было недосказано в четырнадцатой, описывается поразительное пресмыкающееся и производится обмен — два гориллёнка за один ботинок

На рассвете следующего дня, выступая в поход на гору Бугаламиза, мы выглядели, прямо скажу, неважно. Сегридж шутил, что в таком виде в гости не ходят, даже к гориллам.

Меньше всех была изукрашена Нкале. Как только пчёлы начали жалить, она взлетела повыше, туда, где они её не трогали. Оттуда она командовала:

— Смелее, мальчики! Если вы отступитесь, Касиула перестанет вас уважать! Кроме того, я люблю мёд. Он полезный и сладкий!

Каген грозил ей кулаком. Говорить он не мог — от пчелиных укусов у него распухли губы. Впрочем, у меня тоже...

Самым удивительным было то, что пчёлы совсем не жалили Касиулу. Даже, когда он взобрался на дерево и до самого плеча запустил свою голую руку в дупло с диким ульем, они почему-то атаквали не его, а нас!

Спустившись с дерева, маленький охотник радостно протянул нам жёлтые душистые соты, полные густого золотистого мёда и белых личинок. Мы что-то промычали в ответ. Тут только он заметил наш вид. Как он был огорчен, вы бы видели!.. Жалобно вздыхая, он немедленно принялся смазывать нам лица, шеи и руки мёдом и, как это ни странно, пчёлы сразу же перестали нас жалить, а боль немного утихла...

Когда мы отлетели на достаточно безопасное расстояние, Нкале присоединилась к нам. Счастливая улыбка, озарившая лицо Касиулы, при виде того, с каким удовольствием Нкале на лету уплетает добытый им мёд, заставила нас несколько примириться с личными неприятностями.

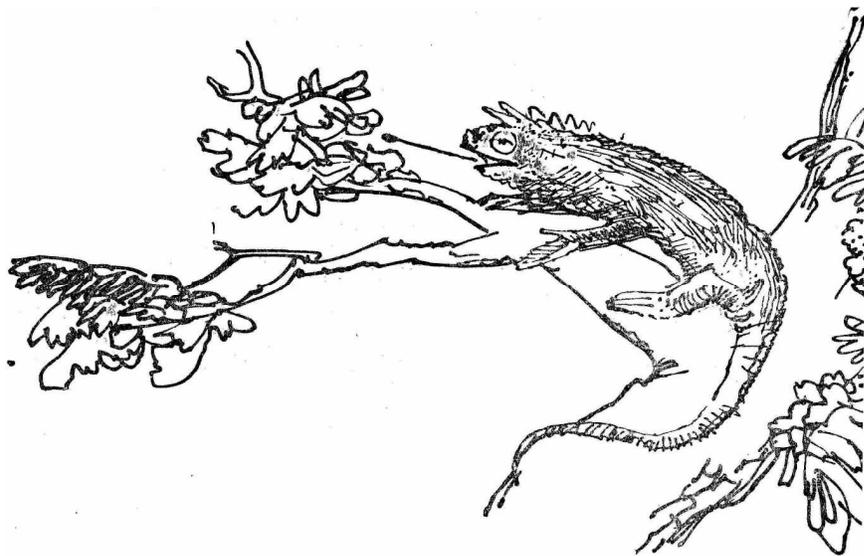
Всю ночь нам делали примочки, ставили градусники и давали лекарства... А на рассвете мы пошли к гориллам.

Покинув плантацию хинных деревьев и миновав окраину находившейся По-соседству банановой плантации, где под гигантскими подходящими на зелёные фла-

ги листьями с толстых стеблей свисали громадные жёлто-зелёные гроздья сладких, ароматных плодов, мы пересекли болото и начали подъём в гору. Каменистый склон был очень крутым. "Размахивая тяжёлыми железными секачами, которые африканцы называют «мгусу», мы прорубались сквозь непроходимые заросли шиповника, папоротников, крапивы и бамбука, воевали с лианами, проползали под стволами упавших деревьев. С каждым шагом дорога делалась всё труднее. Ползучие растения путались у нас в ногах. Лёгкие магнитофоны, бесшумные ружья, кино и фотокамеры, которые мы несли с собой, постепенно становились всё тяжелее. Только пигмеи, казалось, несколько не устали. Они специально замедляли шаг, чтобы мы не отставали от них, ловко проскальзывали между переплетённых лианами ветвей и, словно играя, преодолевали крутизну. Но они не играли. Всё их внимание было напряжено, лица выражали величайшую озабоченность. Иногда они вдруг останавливались и начинали совещаться между собой, рассматривая не видимые нами следы. После одной из таких остановок Касиула велел трём пигмеям перейти назад и занять место в хвосте отряда.

— Они обнаружили следы горилл, — тихо объяснил нам Рам Чаран.— Теперь нужно быть начеку. Гориллы имеют дурную привычку — прятаться в зарослях, пропускать мимо себя отряд, а потом бесшумно бросаться на последнего. Когда их преследуют, они нередко уходят вперёд, пробираются окружным путём к своему следу и внезапно нападают на охотников сзади... Впрочем, этот коварный приём известен также слонам, буйволам и леопардам...

Подъём продолжался уже более трёх часов. Лес начал постепенно редеть. Мы пересекли слоновью тропу, шедшую поперёк склона и вышли на небольшую поляну. Непривычные к лазанью по горам, мы так устали, что Академи-

захлестнулась вокруг ноги бросившегося на выручку Рукиди. Охотник упал. Академиком и Рам Чаран вдвоём пытались оттащить от Сеггриджа маленькую ведьму.

— Укол! — скомандовал Сеггридж. — Быстрее, Нкале!..

Ампула с иглой была уже у неё в руках, но старший гориллёнок тоже не зевал. Мигом вскочив на столик, он прыгнул с него на спину Нкале. Попутно он чуть не оторвал голову Кагену. Все трое грохнулись на пол, прямо под ноги Рам Чарану и Александру Петровичу. В тесноте салона началась свалка. Перепуганные страусята пищали в своём углу. Подвешенный к потолку мешок с хамелеоном раскачивался, как боксёрская груша. В воздухе носились клочья одежды, летали сброшенные со столика бутерброды и консервные банки. А на полу перекатывался клубок сцепившихся тел. Шум стоял невообразимый...

Держа в одной руке огнетушитель, а в другой ампулу со снотворным, я охранял дверь в кабину пилота, не смея покинуть пост. Если бы зверёныши прорвались в кабину, всем нам был бы конец...

— Есть! — внезапно раздался торжествующий крик Сеггриджа. — Я оседлал его! Тькави, укол!..

Клубок развалился, и я увидел Сеггриджа, сидящего верхом на... Александре Петровиче. Выскочивший из кучи гориллёнок метнулся ко мне и с размаху сам наскочил на иглу. Теперь нужно было только удержать его несколько секунд. Рам Чаран поспешил мне на помощь...

Когда зверёныш наконец затих и я смог осмотреться, моим глазам представилось печальное зрелище. Среди обломков мебели стояли обрванные и искусанные участники битвы. Под глазом у Сеггриджа красовался великолепный синяк. Рукиди и Нкале связывали малышку. А на полу, раскинув руки и ноги, неподвижный лежал Академиком.

— Кажется, я повредил его, — с отчаянием воскликнул Сеггридж, наклоняясь над телом Александра Петровича.

— Нет, — сказала Нкале. — Это я по ошибке сделала ему укол. Он уснул...

— Не уснул... а усыплен, — наста-

вительно поправил Каген, извлекая жёлтую ампулу из плеча учёного. — Он сейчас проснётся — детская доза...

В общем, скучать нам действительно не пришлось. Не буду останавливаться на всех подробностях. Скажу только, что если бы не борода Рам Чарана, которая так понравилась гориллятам, что они начали подпускать его к себе и принимать из его рук бананы, неизвестно ещё, как бы мы долетели...

Капитан Лендед, с которым мы связались по радио, просил нас нигде не задерживаться — этой ночью ракетный катер должен перебросить животных на звездолёт.

— Положение осложняется тем, — сказал капитан, — что со вчерашнего вечера в районе лагеря не прекращается дождь. Вода в реке прибывает.

— А горное озеро? — с тревогой спросил Академиком. — Если оно прорвётся...

— Пока держится. Но прошу поспешить... Кроме того, приказываю: с первым же рейсом

СЕВЕРНЫЙ
ОЛЕНЬ

Научная
тетрадь

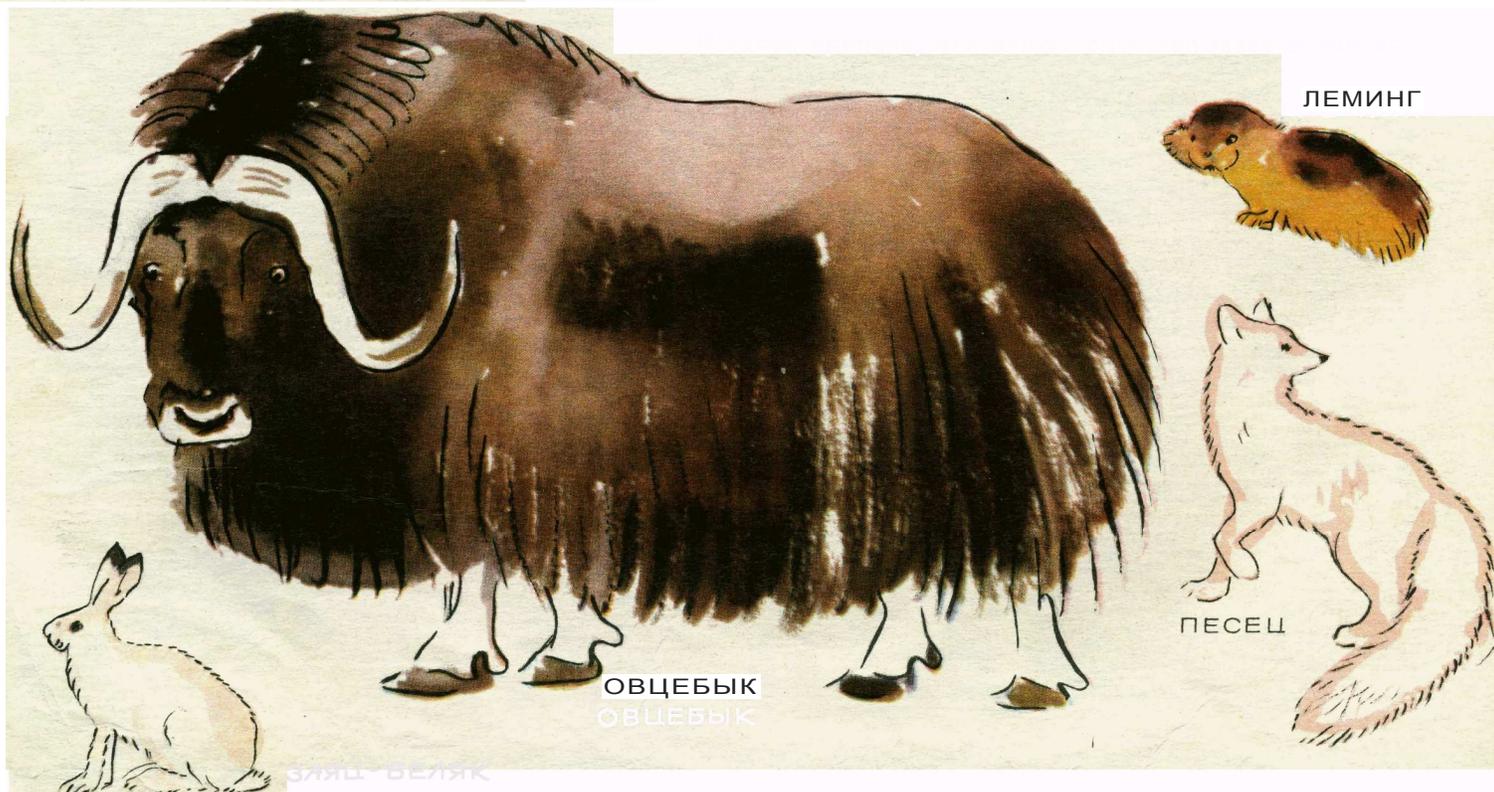
7

59. Полярная зона постепенно переходит в тундру. В полярной зоне нет смены суток — полгода там ночь, полгода — день. А в тундре большую часть года всё-таки есть смена дня и ночи. В полярной зоне земля почти совсем не оттаивает. А в тундре летом оттаивает, хотя и неглубоко — всего на один-два метра. Глубже не успевает — лето слишком короткое. Под верхним

оттаявшим слоем всегда сохраняется вечная мерзлота — грунт, который накрепко смёрзся многие тысячи лет назад. Вечная мерзлота не даёт талой воде просочиться вглубь. Поэтому летом тундра, как сплошное мшистое болото. Без резиновых сапог сюда и не суйся — под ногами всё чавкает и колышется, словно дышит. А среди мха растёт трава, расцветают цветы и зреют ягоды — брусника, голубика, морошка. Кое-где растёт чахлый кустарник. Иногда попадаются кривые карликовые деревья — ивы и берёзы, ветви которых стелются по земле. Если бы они не стелились, снег не мог бы укрывать их на зиму и они бы погибли...

На тундровых озёрах проводят лето многие перелетные птицы — дикие утки, гуси, лебеди. «Когда идёшь летом по тундре, — говорит Ленкин дед, — того и гляди наступишь на какого-нибудь птенца... Охота там дивная! Только мошкары и комарья очень много»...

А ещё есть в тундре птицы и животные, которые живут там не только летом, но и зимой. У северного оленя копыта такие широкие, что он может ходить хоть по болоту, хоть по снегу и не проваливаться. И такие крепкие, что зимой он откапывает этими ко-

ЛЕМИНГ

ПЕСЕЦ

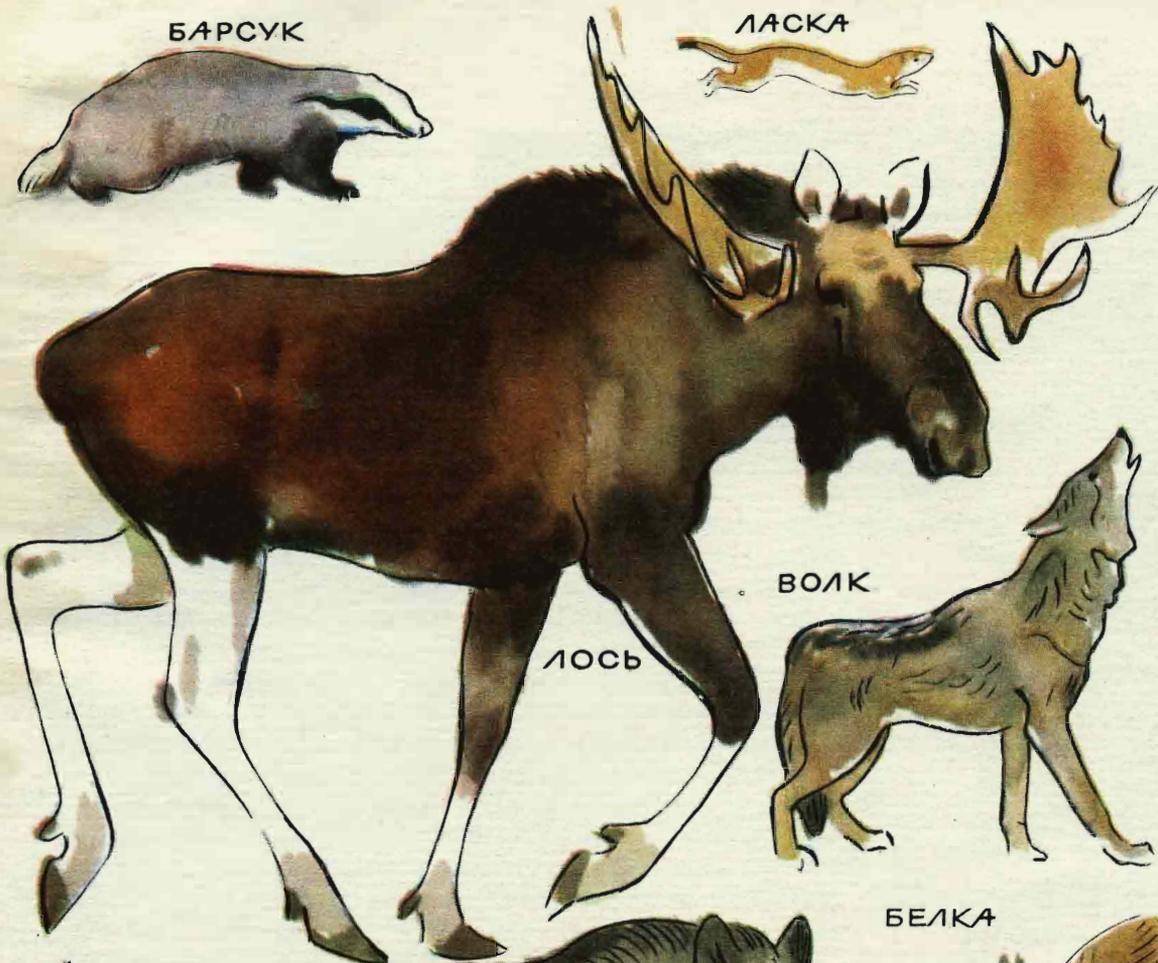
ОВЦЕБЫК
ОВЦЕБЫК

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

БАРСУК

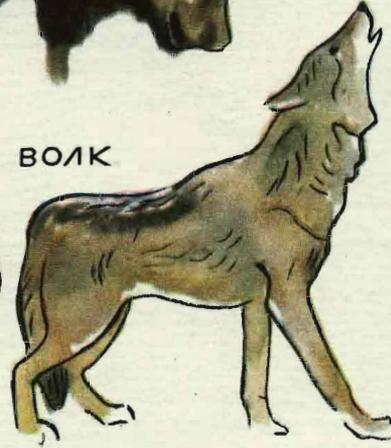

ЛАСКА

ЛОСЬ

ВОЛК

БЕЛКА

МЕДВЕДЬ

МЫШЬ

КАБАН

ЗАЯЦ

ОЛЕНЬ

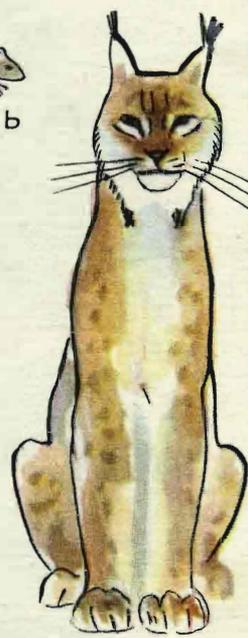
ГОРНОСТАЙ

БОБР

БИЗОН

РЫСЬ

ЗВЕРИ СЕВЕРА И УМЕРЕННОЙ ПОЛОСЫ

катера один из вас — Каген или Тькави — должен вернуться на звездолёт. Решайте — кто.

— А надолго? — поинтересовался Каген.

— Надолго. Неотложная работа, связанная с новым выдающимся изобретением земных ученых требует моего личного присутствия на Земле.

— А тот, кто вернётся, примет участие в этой работе?

— Нет, он будет нести вахту на корабле.

— Значит, вернется Тькави, — злорадно объявил Каген. — Он говорит, что у него побаливает нога и нет одного ботинка.

— Согласен.

— Погодите! — закричал я. — Ботинки есть в лагере. Я совершенно здоров...

— Напрасно стараешься, — со смехом повернулся ко мне Каген, развязывая узелок на платке. — Передатчик выключен, — Он выразительно потянул носом и посмотрел на горилл. — Можешь убрать напоследок, если хочешь. Видишь, они опять постарались.

Я со злостью отвернулся к окну. Мрачное, покрытое низкими тучами небо и дождевые струи на стекле как нельзя более соответствовали моему настроению. Пустыни, Австралия, Сибирь, обе Америки и полярные области Земли исчезали за пеленой дождя, Путешествие будет продолжаться без меня... Правда, Большой Телескоп поможет мне кое-что увидеть, внушал я себе. Но это утешение, как вы сами понимаете, было слишком слабым...

Ко мне подошли Нкале и Каген.

— Не надо сердиться, Тькави, — сказала Нкале. — Каген поступил по справедливости. Ну, не надо...

Каген протянул мне руку.

— Помирился, — сказал он. — Если капитан задержит тебя больше двух недель, обещаю сменить. Даю слово!

— Ладно... — Я пожал ему руку. Продолжать сердиться было глупо — он был моим настоящим другом. Я тоже был виноват. А начни мы тянуть жребий, ещё не известно, что бы я вытянул... может быть, то же самое!

Вертолёт приближался к лагерю. Местность, покинутая нами несколько дней назад, неузнаваемо изменилась. Повсюду сверкали огромные лужи. Река сделалась гораздо шире, бурлила и пенилась. Берега озера превращались в болото. А дождь лил не переставая и, по-видимому, усиливался. В глубоких сумерках лагерь, освещённый прожекторами и факелами, производил тревожное впечатление. Я увидел, как на баржу переводили зверей и несли ящики со снаряжением экспедиции...

— Похоже, что начинается... — пробормотал Сеггридж, всматриваясь в иллюминатор.

— Сколько рейсов понадобится ракетному катеру?

— Не менее трёх, — ответил Александр Петрович.

Как только вертолёт приземлился, а вернее сказать, прилужился, в салон вошёл Элиас Кимараре. Дождевая вода струилась с него потоками. Он сразу же заговорил с учёными,

— Так, — перевёл нам Рам Чаран. — Горное озеро прорвалось. К рассвету здесь будет потоп. Вертолёт сейчас заправят горючим, чтобы в любую минуту он мог взлететь. До прибытия ракетного катера горилл не выгружать. Они — самое ценное в нашей коллекции и пойдут первым рейсом... Начальник отряда просит нас немедленно включиться в подготовку к приёму катера.

Рам Чаран посмотрел на мои ноги, одна из которых была в ботинке, а другая просто так — босиком, и добавил:

— Но ты, Тькави, первым делом пойдешь в палатку и наденешь кеды. Потом присоединишься к нам.

До палатки было метров двести пятьдесят, но я не пробежал и десяти шагов, как промок до нитки.

Дождь лил напропалую. Под ногами хлюпали лужи и чавкала грязь. «Очень хорошо, — подумал я, — по крайней мере, покидая Африку, я могу составить себе хоть какое-то представление о дождливом периоде. Интересно, как тут выглядит наводнение?»... Пока я добежал, два раза блеснула молния и прогремел гром.

Радостный визг приветствовал мой приход. Мартышка со своим детёнышем сидела в клетке и, если бы не закрытая дверца, вряд ли мне удалось бы легко отделаться от её восторгов. Но времени было в обрез и, хотя мне самому хотелось приласкать Леди, я ограничился тем, что кинул ей горсть конфет... Быстро переобувшись, я побежал к барже.

Погрузка шла полным ходом. Носороги, пара маленьких длинношеих жирафов, панголины, антилопы и буйволята были уже на барже. Мимо меня пронесли две ванны, в которых по горло в воде восседали оружие гиппопотамчики...

— Пойдешь со мной, Тькави, — позвал меня Рам Чаран, как только я появился. — Нужно перенести...

Оглушительный громовой раскат не позволил мне разобрать, кого именно мы должны были перенести, а дождь хлестал так, что переспрашивать не хотелось. Какая разница — кого! Но когда я увидел клетку с притаившимися в ней существами, я забыл и о дожде, и о громе...

пытами из-под снега мох ягель. Полярная сова и куропатка тоже не покидают тундру. Они только меняют цвет. Зимой у них белые перья — под цвет снега, а летом — тёмные. Есть в тундре ещё полярные мыши-пеструшки и зайцы, которые тоже белеют на зиму. Они — добыча песцов и сов... А в тундрах Северной Америки обитает большой, похожий на косматого буйвола овцебык.

60. Тысячи лет назад Северная Америка соединялась с Азией. Потом Тихий океан разделил их полностью. Но прежде, чем это произошло, на Земле уже успело появиться большинство современных растений и животных. Вот почему так сходна природа лесов и степей в умеренном поясе по обе стороны океана.

Там, где кончается тундра, начинаются леса умеренного пояса. Сперва идёт тайга — царство елей, сосен, кедров и лиственниц... Только кое-где к ним примешиваются берёза с осинкой. Но чем дальше к югу, тем больше становится лиственных — лип, клёнов, грабов, дубов и буков. Так постепенно тайга сменяется лиственными лесами, а потом кончаются и они, и начинается зона степей.

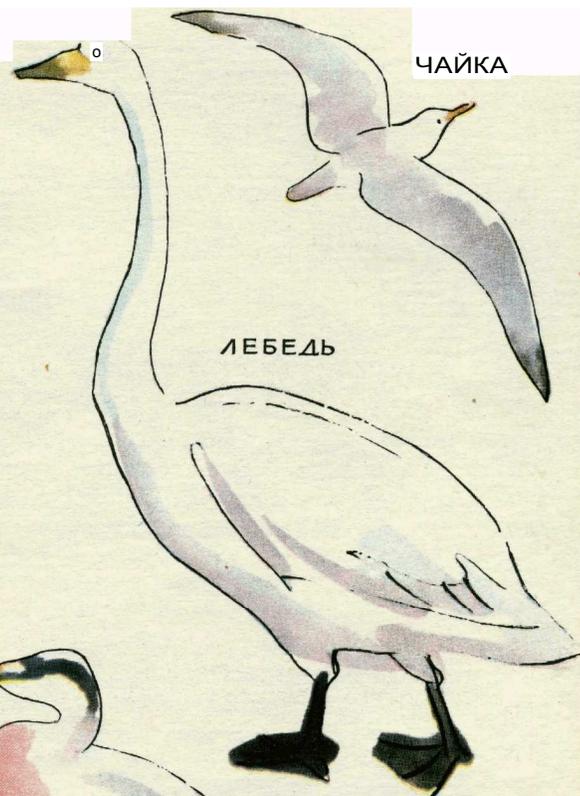
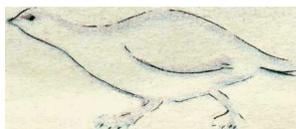
Главные животные наших лесов — белки, лисы, зайцы, медведи, волки, куницы, хорьки, барсуки, бобры, россомахи, рыси, дикие кабаны, лоси, олени, косули, соболь, горностай, ласка. А на Дальнем Востоке тигр... Главные лесные птицы — тетерев, рябчик, глухарь...

61. Оказывается, вовсе не все животные боятся змей. Отчаяннее всех преследуют змей маленькие, покрытые густым мехом хищники — мангусты, которые живут в южных странах, длинноногие африканские птицы — марабу и наши колющие ночные охотники — ежи. Некоторые орлы тоже нападают на змей... Английский писатель Редьярд Киплинг написал об индийской мангусте очень интересный рассказ. Называется «Рики-Тики-Тави».

62. Когда мореплаватели впервые увидели пингвинов, они издали приняли этих птиц за людей в меховых одеждах. Летать пингвины не могут — их крылья похожи на ласты. Вот почему они великолепно плавают. Пингвины могут жить на берегах Антарктиды, где нет никакой растительности, потому что пищу им доставляет океан, в котором они ловят рыбу. Своих птенцов пингвины выводят на лёду. Делают они это так. Самка сносит яйцо, только не на лёд, а себе на ноги. И тут же передаёт его самцу — тоже на ноги. Сверху яйцо накрывается большой складкой кожи, свисающей с живота и покрытой пушистыми, как мех, пёрышками. Так и ходит пингвин с яйцом на ногах, выгревая его, пока не вылупится птенец.

63. Женщины любят шубы из опоссума. Они очень модные. А кто такой опоссум? Животное, вроде огромной пушистой крысы. Живёт в лесах Северной и Центральной Америки... Мы на нём погорели — никто не знал, что оно сумчатое. Думали, что сумчатые животные есть только в Австралии. А опоссум, оказывается, тоже, когда рождает детёнышей, кладёт их в сумку на своём животе и там выкармливает.

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

ЧАЙКА

ЛЕБЕДЬ

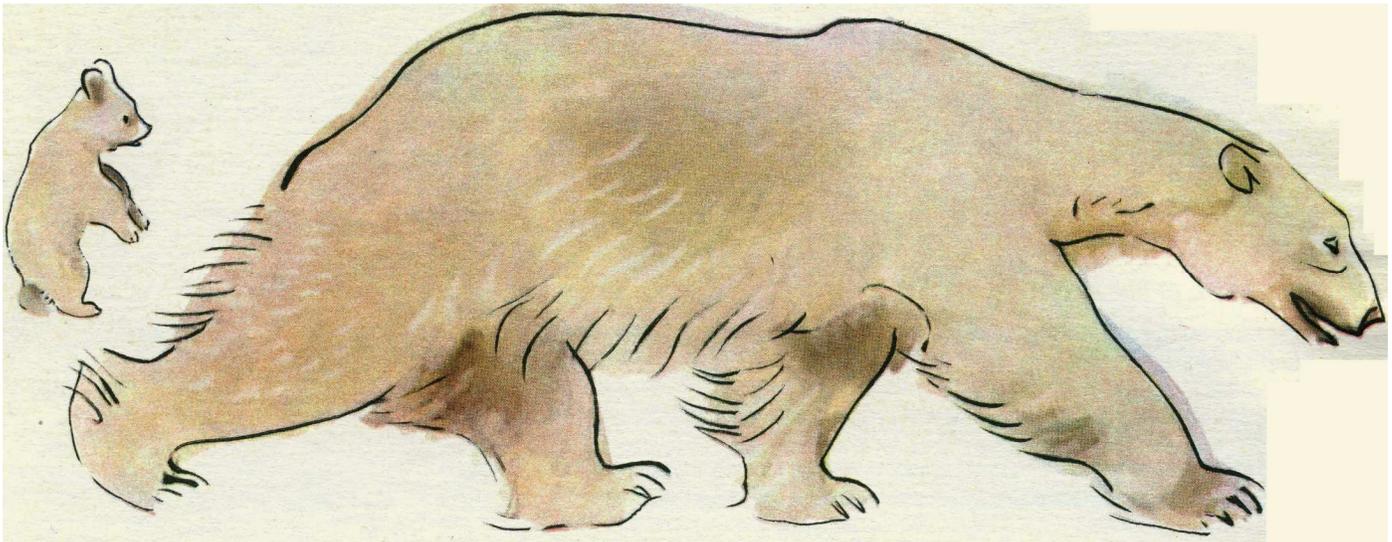
ГАГА

ГУСЬ

ГАГАРА

БЕЛАЯ СОВА

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ
С МЕДВЕЖОНКОМ

64. ЗАДАЧА: Два полярных исследователя, назовём их А и Б, вернулись в Москву. Оба привезли фотографии тех птиц и зверей, которых они видели. Исследователь А снял китов, тюленей, морских слонов, чаек, пингвинов... Исследователь Б тоже привёз фотографии китов, тюленей и чаек. Пингвинов и морских слонов не встречал. Зато у него были снимки моржей, белых медведей и песцов. Теперь ответьте, какой исследователь был в Арктике, а какой в Антарктиде?

ОТВЕТ: Путешественник А вернулся из Антарктиды. Там нет ни моржей, ни песцов, ни белых медведей. И совершенно ясно, что путешественник Б не мог снять в Арктике пингвинов и морских слонов — эти животные обитают только в южной полярной зоне.

65. Белый медведь отличный охотник и рыболов. Если ему не удаётся убить тюленя на берегу или на льдине, он ныряет за ним под лёд. А если промахнётся, ловит рыбу. Белая шкура полярного мишки, как маскхалат лыжника, делает его совершенно незаметным среди снега и ледяных глыб. Только кончик носа у него чёрный. Но мишка это прекрасно знает, и, когда подкрадывается к добыче, опускает нос вниз или прикрывает лапой. В поисках пищи белые медведи иногда доходят по льдинам до самого Северного полюса. Охотиться на них запрещено — не так уж много теперь их осталось.

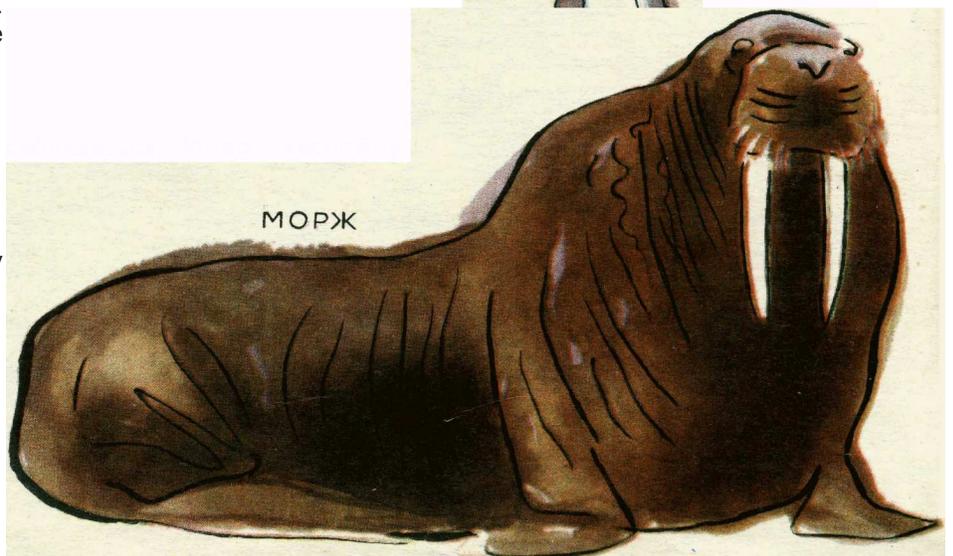
66. У животных, которые живут в умеренном климате, зимний мех длиннее и гуще летнего. Оно и понятно — летом тепло, зимой холодно. Нужно приспособливаться. И вот весной у

ГОЛУБОЙ
И
БЕЛЫЙ ПЕСЦЫ

ГРЕНЛАНДСКИЙ
ТЮЛЕНЬ

МОРЖ

большинства наших животных наступает линька — они сбрасывают лишнюю шерсть. А осенью, ближе к зиме, мех у них снова нарастает — густой и пышный. Поэтому охотиться на пушного зверя нужно зимой.

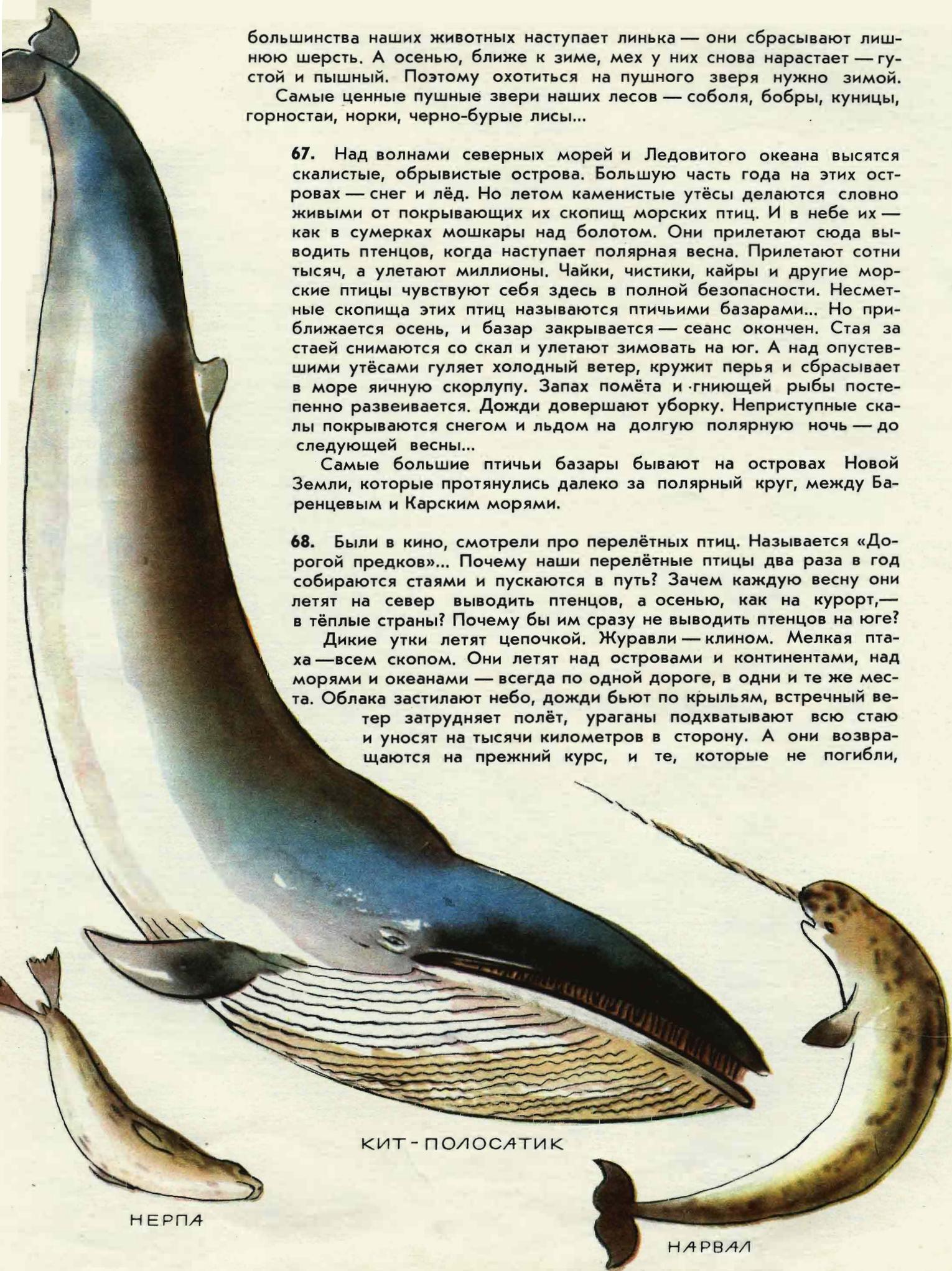
Самые ценные пушные звери наших лесов — соболя, бобры, куницы, горностаи, норки, черно-бурые лисы...

67. Над волнами северных морей и Ледовитого океана высятся скалистые, обрывистые острова. Большую часть года на этих островах — снег и лёд. Но летом каменистые утёсы делаются словно живыми от покрывающих их скопищ морских птиц. И в небе их — как в сумерках мошкары над болотом. Они прилетают сюда выводить птенцов, когда наступает полярная весна. Прилетают сотни тысяч, а улетают миллионы. Чайки, чистики, кайры и другие морские птицы чувствуют себя здесь в полной безопасности. Несметные скопища этих птиц называются птичьими базарами... Но приближается осень, и базар закрывается — сеанс окончен. Стая за стаяй снимаются со скал и улетают зимовать на юг. А над опустевшими утёсами гуляет холодный ветер, кружит перья и сбрасывает в море яичную скорлупу. Запах помёта и гниющей рыбы постепенно развеивается. Дожди довершают уборку. Неприступные скалы покрываются снегом и льдом на долгую полярную ночь — до следующей весны...

Самые большие птичьи базары бывают на островах Новой Земли, которые протянулись далеко за полярный круг, между Баренцевым и Карским морями.

68. Были в кино, смотрели про перелётных птиц. Называется «Дорогой предков»... Почему наши перелётные птицы два раза в год собираются стаями и пускаются в путь? Зачем каждую весну они летят на север выводить птенцов, а осенью, как на курорт, — в тёплые страны? Почему бы им сразу не выводить птенцов на юге?

Дикие утки летят цепочкой. Журавли — клином. Мелкая птица — всем скопом. Они летят над островами и континентами, над морями и океанами — всегда по одной дороге, в одни и те же места. Облака застилают небо, дожди бьют по крыльям, встречный ветер затрудняет полёт, ураганы подхватывают всю стаю и уносят на тысячи километров в сторону. А они возвращаются на прежний курс, и те, которые не погибли,

КИТ - ПОЛОСАТИК

НЕРПА

НАРВАЛ

обязательно достигают места, куда стремились. Но проходит совсем немного времени и нужно в обратный путь! Что их гонит?

Учёные отвечают: это древний, первобытный инстинкт, который возник, когда менялся климат Земли. Наступление холодов и нехватка корма погнали их предков с севера на юг — туда, где было тепло... Перелётный инстинкт возник на основе ещё более древнего инстинкта, того, который заставляет почти каждую птицу стремиться домой — к месту, где она вылупилась на свет.

Но тут возникает новый вопрос: «Как птицы находят дорогу?»

Ласточки, стрижи, журавли, гуси — летят днём. Утки, перепела, славки — путешествуют ночью. А золотая ржанка, которая гнездуется в тундрах Сибири и Аляски, летит без отдыха и днём и ночью, 35-40 часов подряд, через Тихий Океан на Гавайские острова. И бекасы из Японии летят в Австралию. 5000 километров над океаном — единым махом!

Но всех отчаяннее полярная крачка. Когда в Арктике кончается лето, она срывается. Угадайте куда? Думаете, в дельту Волги, где зимуют очень многие птицы? Или в Африку? Нет, в Антарктиду! Хотя эти крачки и отдыхают по дороге, но за три месяца успевают отмахать 30000 километров! К тому времени, как в Антарктиде наступает лето, они уже там. Поживут на скалах ледяного континента дней 90 и снова в обратный путь, чтобы успеть к лету в Арктику. Так и мотаются всю жизнь — от полюса к полюсу, как заводные, по 60 000 километров в год!

У разных стай свои собственные всегда одинаковые маршруты. И молодые птицы, даже те, которые отправляются в путь отдельно от старых, например, скворцы и кукушки, никогда не сбиваются. Как же они узнают дорогу?

Чтобы ответить на этот вопрос, учёные проделали с перелётными птицами тысячи самых невообразимых опытов. И недавно нашли ответ. Додумались выпустить стайку молодых славков в... планетарии. И начали менять над ними звездное небо. И вот, когда включали осеннее небо, обманутые славки летели на юго-запад, а когда включали весеннее, вся стайка, как по команде, поворачивала на северо-восток! Потом взяли скворцов. Они перелетают днём. Посадили их в специальную клетку, над которой по солнечной орбите перемещали большую яркую лампу. Только перемещали её не со скоростью солнца, а в одном опыте на несколько часов быстрее, в другом — медленнее. И когда этих скворцов выпустили на волю — под настоящее солнце, они уже не могли правильно определить направление. Они сбивались с пути вправо или влево, в зависимости от того, под какой лампой — ускоренной или замедленной — их тренировали. Так было неоспоримо доказано, что у птиц есть чувство времени и одни из них находят дорогу по звёздам, а другие по солнцу...

69. Песцы живут и в тундре на побережье Ледовитого океана, и за полярным кругом — на островах. Питаются птичками, зайцами, мышами, выброшенной на берег рыбой... А сами похожи на лисичек. Только рыжими они никогда не бывают. Зимой они белые или голубоватые, как снег или тени на снегу, а летом бурые — как камни, среди которых они прячутся.

70. В. К. АРСЕНЬЕВ
(1872-1930)

Владимир Клавдиевич Арсеньев был учёным, путешественником, писателем. Он не придумывал приключения для своих книг, а сам лично не раз попадал в такие положения, из которых, казалось, уже не было выхода. Всё, что написано в его книгах, было сперва страницами его путевых дневников и записных книжек. Они пропахли дымом лесных пожаров, растрёпаны ледяными ветрами горных круч, покрыты пятнами от дождя и снега, прожжены искрами походных костров, склеились от сосновой смолы...

Совсем ещё молодым царским офицером прибыл Владимир Арсеньев на Дальний Восток «для прохождения службы». Но когда он увидел удивительную, похожую на джунгли уссурийскую тайгу, в которой самым причудливым образом перемешалась природа Юга и Севера, он понял — «прохождение службы» в этом краю продлится всю его жизнь. Другого такого места не было больше нигде на свете!.. Гигантские вечнозеленые кедры и корабельные сосны высились над пробковыми деревьями и зарослями бамбука. Плети дикого винограда оплетали замшелые лапы елей. Тропические лианы перекидывались с хвойных великанов — пихт и лиственниц — на ветви белоствольных русских берёз... Следы бурых медведей и рыжих лисиц-огнёвок, отчётливо отпечатанные на снегу, внезапно пересекались громадными следами уссурийского тигра. В кустах орешника хрюкали дикие кабаны. Пушистый енот спасался на дереве от голодного волка. А у водопоев собирались стада пятнистых оленей...

Но ещё сильнее, чем удивительная красота природы, молодого топографа поразила страшная нищета и бесправие туземных племён, населяющих этот богатый первобытный край. Отважные таёжные следопыты — удэгейцы, орочи, нанайцы, гольды — умирали от болезней и голода. Китайские и русские купцы пробирались к ним в тайгу, спаивали их спиртом и за бесценно отнимали драгоценные шкурки соболей и черно-бурых лисиц.

За эти шкурки и за маленький похожий на уродливого человечка целебный корень женьшеня, найти который труднее, чем найти золотой самородок, они могли запросто убить жителя тайги... Так они и убили лучшего друга и верного спутника Арсеньева — замечательного охотника и следопыта Дерсу Узала, гольда, который много раз спасал жизнь Владимира Клавдиевича...

Тридцать лет прожил Арсеньев на Дальнем Востоке. Вдоль и поперёк он исходил весь край от Амура до Тихоокеанского побережья и из простого топографа стал выдающимся учёным. Он был одним из немногих царских офицеров, который сразу и без всяких оговорок перешел на советскую службу. Он знал — только справедливая Советская власть может защитить права туземных народов и спасти их от вымирания...

Арсеньев умер в 1930 году, простудившись во время экспедиции. Жизнь его оборвалась внезапно... Он написал множество замечательных книг, но одну книгу так и не успел написать, хотя всё готовился к ней. В этой книге он хотел рассказать смелым ребятам, как стать путешественником, как быть, когда вы сбились с пути, потеряли снаряжение, остались без продовольствия, застигнуты лесным пожаром или наводнением, когда перевернулся плот, заблудился или ослабел товарищ... Такой книги нет. Но когда мы читаем «В джунглях Уссурийского края», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» и другие книги Арсеньева, мы находим там многое из того, что он хотел рассказать в этой ненаписанной книге...

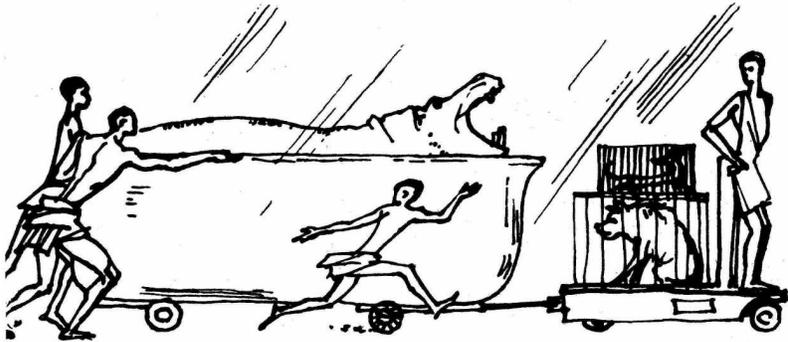
ПОЧТА 1КОП

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой Каген попадает в бедственное положение, Рам Чаран знакомит меня с трубкозубом, лагерь „КИС-КИС“ переселяется на баржу, и начинается наводнение

Клетку с надписью «Трубкозуб» занимало большое, незнакомое мне существо, под которым копошилось два маленьких розовых сосунка...

Как бы вам его описать? Ну, представьте себе, что кто-нибудь взял свинью и начал тянуть за рыло. И вытянул бы в длину приблизительно на полметра. При этом вокруг пяточка во все стороны narосли бы щетинки, и пяточок стал похожим на одуванчик... Уши свиные, но длинные — не меньше ослиных. На сильных неуклюжих ногах — огромные когти. Только не спрятанные, как у хищников — например у львов или леопардов, а выставленные наружу, как на ковшах канавокопателя... Покрытое рыже-бурой щетиной туловище заканчивалось полуметровым толстым хвостом...

— На руках нам это семейство не донести, — сказал Рам Чаран. — Придётся сходить за тележкой...

Он отправился за тележкой, а удивительный трубкозуб, громко стуча когтями по деревянному настилу, приблизился к решётке и просунул наружу свой «одуванчик». Он посмотрел на меня, и из его узкого рта начал выползать длинный-предлинный червь! Я попятился... Ну да, первое, о чём я подумал, что в живот-

ном поселилась змея! Но червь был тонкий, розовый и не имел головки... Аскарида?..

Воображаю, как бы смеялся Сеггридж, поделись я с ним своим открытием! А Рам Чаран даже не улыбнулся.

— Это не глист, Тькави, — сказал он совершенно серьёзно. — Это язык... Самый обыкновенный язык, который необходим трубкозубу, чтобы добывать муравьёв и термитов из их подземных жилищ...

Мы погрузили клетку и покатали к барже. Раскаты грома, шум дождя и стекающие в рот капли мешали вести разговор, но всё же Рам Чаран рассказал мне кое-что о наших пассажирах. Трубкозубы, как объяснил он, водятся только в Южной Африке и на острове Мадага-

скар. Они живут в норах и, благодаря своим огромным когтям, могут с поразительной быстротой целиком зарываться в самую твёрдую землю. На это им требуется всего несколько минут. Когтями же они разгребают муравейники и ломают крепкие, как бетон, стены термитников. Потом в дело пускается проворный, липкий язык. Он глубоко проникает в извилистые подземные ходы, и насекомые прилипают к нему, как мухи к липучке. Через секунду они уже оказываются в желудке трубкозуба, а удивительный язык снова отправляется на охоту...

Мы миновали Сеггриджа и Кагена, которые тащили к барже двух маленьких брыкливых зебр. Зебры упирались. Обляпанный грязью с головы до ног Каген пытался растолковать им, что если они останутся на берегу, то обязательно утонут... Зебры его не слушали...

Прижимая к груди мокрого львёнка, мимо нас пробежала Нкале. Второго львёнка нёс Академик.

— Поторопитесь! — не останавливаясь, крикнул он. — Вода прибывает...

Около трапов, перекинутых на баржу, образовалась пробка. Перепуганные животные сопротивлялись носильщикам. С лебёдкой что-то случилось. Повисший в воздухе слонёнок, раскачиваясь на тросе, верещал тонким голосом... В лужах на берегу шевелились мешки и сетки со змеями... В клетках кричали птицы. Повсюду валялись ящики со снаряжением экспедиции, коллекциями яиц, семян и насекомых. Дождь заливал факелы. Они шипели, разбрасывали искры и масла. Перед прожекторами клубился пар, на горячих стёклах вскипали дождевые капли...

— К тебе просьба, Тькави, — сказал, подхо-

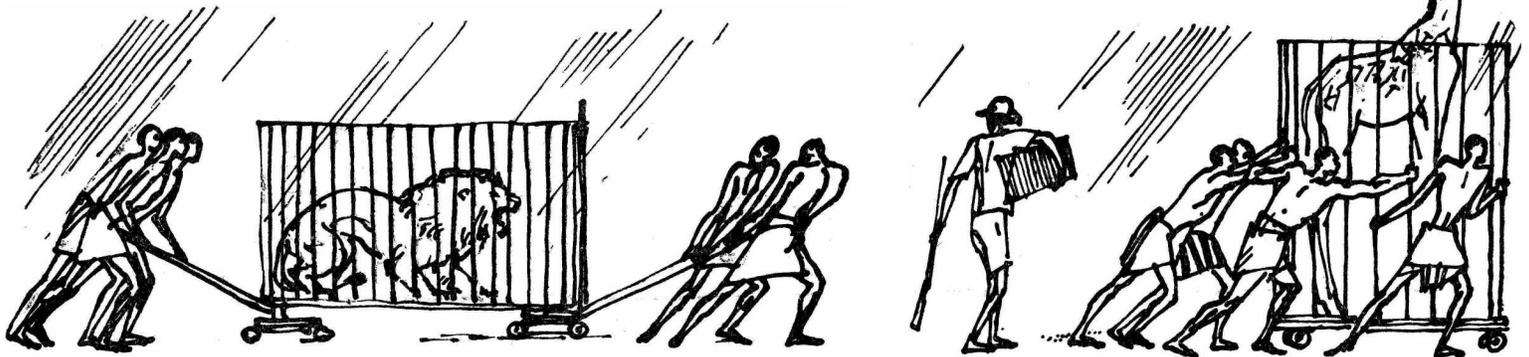
наблюдая, как два чёрных человека тащили по трапу пару каких-то чёрных, упирающихся животных. Я даже не сразу сообразил, что это Каген и Сеггридж со своими зебрами, Они были последними...

Выслушав мой доклад, Академиком переговорил с Элиасом Кимараре, а затем повернулся ко мне.

— До прилёта катера остаётся сорок минут. Надеюсь, всё обойдётся... Ты отправляйся в палатку — помоги Нкале переправить на вертолёт наши магнитные записи и киноплёнку...

Сбегаю по трапу, я слышал, как он просил

Кагена и Сеггриджа позаботиться о крепкой клетке с

дя ко мне, Александр Петрович. — Слтай, если можешь, к реке. Посмотри...

Полёт под проливным дождём — не такое уж удовольствие. Но я понимал — нужно. Определить в темноте, как поднимается вода, могли только мы трое. Но Нкале для такого полёта была недостаточно сильна. А Каген был с зебрами.

Дождь бил по крыльям. Мне потребовалось почти четверть часа, чтобы добраться до того места, куда в обычных условиях я мог долететь минут за пять... Река разливалась. Стремительное течение несло сломанные ветки, брёвна и вывороченные с корнем деревья. Левый, более низкий берег уже исчезал под мутными, хлоплюющими волнами. Ещё немного — и вода должна была хлынуть в излучину... «Успею ли долететь и предупредить? — думал я, изо всех сил работая крыльями. — Должен успеть!»...

Четверть часа туда, четверть часа обратно... Пролетая над лагерем, я увидел — там уже снимали палатки. Академиком был на барже. Он стоял на палубе рядом с Элиасом Кимараре,

хорошим

замком — для горилл. Зверенышей необходимо было освободить от верёвок,

а вводить им новую порцию снотворного больше нельзя. От неё они могли уснуть уже навсегда...

Палатку заливало. Несчастная Леди, прижимая Димку к груди, металась по клетке. Едва я открыл дверцу, как перепуганное животное стремглав выскочило из неё и вскарабкалось мне на плечи. Сунув за пазуху тетради со своими записями, я подхватил чемодан с плёнками и другой, в котором находились маска и травяной плащ М'Коло, и побежал к вертолёту. Навстречу мне попалась Нкале...

— Скорей! — крикнул я на ходу. — Река затопляет излучину! Минут через десять вертолёт должен будет взлететь!..

Кинув чемоданы на пол салона, я с трудом снял с себя Леди, быстро пристегнул цепочку к ножке стола и опять побежал в палатку.

Когда я возвратился во второй раз, Каген и Сеггридж устанавливали в салоне принесенную носильщиками железную клетку,

— Замок надёжный? — поинтересовался я, вспомнив предупреждение Академика.

— Можешь проверить. Захлопывается сра-

зу, а открывается только ключом. Вот! — Каген помахал перед моими глазами ключом, но я не стал проверять — у трапа появилась Нкале с последним чемоданом. Я помог ей поднять его в салон.

Сеггридж и Каген перетащили гориллят в клетку. Настроение зверёнышей было боевое. Всем своим видом они показывали готовность снова вступить в борьбу, как только их развяжут. Сеггридж, хотел помочь Кагену снять с них верёвки, но отважный Каген решительно отклонил его предложение.

— Не надо, — заявил он, — я сам. Вы стойте снаружи и будьте готовы захлопнуть дверцу, как только я выскочу. Приготовились!..

Не стану утверждать, что нам это легко удалось, но мы их всё-таки пристегнули.

— Открывай клетку! — скомандовал Каген, перерезая путы на гориллёнке.

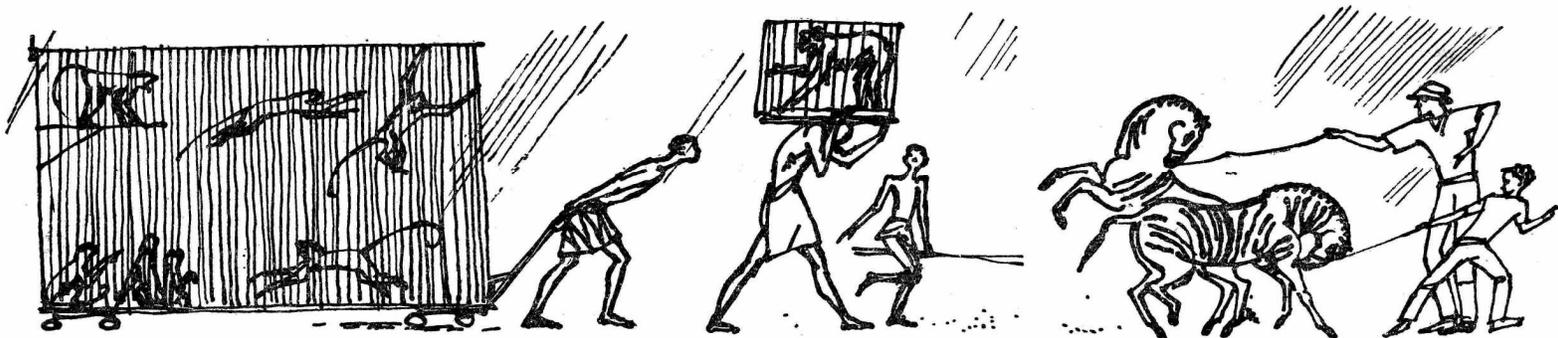
— Дай ключ, — я протянул руку.

— Он на столе.

Никакого ключа на столе, однако, не было. Впрочем, Каген и сам это видел — стол находился рядом. Ни у нас в карманах, ни на его тоже не было.

— Наверно, его взял Сеггридж, — предположил я. — Или Нкале. Или пилот... Подожди, я узнаю.

Пилот с недоумением посмотрел на меня, когда я спросил его о ключе. Нет, он даже не

Он рассёк верёвку, связывающую Малышку. Косматое существо кувырком бросилось к выходу.

— Дверцы! — завопил Каген, но Сеггридж и сам был начеку. Замок щёлкнул перед носом Малышки.

— Отлично, — сказал Каген. — Теперь... Но прежде, чем он успел объяснить свой план, в салон заглянул пилот.

— Сеггридж и Нкале, немедленно на баржу... — сказал он. — Ракетный катер уже в полете. Необходимо усыпить животных, которые пойдут первым рейсом...

Сеггридж вопросительно посмотрел на Кагена, Каген кивнул.

— Мы справимся, — сказал он, отталкивая кидаящуюся на него Малышку. — Идите! Я прилечу через несколько минут...

Нкале и Сеггридж начали спускаться по трапу, у нижнего конца которого уже плескалась вода. Как только они отбежали от вертолета, пилот предупредил нас, что сейчас взлетит и возвратился в свою кабину...

— Теперь так, — бодро сказал Каген. — Гориллят надо пристегнуть поясами к прутьям клетки. Когда я выйду, их нетрудно будет отстегнуть снаружи. Давай...

видел... Связались по радио с баржей. Ни Сеггридж, ни Нкале ключа не брали.

— Есть? — с надеждой спросил Каген, едва я вошёл в салон.

— Нету... Может быть, он упал в воду? — я посмотрел в иллюминатор.

В ожидании ракетного катера вертолёт кружил над излучиной. Вернее сказать, над тем местом, где совсем недавно была излучина, и находился лагерь «КИС-КИС». Теперь всё пространство до самых джунглей покрывала вода. Лишь кое-где из пенистого грязно-рыжего моря поднимались небольшие, ещё незатопленные островки. На них жались друг к другу мокрые перепуганные животные. На одном из таких островков я увидел леопарда и антилопу.

Кровожадный убийца и не думал нападать на свою затравленную соседку... Прямо под нами, пронизывая ночь ослепительными лучами прожекторов, покачивались на волнах два маленьких белобоких катера, запряжённых в большую баржу. Всё население лагеря теперь было там...

А за мою спиной, запертый в клетке с гориллами, Каген шумно переживал своё бедственное положение. Где же всё-таки мог быть этот проклятый ключ?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой стремительно следующие друг за другом события обрываются взлётом ракетного катера

Послышался долгий нарастающий гром. Ослепительный столб пламени, пробив тучи, медленно опустился с неба, ударил в воду, погас. Гром оборвался... Часы показывали ровно 23.30...

Посреди затопленной излучины, словно маяк, внезапно выросший над морскими волнами, высился наш красавец — ракетный катер. Вокруг него расплывались белые клубы пара.

У основания длинного сигарообразного корпуса открылся просторный, как ворота, люк. Из него плавно выдвинулась большая горизонтальная платформа — посадочная площадка для нашего вертолётца.

— Немедленно выпусти меня из клетки, — потребовал Каген. — Сбей замок!..

Я разыскал молоток и несколько раз изо всех сил грохнул им по замку. Замок и не думал открываться.

— Слушай, — сказал я, — если он заклинится, тогда и ключ не поможет.

— Попробуй ломиком!

— Нету ломака, Каген. Здесь же не мастерская...

Я попытался просунуть под замок рукоятку молотка, чтобы использовать её как рычаг, но она не влезала.

Вертолёт, между тем, опустился на платформу.

Рокот мотора смолк. В салоне появились люди. Они с удивлением уставились на сидящего в клетке Кагена.

— Это что, человек? — спросил по-русски первый вошедший. — Зачем он там?

— Это... это сопровождающий, — сказал я и незаметно подмигнул Кагену. — Воспитатель. Гориллы без него не могут...

Человек понимающе кивнул, а Каген, изобразив на лице улыбку, начал гладить Малышку по голове.

— Спокойно, дружок... Спокойно, — заискивающим голосом приговаривал он. — Сейчас нас вынесут. — Он еле успел отдернуть руку — зубы Малышки клацнули возле его пальцев.

Клетку с Кагеном и гориллами унесли. За ними выгрузили всё остальное. Я отстегнул цепочку, на которой сидела Леди, выволок мартышку из-под стола, посадил на плечо и, прой-

дя в кабину, простился с пилотом. Затем перешел на платформу. Вертолёт улетел.

Сильный дождь пришёлся совсем не по вкусу Леди. Она отплёвывалась и дёргала меня за уши, требуя поскорее перенести её внутрь ракетного катера. Но я не хотел уходить. Два белобоких буксирчика, с трудом преодолевая течение, подводили баржу. На её палубе было полно людей, толпившихся вокруг усыпленных слонят, маленьких носорогов и жирафов. На носу баржи стояло несколько человек, среди которых выделялась могучая фигура М'Коло с леопардовой шкурой, живописно перекинутой через плечо. В правой руке у него было копьё, а в левой — большой раскрашенный под зебру полосатый щит, сделанный из кожи буйвола. Им он, как зонтиком, прикрывал от дождя стоявшую рядом Нкале.

Платформа медленно наклонилась, образуя удобный скат, к нижнему концу которого теперь могла пришвартоваться баржа. Пока она швартовалась, из глубины люка выкатились две грузовые тележки и по смонтированным в платформу рельсам спустились к палубе. На каждую из них погрузили по одному слонёнку. Тросы начали наматываться на барабаны, и тележки со своим грузом поехали вверх...

Всё это было здорово интересно, но тут Леди окончательно вышла из себя и принялась колотить меня чем-то твёрдым по голове. «Кольцо от цепочки!» — догадался я, но когда поймал её мокрую лапку, ничего в ней не обнаружил. Димка тоже был совсем мокрый.

Наверно, Леди боялась, что он простудится, потому и нервничала. «Отнесу её, а пси том вернусь», — решил я, но в этот момент увидел, как весь насторожившийся М'Коло схватил Рам Чарана за руку. Несколько секунд он напряжённо к чему-то прислушивался, затем взволнованно заговорил с учёным.

— Тькави! — крикнул мне Рам Чаран.— Срочно передай командиру катера: вода горного озера огромным валом идёт сюда через джунгли...

— Откуда это известно?

— Там-тамы... М'Коло слышит их голоса... Если через пятнадцать минут баржа не отойдёт от катера, её разнесёт в щепы. Может перевернуть и вас!..

Командир ракетного катера находился около лебёдок, поднимавших тележки со слонятами. Он понял меня с полуслова...

Теперь мне нужно было как можно быстрее избавиться от Леди и успеть на баржу — попрощаться. Скоростной лифт за несколько секунд доставил меня в грузовой трюм. Сквозь застеклённую дверь я успел заметить, как, услышав приближение лифта, Каген перестал возиться с замком и, отскочив на середину клетки, принял полный достоинства вид.

— Привет воспитателю, — весело сказал я. — Можно тебе подкинуть Леди?

Не знаю, что он собирался ответить — в трюм вкатились тележки со слонятами, и вошли сопровождающие их люди. Каген молча взял у меня цепочку. Я поблагодарил его, сбросил с плеча Леди и поспешил на баржу.

Погрузка шла полным ходом. До отлёта оставались считанные минуты. Люди и механизмы работали с исключительной чёткостью и быстротой. Но вода поднималась ещё быстрее. Течение усилилось, баржу качало. Вокруг погружённых в воду стальных опор ракетного катера завихрились и клокотали воронки...

Элиас Кимараре объявил, что баржа с оставшимися на ней животными немедленно пойдёт к противоположному берегу озера. Следующую партию груза ракетный катер заберёт оттуда.

Настала пора прощаться. Стараясь не показывать, как мне не хочется именно теперь расставаться со своими друзьями, я крепко пожал руки всем, кто был на барже, подарил М'Коло свой перочинный нож и подошел к Нкале.

— Нам нужно поговорить, Тькави,— сказала она, когда я протянул ей руку. — Отойдём в сторонку.

Мы отошли. Она как-то странно посмотрела мне прямо в глаза, словно ожидая услышать от меня что-то важное. А я не знал, чего она хочет. Молчание грозило затянуться.

— Ну, до свиданья,— сказал я.— Самое большое через две недели...

— Нет, — сказала она. — Ты нечестно поступил с Кагеном. Ключ у тебя.

— Честное слово, нет!

— Но не мог же он испариться.

— Он мог упасть в воду. Я повсюду искал.

— Честно?

— Честно!.. Если ты не будешь меня задерживать, я попытаюсь сломать замок.

Кажется, она, наконец, поверила, потому что протянула мне руку. Но ломать замок было уже поздно. Я едва успел добежать до люка, как прозвучала команда прекратить погрузку. Баржа отчаливала. Платформа поднялась и начала задвигаться внутрь ракетного корабля. Люк закрылся.

В грузовом трюме кипела работа. Команда катера привязывала ящики, закрепляла специальными поясами уснувших и бодрствующих животных: нужно было подготовиться к перегрузкам и состоянию невесомости. Вошёл командир и, убедившись, что всё сделано как надо, приказал людям тоже занять свои места. Я с отчаянием посмотрел на Кагена — не мог же он оставаться в железной клетке, когда начнёт действовать перегрузка! Запелёнутые в противоперегрузочные рубашки и обложенные подушками гориллята были прочно пристегнуты широкими поясами к прутьям клетки. Снаружи точно так же была устроена Леди. А у Кагена ничего не было...

— Выходите, — сказал ему командир.

И тут... И тут Каген, как ни в чём не бывало, протягивает мне ключ и просит открыть замок.

— Где... где ты его нашёл? — заикаясь, спросил я на нашем родном языке, который был непонятен землянам.

— В кармане.

— Но... мы же выворачивали карманы!

Каген рассмеялся.

— И всё-таки он был в кармане. Только не у меня, а у Леди. В её зашлёпном мешке. Она причёсывала им Димку!..

Так вот чем она колотила меня по черепу!

Мы перешли в кабину управления и заняли свои места в противоперегрузочных креслах. На экране находившегося перед нами телевизора было видно огромное залитое водой пространство. Прыгая по волнам, два катера уводили баржу к противоположному берегу. А со стороны джунглей стремительно, вздымаясь гигантской серой стеной, к озеру катился чудовищный водяной вал, в пенистом гребне которого, как щепки, кувыркались вывороченные из берегов лесные великаны...

— Пламя! — предупредил командир, нажимая стартовую кнопку.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, из которой мы узнаём, что Ленкин дедушка опять что-то задумал, а что — неизвестно,

— Лето! — сказал Александр Петрович, входя в Ленкину комнату. — Объявляется антракт...

К этому были свои причины. Во-первых, мы

с Генкой ехали в разные пионерские лагеря. Во-вторых, Ленка... О! Ленке можно было позавидовать. Она получила приглашение на остров Диксон! Её родители уже второй год работали там на полярной станции. И вот представилась оказия — попутный транспортный самолёт и знакомый лётчик. Её багаж уже был собран. Главное место в нём занимали фотографический аппарат и магнитофон. Она, конечно, не могла ручаться, что запишет рычание белого медведя. Но лай полярных собак, грохот волн и разноголосье птичьих базаров — это уж будьте уверены!.. Месяц, на который её приглашают, она не потеряет зря...

— А что будет после антракта, дед? Ты уже придумал?

Александр Петрович прищурил глаз и загадочно улыбнулся.

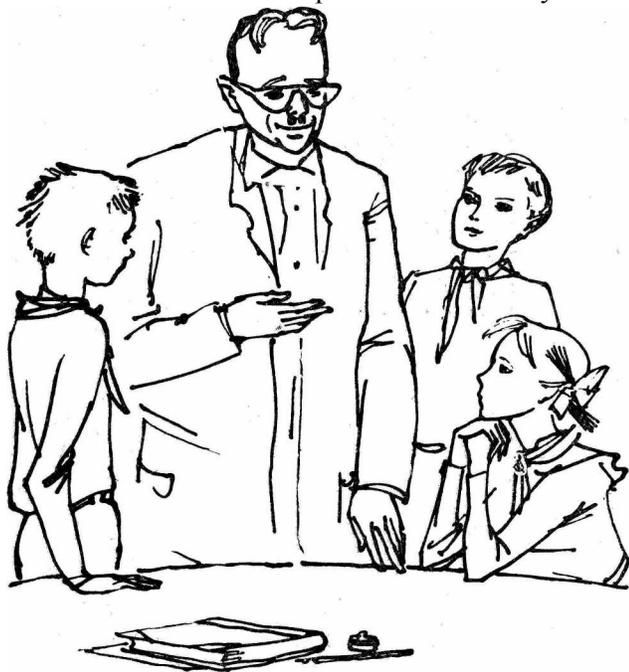
— Нечто! — сказал он. — Что такое, о чём вы узнаете в своё время... Можете теряться в догадках.

— Нет, ты скажи. Мы же должны подготовиться.

— А вы умеете хранить тайны? — строго спросил Ленкин дедушка.

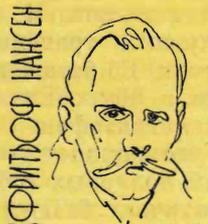
— Конечно! — хором ответили мы.

— Я тоже, — гордо произнёс Александр Петрович и, пожелав нам весёлых каникул, торжественно покинул комнату.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛЯРНЫХ СТРАН

ФРИТЪОФ НАНСЕН

ПОЧТА 1 КОП.

НАНСЕН, ФРИТЪОФ. (1861—1930). Норвежский учёный, арктический путешественник, исследователь Ледовитого океана. Чтобы определить, как дрейфуют полярные льды, то есть — куда и с какой скоростью они движутся под влиянием ветра, течений и вращения Земли, Нансен на своём корабле „Фрам“ поплыл как можно дальше на север. Там его судно вмёрзло в лёд и начало дрейфовать вместе с ледяным полем. Это было первое путешествие нарочно совершённое таким способом. Когда дрейф на север прекратился, Нансен с одним студентом — Яльмаром Йогансеном покинул корабль и на собаках двинулся к полюсу. Это было весной 1895 года. Продовольствия они взяли только на месяц, а пропущено было больше года. Но достичь полюса им не удалось. И они непременно умерли бы от голода, если бы им изредка не удавалось убить тюленя, белого медведя или песца. Съели собак. Дрейф „Фрама“ и другие полярные экспедиции Нансена имели очень важное значение для изучения Арктики.

РОБЕРТ ПИРИ

ПОЧТА 1 КОП.

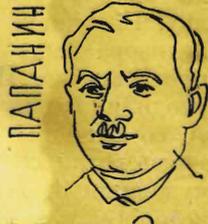
ПИРИ, РОБЕРТ. (1852—1920). Американский инженер, полярный исследователь. Пешком, на лыжах и на собаках обследовал Гренландию — самый большой в мире остров, родину северных айсбергов. Поставил себе цель покорить Северный полюс. Многие путешественники пытались это сделать до него, но не смогли. И три первые экспедиции Пири тоже кончились неудачей. Тогда он пошёл в четвёртый раз. И 6 октября 1909 года Северный полюс был, наконец, покорён. Вместе с Пири его достигли негр — доктор Метью Хенсон и четверо эскимосов. Транспорт — собаки.

РОБЕРТ СКОТТ

ПОЧТА 3 КОП.

СКОТТ, РОБЕРТ. (1868—1912). Английский моряк, исследователь Антарктиды. Он и его четыре товарища пешком добрались до Южного полюса. Все пятеро погибли на обратном пути — обесслабели и замёрзли в снегах, не дойдя всего одиннадцати миль до склада с продовольствием...

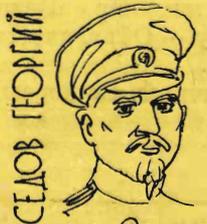
ПАПАНИН

ПОЧТА 3 КОП

КРЕНКЕЛ

ПОЧТА 4 КОП

СЕДОВ ГЕОРГИЙ

ПОЧТА 3 КОП.

СЕДОВ, ГЕОРГИЙ. (1877—1914). Первый русский исследователь, штурманский Северный полюс. Хотя Седов был морским офицером, царское правительство отказалось помочь ему. В августе 1912 года корабль Седова „Св. Фока“ взял курс на Север. Экспедиция с самого начала сложилась неудачно. „Св. Фока“ был затёрт льдами. Продукты были плохие. Все люди на корабле заболели цингой. Топлива не хватало. Чтобы согреться, жгли моржовое сало. В феврале 1914 года, хотя до полюса оставалось ещё 2000 километров, больной Седов решил продолжать путешествие на собаках. Он взял с собой двух товарищей и отправился в путь... Только немного они прошли. 5 марта Седов умер. На его могилу положили древо русского флага, который он собирался водрузить на Северном полюсе, чтобы прославить Родину.

ФЕДОРОВ

ПОЧТА 2 КОП

АМУНДСЕН

ПОЧТА 1 КОП

АМУНДСЕН РУАЛЬ. (1872—1928). Полярный исследователь, норвежец. В начале нашего века открыл морской проход между берегами Гренландии и Северной Америки, соединяющий Атлантический океан с Тихим. Плавание было совершено на паровой яхте „Иоя“. В декабре 1911 года, всего только на один месяц раньше англичанина Роберта Скотта, достиг со своими четырьмя спутниками Южного полюса. Транспорт — собачьи упряжки. В 1927 году на дирижабле „Норвегия“ совершил первый в мире перелёт из Европы в Америку через Северный полюс. Летом 1928 года, разыскивая экипаж потерпевшего крушение дирижабля „Италия“, погиб в пучинах Ледовитого океана. Экипаж „Италии“ был спасён советскими полярниками. А от гидроналона „Латам“, на котором летел Амундсен, нашёл только один поллавок...

ШИРШОВ

ПОЧТА 3 КОП

СОЛОМОН АНДРЕ

ПОЧТА 2 КОП.

АНДРЕ, СОЛОМОН АВГУСТ. (1854—1897). Шведский инженер. В 1897 году с двумя товарищами полетел к Северному полюсу на воздушном шаре. Для связи взяли 50 почтовых голубей. Единственный голубь, возвратившийся на базу через 4 дня после вылета, принёс записку, что всё в порядке. А потом — никаких известий. Окопавшие тела отважных воздухоплавателей нашли только 33 года спустя на острове Белом. Все трое погибли, пытались добраться до Большой Земли, после того, как шар потерял аварию.

лись научной работой... Так начался небывалый дрейф первой в мире полярной станции — „СП-1“. Он продолжался 274 дня. За это время льдина проплыла более 2500 километров и была вынесена к берегам Гренландии. Лёд трескался и ломался. От огромного ледяного поля остался небольшой обломок, почти такой, как те, что плывут по реке весной. Но два советских ледокола вовремя подошли к помощи и в самый последний момент сняли всех четырёх — начальника станции Ивана Панагина, радиста Эрнеста Кренкеля, океанолога Петра Ширшова и астронома Евгения Федорова... И даже собаку, которая с ними была, тоже спасли!.. Дрейф „СП-1“ положило начало новому этапу в исследовании Арктики — всем теперешним научным станциям на льдах.

ПАПАНИНЦЫ... Многие исследователи Арктики совершали героические ледовые походы и прославились открытиями за Северным полярным кругом. Немало героев заплатило жизнью — замёрзло во льдах, умерло от голода. Но вслед за ними шли новые исследователи и продвигались дальше. А в мае 1937 года советские летчики выгрузили на лёд Северного полюса оборудование для лагеря и высадили четырёх полярников. Самолёты улетели, а четверо смельчаков остались на льдине и заня-

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ , в которой рассказывается о том, что есть и о том, что было, и которая приближает читателя к тому, что ещё предстоит	2
ГЛАВА ВТОРАЯ , в которую wpłyвает лодка с исследователями и из которой ис- чезает Нкале. Тропический лес. Приключение со змеёй	3
Научная тетрадь № 1	7
ГЛАВА ТРЕТЬЯ , в которой выясняется, куда девалась Нкале, ведутся боевые дей- ствия против стада мартышек и берутся пленные	12
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ , которая приводит нас в охотничий лагерь. В ней же даются сведения о человекообразных обезьянах, разъясняется, что такое «КИС-КИС» и для чего нужен анабиоз	14
ГЛАВА ПЯТАЯ , которая объясняет, чем Африка отличается от других континентов и почему капитан Лендед надеялся, что мы обнаружим какое-нибудь неизвестное науке животное	17
Научная тетрадь № 2	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ , в которой излагаются необыкновенные события безумной ночи	26
ГЛАВА СЕДЬМАЯ , в которой покинутый всеми Тькави размышляет о разнице между саваннами и джунглями, завидует друзьям и готовится к приёму радиорепортажа	29
Научная тетрадь № 3	32
ГЛАВА ВОСЬМАЯ , воспроизводящая магнитофонную запись рекордного охотничьего радиорепортажа, который произвёл Каген. Для большей ясности глава снабжена рисунками из альбома Нкале и примечаниями Тькави	38
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ , которая посвящается охоте на львов и даёт отвратительную характеристику гиенам	40
Научная тетрадь № 4	44
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ , в которой со слов Кагена рассказывается, как происходила схо- та на носорогов, и делается не вполне понятный намёк на последующие собы- тия, связанные с потерей очков	50
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ , в которой речь идёт обо мне, о слонах, о Леди и льви- ном рыке, о графах и опять об очках. Затем начинается	54
Научная тетрадь № 5	58
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ , в которой мы едва не сгораем, но зато читатель получает некоторое представление о том, что такое маленький степной пожар	63
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ , в которой описываются антилопы, жирафы и зебры. Тькави, рискуя своим добрым именем, скрывает от читателей дивный приключенческий трюковой фильм с участием Кагена	65
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ , в которой рассказывается о страусовой ферме, плантациях арахиса, кофе, чая и хинного дерева, о птицах на озере Киву, о пигмеях и лесном телеграфе — «Длинное ухо»... Полёт за дикой пчелой	67
Научная тетрадь № 6	70
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ , в которой досказывается то, что было недосказано в четырнадцатой, описывается поразительное пресмыкающееся и производится обмен — два гориллёнка за один ботинок	75
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ , в которой салон вертолётa превращается в поле боя, Каген устраивает мне подвох, а в район лагеря приходит дождливый период...	79
Научная тетрадь № 7	82
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ , в которой Каген попадает в бедственное положение, Рам Чаран знакомит меня с трубкозубом, лагерь «КИС-КИС» переселяется на баржу, и начинается наводнение	88
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ , в которой стремительно следующие друг за другом события обрываются взлётом ракетного катера	91
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ , из которой мы узнаём, что Ленкин дедушка опять что- то задумал, а что — неизвестно	93
ООРПРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ	94

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Свирин
БОЛЬШАЯ ОХОТА

•

Художники

Г. Никольский, В. Севрюгов,
М. Майофис, И. Пяткин

•

Редакторы Л. Архарова и С. Омилянчук

Художественный редактор Д. Пчёлкина

Технический редактор Т. Щептева

Корректоры Н. Пьянкова и Н. Сендерова

Подписано в печать 25 X-66 г. Бумага № 1, формат 60X90/8.

Печ. л. 12 (8 п. л. выс.+4 п. л. офс. вил.).

Уч.-изд. л. 13,98. Тираж 115 000. Изд. № 925. Заказ 1368.

Цена в переплёте 1р. 37 коп.

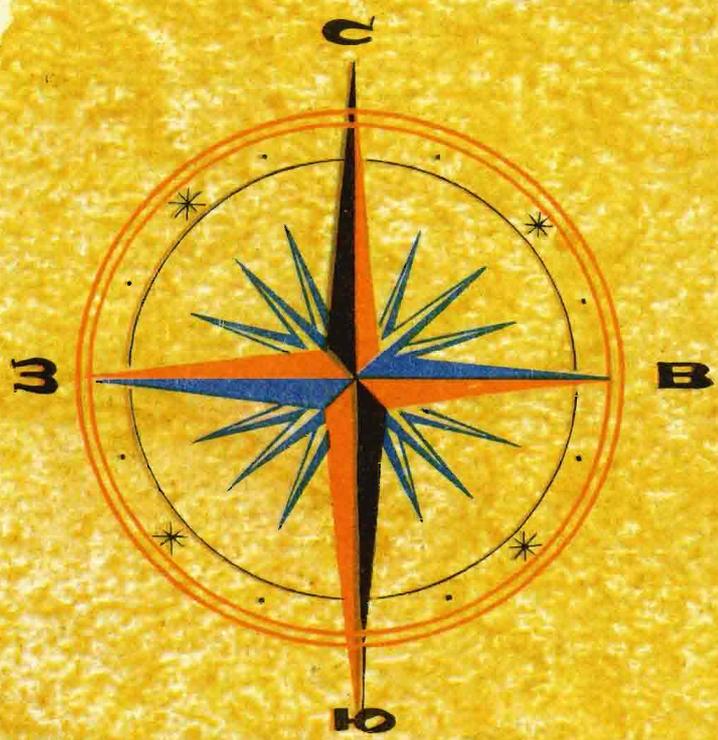
Издательство «М а л ы ш»

Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Москва, А-55, Бутырский вал, 68.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Комитета по печати

при Совете Министров БССР. Минск, Красная, 23.

Цена 1 р. 37 к.

